

419

11814

Ranaú

FOUNDED 1886

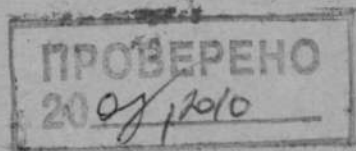
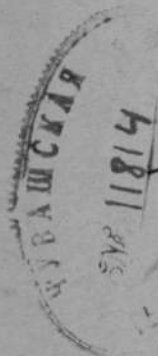
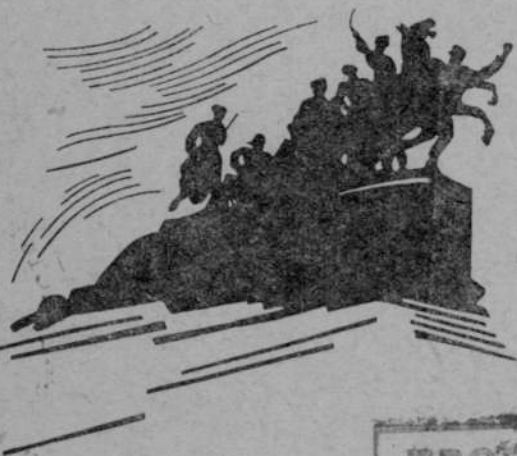

ЧАПАЙ

ч-19

ПЕСНИ, БЫЛИНЫ, СКАЗКИ,
УСТНЫЕ СКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ
О ЛЕГЕНДАРНОМ ГЕРОЕ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ, СЛАВНОМ КОМДИВЕ
ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ ЧАПАЕВЕ

КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1938

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Цель этой книги — воссоздать коллективный, если так можно выразиться, народный образ легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева.

В книге помещен фольклор о Чапаеве: песни, былины, сказки, устные сказы, а также воспоминания. Чапаев еще при жизни имел легендарную славу. Из уст в уста передавались рассказы о подвигах любимого героя Чапая, который подавлял кулацкие восстания, собирал бедноту и батраков в красногвардейские отряды, а позже вел полки против белоказацких и колчаковских войск и одерживал блестящие победы. Народ не забыл о своем доблестном сыне и любимом герое. Слава о нем пошла по всей нашей необъятной стране. О Чапаеве слагаются песни, сказы и былины не только в Поволжье и на Урале, где воевал Чапаев, но и в Сибири и в других областях Советского Союза. Фольклор о Чапаеве растет с каждым днем. Собранное в этой книге составляет лишь незначительную часть того, что создано народом о Чапаеве.

Очень возможно, что некоторые песни о Чапаеве имеют определенного автора. Но они до сих пор нигде не опубликованы за чьей-либо подписью. Их поют в народе, не зная автора. Они обрастают новыми образами, целыми строфами и в конце концов становятся народными в полном смысле этого слова.

В числе авторов воспоминаний выступают колхозники, рабочие, служащие, когда-либо встречавшиеся с Чапаевым. Большинство их — бывшие рядовые бойцы героической Чапаевской дивизии. Воспоминания по своему складу мало чем отличаются от сказов. Они не столько документально воспроизводят тот или иной факт или случай, сколько воссоздают запомнившийся в представлении чапаевцев образ любимого командира и легендарного героя. Надо учесть, что авторы этих воспоминаний не пользовались

записными книжками. Воспоминания публикуются почти в том виде, в каком они были записаны от авторов.

Большая часть помещенных в книге материалов собрана фольклорной экспедицией, организованной куйбышевским правлением союза советских писателей летом 1936 года, под руководством старшего научного сотрудника Государственного литературного музея В. М. Сидельникова.

Книга печатается по изданию «Советского писателя» с некоторыми изменениями.

1. Чапаевская

Не орел в полет далекий
Выводил своих орлят,
По долинам приуральским
Вел Чапаев свой отряд.

Набежала волчья стая,
Подняла повсюду вой,
Но повел герой Чапаев
Свой отряд в горячий бой.

И погнал, погнал Чапаев
Всех волков и всех волчат.

От Чапая без оглядки
Побежал и сам Колчак.

За Албищем волки рыщут,
Черны вороны кричат.
За Албищем пули свищут,
Добивают всех волчат.

Не орел в полет далекий
Выводил своих орлят,
По долинам приуральским
Вел Чапаев свой отряд.

2. Песня про Чапая

Не серая волчица
Уводит в степь волчат,
Степями волочится
Разгромленный Колчак.

Но кто это в погоню
Ударил за врагом?
Чьи взмыленные кони
Идут поверх погон?

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Уральские долины —
Дорога удальцов.

Кто их ведет? Тропа его
Проложена в огне.

Дивизия Чапаева —
И сам он на коне.

Погодушка чертовская,
Дороженька глуха.
Упала колчаковская
К ногам его Уфа.

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Уральские долины —
Дорога удальцов.

Дороги по зеленому
По полю далеки.
К Уральску осажденному
Он подводил полки

Колоннами, колоннами,
Сквозь гром и чадный дым,
К Уральску осажденному,
К товарищам своим.

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Уральские долины —
Дорога удальцов.

Ревут орудья бурями,
Ползут броневики.
Степной дорогой к Гурьеву
Идут полки, полки.

Свистят ветра горячие,
Кромешная жара.
Отрядами казачьими
Кишели хутора.

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Уральские долины —
Дорога удальцов.

Бойцы с губами черными
И нестерпимый зной,
И вороны и вороны
Над самой головой.

Не спите, караульные!
В глухой ночи — ни зги.
Степной яругой к Лбищенску
Подкралися враги.

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Уральские долины —
Дорога удальцов.

И вот вокруг Чапаева
Сомкнулося кольцо,
И смерть из дула каждого
Грозит ему в лицо.

Он умер и не умер,
Любимый наш герой.
Идет его дивизия
На приступ боевой.

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Уральские долины —
Дорога удальцов.

Развиты гривы бурями,
Ползут броневики.
Степной дорогой к Гурьеву
Идут его полки.

По коням и в погоню,
Сквозь дым и сквозь огонь.
Чапаевские кони
Идут поверх погон.

Горы, вершины,
Я вас вижу вновь.
Уральские долины —
Дорога удальцов.

3. Нас ведет родной Чапаев

Вьются в небе стаи чаек
Над игривою волной.
Нас ведет родной Чапаев
За советы смело в бой.

Уральские горы
Мы перейдем,
Врагов страны прогоним —
Счастливо заживем.

Голубой простор высокий
Дышит свежестью вдали.
Прилетел к нам ясный сокол,
Боевой герой страны.

Уральские горы
Мы перейдем,
Врагов страны прогоним —
Счастливо заживем.

Кони мчатся вороные,
Впереди летит герой.
Шашки блещут золотые
Высоко над головой.

Уральские горы
Мы перейдем,
Врагов страны прогоним —
Счастливо заживем.

Уральские горы
Мы перейдем,
Врагов страны прогоним —
Счастливо заживем.

Пусть слетают стаи чаек
На лазурную струю.
Встанем смело, как Чапаев,
Мы за родину свою!

Много с белыми сражений
Наш Чапаев принимал,
Шел вперед без поражений
И назад не отступал.

Уральские горы
Мы перейдем,
Врагов страны прогоним —
Счастливо заживем.

4. Скачут славные чапаевцы

То не ветер, то не буря
Зашумела по степи,
Скачут славные чапаевцы,
Командир их — впереди.

Командир Чапаев смелый,
Он боится ли кого!
Только ворон очумелый
Вьется, кружит вкруг него.
— Отступись; проклятый ворон,
Ненасытный ворон злой!
Полетай ты над врагами,
Покружись над казарой...

Отступился черный ворон.
Скачет конница в степи,
Развевается лишь бурка
Командира впереди.

Позади он слышит ропот:
— Надоело воевать!
Поскорей бы воротиться
К отцу-матери опять.

Слышит ропот сам Чапаев,
Ус тяжелый покрутил,
Вдарил лошадь стремями,
Молвил строго вгорячах:

— Нам ли времечко судачить,
Нам ли думать-горевать?
Шпорь коня ты вороного,
Надо братьев выручать!

Время жаркое настало:
Рыщут в селах казаки,
И врагам лихим на помощь
Выступают кулаки.
— Правду нам сказал Чапаев,
Эй, ребяташки, вперед!
Повоюем с казарою
За свободу, за народ!
Понеслися, полетели.
Степь стонала позади.
Скачут славные чапаевцы,
Командир их — впереди.

5. Песня о комдиве

Снова в песнях оживает
Быль прошедших дней.
Мчится в бой герой Чапаев
На лихом коне.

Горный ветер тихо реет,
Чуть шумит река.
Вдаль уходит батарея
Красного полка.

Развернулася колонна
Средь курчавых ив,
Во главе дивизиона
На коне — комдив.

Из-за туч катится косо
Бледная луна.

Лижет хмурые утесы
Гневная волна.

Петька лег, не отступает,
Метко пули шлет.
Поперек реки Чапаев
Раненый плывет.

До последнего держаться,
А затем — в штыки!
Косят Петьку-ординарца
Пули у реки.

Все они проходят строем,
Те, кто рос в бою,
И в любом бойце героя
Вновь я узнаю.

6. Смерть чапаевца

Боец израненный лежал
В долине тесной, за холмами.
Слова прощальные шептал
Он охлажденными губами.
А конь, товарищ боевой,
С земли поднявшись после боя,
Своею кованной ногой
Коснулся он груди героя:
— Вставай! Все тихо уж вокруг,
Не слышно грохота и звона,

И вслед бегущему врагу
Умчались наши эскадроны.

В ответ раздался тихий стон:
— С земли сырой мне не подняться.
Не жди меня, мой верный конь,
Пришла пора с тобой расстаться.

Лети к товарищам, к родным,
Всему народу ты поведай —
О битвах ты поведай им,
О наступленьях и победах.

О том, как доблестны в бою
Всегда чапаевские части,
Как отдаем мы жизнь свою
За нашу родину, за счастье.

7. Могила героя

Где заросли горькой полыни,
Где глиняный Лбищенск стоит, —
Василий Иванович Чапаев
За родину нашу погиб.

Погиб он под пушек рычанье,
Под треск пулеметов врага.
Как жаль, что не видно могилы:
В степи не осталось бугра.

Извилистый берег Урала
Серебряной гладью покрыт,
Под этой серебряной гладью
Василий Иванович лежит.

Не ветер поет над могилой,
Покрыла героя река.
Погиб он за дело народа,
И тем его слава крепка.

Герои-бойцы двадцать пятой
Врубались в поганую рать.
Он им завещал перед смертью
За родину нашу стоять!

Лежит он в неведомой дали,
Холодной волною омыт.
Горячее сердце народа
Скорбит о герое, скорбит...

8. Буданский командир

На седые отроги Приуралья,
Мимо волжских зеленых берегов,
Скачет с конницею красною Чапаев —
Всюду разбивает он врагов.
Запевают песни девки да парни
На гуляньи в падах у реки,
Как буданский командир Чапаев
На Урал вел свои полки.
То не зреет во полюшке калина,
Не туманы плывут под круч-горой,
Ой, горит во крови зелена долина,
Во дыму Урал седой.
Лихо машет шашкою да рубит
Полководец Чапаев удалой.
Он в том ли бою сверкнет очами,
Засвистит сабля острая в руке,
И расстанется с широкими плечами
Голова на беляке.
По степному, по широкому раздолью
Красный сокол с победой пролетал,
А ему навстречу с хлебом-солью
Выходила беднота.
А вот с тех ли отрогов Приуралья
Вокруг славных чапаевских бойцов
Тучей черной шла вражья стая,
Замыкалася в кольцо.
Воскипела битва схваткою смертельной
На зеленых на лугах.
Стойко дрался... и думал Чапаев:
«Без патронов с врагом не совладать:
Впереди шумит река волновая,
Сзади — несметная рать...»

Зовет, кличет тут бойцов полководец,
Он кидается с кручи на грудь волне.
Ах, и никнут травы да плачут ветры
На той правой стороне.
Где ревут и кипят седые волны,
Мутной пеной бьются в берега,
Там лежит на дне командир, сраженный
Злою пулею врага.

Ходят былины
По горам, по долинам
Про ту ль славную гибель
Красного бойца,
Удалого героя Чапаева.
Что во тех-де местах
По дну реки
С той поры две струи протекало.
Вот одна-то струя
Как день светла,
Другая — как зорька ала:
То по левую — кровь бежит,
А по правую командир лежит.

9. Былина о Чапаеве

Как на славной матушке да на большой Руси
Нарождалось чадо, чадо милое,
Чадо милое да любимое —
Молодой Чапай Василий сын Иванович.
А во время своего да возрастания
Молодой Василий сын Иванович
Много видел он да горькой участи,
Горькой участи от недостаточков родителей.
Он возрос до полного до возраста,
Захотелось Чапаю много мудростей —
Рыбой-щукой нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
Птицей-соколом летать под синим облачком.
Услыхал Василий про невзгодушку,
Что с-под той ли западной сторонушки,
Как ведь в тую ли пору, в тоё времячко,
А ведь в том году да в восемнадцатом
Перешли границу неприятели,
А со всех концов да свету белого
Точно черные вороны посыпались

А на тоё ли государство пролетарское.
Разгорелось сердце у Василия,
А его ли сердце богатырское.
Говорит Василий таковы слова:

«А не может быть, чтоб трудовой народ,
Чтобы сдался в руки неприятелям,
Чтоб они над ним издевались,
Издевались да насмехались».
Говорит Василий таковы слова:
«А поеду я да во чисто поле,
Своей силушки с ними поотведаю».

Одевается Василий, снаряжается,
Одевает одежду военную,
Военную одежду зелена сукна.
Брал с собою он да саблю острую,
Свое длинное копье да мурамецкое,
Карабинку брал пятизарядную,
Кобуру с наганом на плечо одел,
Да набрал он много бомб разрывчатых, —
С родной матушкой прощается.
Говорит Василию родна матушка:
«Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Василий свет Иванович,
А куда ты едешь, куда путь держишь,
Когда ждать тебя да когда поджидать,
Да когда велишь в окошечко поглядывать?»
Говорит Василий таковы слова:
«Ай же, свет, моя ты родна матушка,
Первы три году ты прожди за себя,
Других три году ты прожди за меня.
И когда пройдет пора-времячко,
Пора-времячко — всех шесть годов,
Прибежит мой конь да из чиста поля,
Из чиста поля да без наездничка,
Так тогда, моя ты родна матушка,
Не покинь моих да малых детушек.
А я еду в поле биться-ратиться,
Постоять за правду, за отечество,
Защищать я еду землю пролетарскую.
Не вернусь я если из чиста поля,
Не забудет власть советов моих детушек,
Помочь даст до полного до возраста».

Выходил Василий на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Выбирал жеребчика неезжена,
Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Скоро-скоро седлал да закольчуживал,
На коня подкладывал он войлочек,
А на войлочек покладывал подпотничек,
На подпотничек седельшко черкасское.
Заседлал тут молодец добра коня,
И поехал молодец из широка двора,
А его ли мать да малы детушки
Со слезами на глазах да оставались.
Молодой Василий да Иванович
Повернул коня он на широкий двор,
Подъезжает он да к родной матушке,
Крепко руку жмет он родной матушке,
Обнимает своих да малых детушек.
На прощанье детушкам наказывал:
«Ай же, малые мои вы вьюнышки,
Как возрастете вы до полного до возраста,
Станьте верными бойцами во чистом поле,
Защищайте землю вы советскую».
Молодой Василий да Иванович
Повернул он своего добра коня,
А с того ль двора, двора широкого,
Да в тое ли раздольице — чисто поле.
Со двора он ехал не воротами,
А из города он ехал не дорогою
Со своею сотнею Чапаевской.
И поехал ко городу к Уральскому.
Подъезжает ко городу к Уральскому,
Нагоняет он Фрунзе да во чистом поле.
Они съехались да поздоровались,
Они делали сговор между собой,
Как им силушки расставить по фронтам везде.
Говорит ему Фрунзе таковы слова:
«Ай же ты, Василий свет Иванович,
А ведь быть тебе да атаманушком
Да над той ли армией великоей».
Говорит Чапаев таковы слова:
«Ай же ты, Михайло да Васильевич,
Зря не сдамся в руки неприятелю,
Я не дам в обиду трудовой народ,
Трудовой народ да армию великую».

А на тоё ли государство пролетарское.
Разгорелось сердце у Василия,
А его ли сердце богатырское.
Говорит Василий таковы слова:

«А не может быть, чтоб трудовой народ,
Чтобы сдался в руки неприятелям,
Чтоб они над ним издевались,
Издевались да насмехались».
Говорит Василий таковы слова:
«А поеду я да во чисто поле,
Своей силушки с ними поотведаю».

Одевается Василий, снаряжается,
Одевает одежицу военную,
Военную одежду зелена сукна.
Брал с собою он да саблю острую,
Свое длинное копье да мурамецкое,
Карабинку брал пятизарядную,
Кобуру с наганом на плечо одел,
Да набрал он много бомб разрывчатых, —
С родной матушкой прощается.
Говорит Василию родна матушка:
«Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Василий свет Иванович,
А куда ты едешь, куда путь держишь,
Когда ждять тебя да когда поджидать,
Да когда велишь в окошечко посматривать?»
Говорит Василий таковы слова:
«Ай же, свет, моя ты родна матушка,
Первы три году ты прожди за себя,
Других три году ты прожди за меня.
И когда пройдет пора-времячко,
Пора-времячко — всех шесть годов,
Прибежит мой конь да из чиста поля,
Из чиста поля да без наездничка,
Так тогда, моя ты родна матушка,
Не покинь моих да малых детушек.
А я еду в поле биться-ратиться,
Постоять за правду, за отечество,
Защищать я еду землю пролетарскую.
Не вернусь я если из чиста поля,
Не забудет власть советов моих детушек,
Помочь даст до полного до возраста».

Выходил Василий на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Выбирал жеребчика неезжена,
Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Скоро-скоро седлал да закольчуживал,
На коня подкладывал он войлочек,
А на войлочек покладывал подпотничек,
На подпотничек седельшко черкасское.
Заседлал тут молодец добра коня,
И поехал молодец из широка двора,
А его ли мать да малы детушки
Со слезами на глазах да оставались.
Молодой Василий да Иванович
Повернул коня он на широкий двор,
Подъезжает он да к родной матушке,
Крепко руку жмет он родной матушке,
Обнимает своих да малых детушек.
На прощанье детушкам наказывал:
«Ай же, малые мои вы вьюнышки,
Как возрастете вы до полного до возраста,
Станьте верными бойцами во чистом поле,
Защищайте землю вы советскую».
Молодой Василий да Иванович
Повернул он своего добра коня,
А с того ль двора, двора широкого,
Да в тое ли раздольице — чисто поле.
Со двора он ехал не воротами,
А из города он ехал не дорогою
Со своею сотнею Чапаевской.
И поехал ко городу к Уральскому.
Подъезжает ко городу к Уральскому,
Нагоняет он Фрунзе да во чистом поле.
Они съехались да поздоровались,
Они делали сговор между собой,
Как им силушки расставить по фронтам везде.
Говорит ему Фрунзе таковы слова:
«Ай же ты, Василий свет Иванович,
А ведь быть тебе да атаманушком
Да над той ли армией великоей».
Говорит Чапаев таковы слова:
«Ай же ты, Михайло да Васильевич,
Зря не сдамся в руки неприятелю,
Я не дам в обиду трудовой народ,
Трудовой народ да армию великую».

Разъезжались каждый по своим фронтам,
А ведь Фрунзе едет тут да ко Царицыну,
А Чапаев поехал ко Уральскому.
Приезжает Фрунзе во Царицын-град,
Прямо едет к штабу на широкий двор.
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в дом белокаменный,
На пятах он двери поразмахивал,
А он низко всем да поклоняется,
Да товарищу Сталину в особину.
«Здравствуй, свет Иосиф да Виссарионович!
А я был сегодня во чистом поле,
А я видел во чистом поле Чапаева,
Он поехал биться ко Уральскому,
А я поехал биться ко Царицыну».
Говорит ему Сталин таковы слова:
«Ты запомни-ка, Михайло да Васильевич,
Как поехали с Москвы мы белокаменной,
На поезде Ленин нам наказывал:
«Вы, богатыри земли советской,
Земли русской да пролетарской,
Вы постойте-ка за правду, за отечество,
Не давайте в обиду трудовой народ».
Как наказывал нам Ленин, так и сделаем.
Пусть Чапаев едет ко Уральскому,
А мы будем биться под Царицыном,
Да очистим-ка мы да землю русскую,
Землю русскую от неприятеля,
Не дадим в обиду трудовой народ».

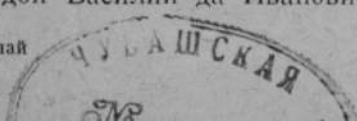
Молодой Василий да Иванович
Подъезжает ко городу к Уральскому.
Как под тем под городом Уральским
Нагнано там силушки черным-черно,
А черным-черно, как черны вороны.
Да во том ли городе Уральском
Тая ли сила неприятельска
Хочет мужичков да всех повырубить.

Разгорелось сердце богатырское
У молодого Василия Чапаева.
Закричал Чапаев громким голосом:
«Ай же, братцы мои, да вы товарищи,
Колотили с вами мы Деникина,
Не давали мы пощады и Юденичу,

А Юденичу да Балаховичу,
Не оставимте в живых и колчаковских банд!»

И пошла пальба да тут по всем фронтам.
Сам Чапаев ясным соколом,
Он летал от юга и до севера
Со своей ли армией геройской.
А он силу бьет да неприятеля,
Да он силу бьет да как траву косит.
Он копьем колол да из ружья стрелял,
Из ружья стрелял, рубил он саблей острою,
А куда ударит — падет улица,
Перевернет саблю — переулочки.

11814
А ведь в тую ли пору, в тое времячко,
Ко тому ли славному Чапаеву
Подъезжал Фурманов из чиста поля,
Из чиста поля к Чапаю в подкрепление.
Молодой Василий да Иванович
Подъезжал ко реченьке ко Белоей,
Усмотрел на северном берегу,
А там было силушки черным-черно,
Черным-черно силы неприятельской.
Молодой Василий да Иванович
Со своей ли конницей геройскою —
Они вплавь да через речку бросились,
А к тому ли северному берегу,
Точно ясны соколы слетались
Да на тую ли силу неприятеля,
Поклевали колчаковцев да деникинцев.
Крики, плачи раздавались колчаковские
Перед славною сотнею Чапаева.
У того ли Колчака да у Деникина
А ведь силы стало мало ставиться,
Испугались колчаковцы да деникинцы,
А в побегах начали отстреливать.
Так ведь в эту ли пору, в это времячко
А одна ли пуля неприятельска
Врылась в тело белое Чапаева.
Молодой Василий да Иванович
Не почувствовал в себе ранения,
Его добрый конь да богатырский
Он не дрогнул от удара великого,
Еще пуще по полю поскакивал.
Молодой Василий да Иванович

Он летал по полю ясным соколом
Со своей ли армией геройскою.
За его отвагу молодецкую
Получил большое награждение,
От своей ли славной власти пролетарской
Получил он орден Красна знамени.
А и тут его сердце да не утешилось;
От такого подарочка великого
Еще пуще сердце разгоралось
У молодого у Василия да Ивановича,
Во главе своей да славной армии
Еще пуще дрался за отечество.
А в одну ли ночку, ночку темную
Крепко спать бойцы легли да во белых шатрах
После боя — драки-кроволития,
А ведь в тую ли пору, в тое времячко
Налетела сила неприятеля,
Налетела тучей черных воронов,
Да ведь эти ли вороны рассыпались
А над славными героями, над спящими.
Как проснулись от стрельбы да оружейной
Молодой Василий да Иванович
Со своей ли он да Красной армией.
Видит, дело есть тут нехорошее.
У того ли Колчака да у Деникина
Было нагнано силушки черным-черно,
А черным-черно, как черны вороны.
Тут вскричал Василий громким голосом:
«Ай же, братцы мои, да вы товарищи,
А поедemте за речку на ту сторону
Да на той ли сторонке схватку сделаем».
Сам Василий тут да в речку бросился
И поплыл ко западной сторонущке.
Как ведь в тую ли пору, в тое времячко
А последняя пуля неприятеля
Да ударила Василия во головушку.
Утонул Василий посреди реки,
А чапаевцы тут все похватались,
Что не стало Василия Ивановича.
Еще тут их сердца да разгорались
Апосля потери да Чапаева,
Командира своего любимого.
Тут они за ружья похватались
И прогнали с матушки большой Руси
Все остатки силы неприятеля.

Пусть еще когда-нибудь попробуют
Наскочить на наше царство пролетарское,
Так получают удары посильнее тех,
Что в былые годы от Чапаева.
А ведь с той поры да с того времячка
Трудовой народ живет да царствует,
Споминает славного Чапаева
За его ли подвиги великие.
Есть на Волге памятник поставленный
А любимому герою да Чапаеву
За его заслуги молодецкие.

10. Чапай

Он летал над степями волжскими,
Летал орел-то златокрылый,
Ему славу поют да великую —
Орлу боевому, геройскому Чапаю.

На той на славной на Волге
Небольшой городок был,
В этом городке жил рабочий,
Рабочий да он ведь плотничек,
На имя Василий, по отчеству Иванович,
По фамилии Чапай.

Земля скудная да очень малая,
Не давала она большого пропитанья,
Обижали тогда людей помещики,
Привелось ходить по разным сторонам.
И пошел Василий во прикащики,
Во прикащики к купцу богатому,
Заставлял купец обмеривать да обвешивать
Народ — людей-покупателей.

В одно время пришел к нему родной батюшка,
Он пришел с ним повидаться.
Говорил отец сыну любимому:
«Ты послушай моего наказанья,
Ты живи да правдой сущюю,
Ты не слушай купца в делах несправедливых-то!»
Тогда сделал Чапай себе гуслицы веселые,
Он стал ходить по городам да по деревенькам,
Он играет-то в гусли-звончаты,

Пропевает песни про Емельку Пугача
Да про Стеньку Разина.
И говорили-то ему тут урядники:
«Почему не пропеваешь про роды царские?»
Отвечал тогда он им таковы слова:
«Ай же вы, уряднички, царские опричники,
Мне-ка что да пропевать про них?
Мне-ка надо петь про то,
Об чем нужно жить».
Он сделался тогда плотничком,
Топором-то работал, пилой пилил,
Строил-делал он палаты да все высокие,
А себе домичка так и не построил.

Когда ерманская война заводилася,
Ермания-земля подымалася,
Подымалася она на нашу землю на Россиюшку,
Василий свет Иванович надевал платице военное,
Собирался в путь-дорожечку, во солдатики.
С батюшкой, с матушкой распрощался он,
С молодой женой да с малыми деточками.
Шла война тогда да всекровавая,
Бился-боролся он ровно три года.
Когда пришел же он с войны домой
Стал он всех-то спрашивать:
«Идет ли жизнь все по-старому.
По-старому да все попрежнему,
Весь порядок по-досельному ли?»
Отвечают ему да люди добрые,
Люди добрые, знакомые:
«Уж ты гой еси, Василий Иванович,
У нас жизнь-то идет не по-старому
Не по-старому да не попрежнему,
Все идет не по-досельному.
Мы, крестьяне, трудовой народ, да взволновались же,
Хотим отнять-то землю у помещиков,
Мы заводы хотим отобрать у заводчиков.
Война нам-то всем не к надобью,
Против царя-то мы, за власть народную».

Тут случилася революция,
Пришло времячко — дела все изменилися,
Поднялся народ да за всю жизнь свою,
За новую жизнь, за счастливую.

Уж не много-то было времячка веселого,
Уж не долго веселье продолжалось,
Как издавеча, издавеча, из чиста поля,
Из того ли из раздольица широкого
Тут не грозна туча подымалась,
Не темно облако накатилося, —
Подымался тут злодей немилостливый,
Злодей немилостливый — Дутов-енерал
Да Колчак-адмирал.

И пришел тогда Чапай к большакам на обсужденьице,
Его усы да во колечушка завилися,
Его очи смотрят со решимостью,
Сапоги хромовы начищены да поблескивают,
В руках-то у него палица боевая,
На боку висит у него сабелька вострая.
И говорил-то он таковую речь:

«Уж вы здравствуйте, добры молодцы,
Добры молодцы, большаки путевые,
Вы возьмите меня, добры молодцы, в свою партею,
В свою партею да всенародную.
С начала жизни своей я жил крестьянином бедным,
Был я прикащиком у купцов толстобрюхих,
Был я половым во трактире проезжем,
Был я скоморохом, поигрывал на гусельках,
Был работничком я, плотничком,
Был в солдатах, за чужо добро кровь проливал,
Все-то я видал да про все-то я наслышан.
Не хочу я быть у господ во работничках,
Во работничках до во прикащиках!
Вы дозвоьте мне созвать дружинушку хоробрую,
Дружинушку хоробрую, красных молодцов,
Разобьем-то все палаты господ белокаменные,
Разобьем полки офицерские, енеральские,
Посадим белых разбойников во темную во темницу!»

А как выскочил-то он на широкую на улицу
Да обернулся он красным богатырем.
Он пошел тогда да во широкий двор,
Брал тогда добра коня,
Добра коня да со семи цепей,
Убирал-то его в убор богатырский,
Он накладывал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатую клал не ради красы, а ради крепости,
Ради той ли поездки молодецкой.

«Ай же вы, дружинишка хоробая,
Уж вы дайте-ка мне разгуляться,
С енералами мне поборотися,
Поборотися, силушкой померяться!»
Отвечала ему дружинишка хоробая:
«Уж ты гой еси, Василий Иванович,
Как не стоять нам за Ленина-вождя,
За те правды его народные,
За те порядки, нам очень сходные!»

Надевает он латы булатные,
Все доспехи боевые,
Он берет с собой саблю вострую,
Он берет с собой палицу тяжелую,
Он берет с собой булатный нож
Да пулеметное оружие — максимочку.
Забил его конь в землю ножкой правою,
Мать-сыра земля да всколыбалася,
В темных-то лесах древа-то пошатались,
В море Хвалынском вода волной разливалася.

Не путем шли добры молодцы да не дорожечкой,
Шли лесами да чистым полем,
Приворотили-то ко кусточку к ракитову.
Под кусточком под ракитовым
Сидела тут девица, слезно плакала,—
Слезы льются, как река течет.
Она плакала, таковы слова говорила:
«Ай, коса ты, моя коса, коса русая,
Доставалась коса не дородню добру молодцу,
Не дородню добру молодцу, не красну воину,
Доставалась коса русая
Злодею енералу на поруганьице!»
Красотой она была прекрасная,
Лицом-то она была белая,
Очи у нее, как у ясна сокола,
Брови-то у нее да черна соболя,
Речь-то у нее да очень смиренная.
Говорил-то ей сам богатырь Чапай:
«Не плачь, не плачь, девица, душа красная,
Расскажи-ка мне, какого города, какой деревеньки,
Какого отца да родной матушки,
Как зовут тебя да все по имени,
Как величают тебя да по отечеству?» —
«Я из той ли из деревни из Бедняхи,

Я дочь-то кузнеца да деревенского,
Именем-то зовут да Катерина же».
Тут заплакала девица пуще старого,
Не видит она свету белого.
«Ай же вы, добры молодцы,
Мы возьмем девицу Катеринушку
Во свою дружинушу во хоробрую,
Нам ведь надо принять ее да обучить ее,
Как стрелять-то из орудия пулеметного».
И примали они красну девицу во товарищи.

Он ведь ездил-то по полям да по лугам же,
По городам и по деревенькам,
Бился-боролся с енералами со белыми,
Разбил-разбросал собак по чисту полю,
По тому ли раздолью широкому.
Катерина-девица ему да помогала же,
Из орудия пулеметного да в их стреляла же.
В бою получил Чапай рану немалую,
Эта рана была в буйну голову.
Говорила Катерина таковы слова:
«Уж ты гой еси, Василий свет Иванович,
Дай тебе я да помогу во всем,
Голову твою кровавую у тебя омою,
Завяжу рану платом шелковым,
Зажила рана у тебя чтоб вскорости,
Не повредила тебе мозгу головного».
Отвечал Чапай Катерине же:
«Уж ты гой еси, девица, красна пулеметчица,
Спасибо за все твое удовольствие,
Эта рана невеликая,
Невеликая да неглубокая.
Есть у меня раны побольше да поглубже ее:
Перва рана любовная —
Ты мне, Катеринушка, в любовь пришла.
Втора рана военная,
Военная да самая главная:
У нас есть злодей Колчак-енерал,
Мне-ка надоть побороть его».

Как опять же стоит собака-енерал среди поля,
Среди поля да среди чистого,
За самим за енералом силы числа-сметы нет:
За ним сорок енералов, сорок полковников,
За ним сорок сороковов станичных подорожничков.

Он весь день рубился с утра до вечера,
Он бился-боролся всю темну ночь до утра раннего,
Не пиваючи да не едаючи,
А добрым коням отдыху не даваючи.
Он ведь стал тут по силы похаживать,
Стал он ту белу силу поколачивать,
Разметал, разбросал всю силу белую
По разным по сторонушкам.
Захотелся Чапая большой мудрости,
Большой мудрости, ученьица,
Всем наукам обучитися,
Всех енералов помудрей же быть.
Он сажился на добра коня,
Он поехал в каменну Москву,
В каменну Москву, к вождю Ленину,
Он желал да с ним повидатися,
Совету мудрого попросить у него.
Он ехал не мало поры-времени,
Он приехал в каменну Москву,
В каменну Москву, к самому Кремлю,
У ворот приворотников не спрашивал,
А махал через стену кремлевскую.
Он брал коня за ремянный повод
И вел по двору широкому кремлевскому,
Заводил коня на конюшен двор,
Привязал коня ко столбу ко стоячему,
Насыпал ему пшеницы белояровой.
Сам пошел-то ко крылечушку ко высокому,
Пошел во горницу к вождю Ленину,
И входит-то он безобъявочно.
Его встречал, встречал вождь же Ленин наш,
Они свиделись да познакомились,
Познакомились да поздоровались.
За его подвиги молодецкие,
За подвиги славно геройские
Благодарил его вождь,
Да ведь жаловал, сам чествовал.
Он сажил Чапая за столичек белолюбый,
За ту ли за скатерть за полотнну,
Угощал кушаньем приготовленным —
Стерлужиной, белужиной да хлебом-солью же,
А поил водицей медовою.
Чапай сидел, повеся буйну голову,
Ясны очи потупил во ту ли во печку во муравлену,
Он сидел скучный, все нерадостный,

Сидит — не тряхнется, не ворохнется.
Тогда Владимир Ильич стал на свое место,
Низко кланялся
И говорил ему таковую речь:
«Что же ты, Василий Иванович,
Не ешь, не пьешь, не кушаешь?
Вода ли московская тебе не сладкая,
Пшена ли моя тебе не дошлая,
Иль хозяйка к тебе нелюбезная?
Какое горюшко у тебя на сердечушке?»
Отвечал тогда Василий Иванович:
«Уж ты гой еси, Владимир Ильич,
Уж ты дай мне совету лучшего,
Совету лучшего, самого мудрого,
Как мне обучиться,
Обучиться да поучиться, —
Без ученьица жизнь самая гибшая,
Енералов бить — надо ученым быть!»
Написал вождь да скору грамотку,
Чтоб приняли его во ученьице,
Во ученьице да во военное,
В главные науки, в наукодемию.
Чапай берет скору грамотку во праву руку,
Кладет грамотку во правый карман,
Благодарит его да земно кланяется,
Светлыми шпорами принабрякивает,
Со улыбочкой крепко руку жмет.

Прочитали в наукодемии скору грамотку —
Его приняли,
Они стали его спрашивать,
Про все стали они выведывать:
«Ты скажи-ка, Василий Иванович,
Где така иностранная река течет?»
На это Чапай да разобиделся,
Почему такой вопрос ему задали,
Он у них да сам спрашивал,
Он сам им да вопрос лукавый задал же:
«Вы скажите мне, где Солянка течет?»
Они призадумались да приразмыслились,
Отвечать они не знали как.
Он тогда им да возговорил все же:
«Ах вы, люди да всеученые,
Вы ученьица-то немалого,
Образованьица-то всего полного,

Почему пр то не знаете,
Где течет река да славная Солянка?
А на речке на славной на Солянке
Я держал битву великую
С енералами все со белыми,
Много, много я побил же их».

Долго учиться Чапаю не пришлось,
Тут случилися несчастья страшные:
Со всех четырех сторон
Енералы белы съехались,
Они хотели забрать всю страну советскую,
Они хотели вернуть порядочки досельные,
Порядочки досельные, богатейные.
Меж собой, собаки, дел делят:
Со избы они брали по петуху и по курице,
С каждого двора по добру коню
Да по сто пуд пшеницы белояровой.
У кого коня иль пшеницы нет,
Дак жону возьмут,
У кого жоны нет, — самого в полон уволокут.

Ясны очи Чапая помутилися,
Могучи-то плечи сшевелилися,
Лепетá в лице переменилася,
Геройское сердце растревожилось, разъярилось,
Раскрывал он те двери дубовые,
Разлетались двери на середь двора.
«Уж вы гой еси, начальники наукодемии,
Отмыкайте замочки висучие,
Выпускайте добра молодца на волюшку!
Приходит времячко строчное, необходимое,
Сейчас не пора, не времячко учиться —
Ехать мне надо на силу неверную,
На силу неверную, на подвиги на великие.
То не честь молодецкая,
Не выслуга славна геройская
Сидеть Чапаю в комнатке,
Надо мной добры молодцы будут ужахатися,
А малые ребята будут смеяться.
Дайте-ка выбрать у вас самолучшего коня
Из всего табуна!»

И заводят Чапая да во конюшенку,
Где Серёюшко стоит да конь ведь серенький,

Конь бросился да от яслей к нему,
Он ведь пал да на колени же,
Заговорил конь Василию Ивановичу:
«Ты возьми, возьми, богатырь Чапай,
Ты возьми меня да слугой себе,
Слугой верной да неизменной».
Чапай садится в стремяна-седла,
Конь скочил — за Москву-реку перескочил
Да во весь мах махнул в чисто поле.
Приезжает во чисто поле и Фурман-комиссар,
Фурман-комиссар, большак, ученый молодец во
помощнички,

С грамоткой от самого от Ленина.
Тут они подружились,
Во боях стали друзьями верными,
Неизменными товарищами.
Говорил-то ему Чапай:
«По наукам вся мудрость твоя,
А сметка и геройство — это я могу,
Уж мы будем друг дружке помогать во всем».

Не степной орел начал полетывать,
А наш герой начал поезживать,
Пыль-то в поле запыляется,
От земли песок подымается,
Много бьет-секет силы саблей вострою,
Вдвое-то топчет да его добрый конь Сереюшко.
Вправо Чапай махнет — валилась улица,
Влево отмахнет — валились переулочки.
Помогала ему дружинушка,
Помогал ему Фурман-комиссар,
Помогала ему пулеметчица, славна Катеринушка.
Бились-боролись многи суточки —

Побежала рать, сила белая,
А за нею добры молодцы погнались.
Енералы все ему взмолилися,
Взмолилися да таковую речь возговорили:
«Не придавай нас да смерти скорой,
Уж не будем мы летать на советску Русь,
Уж не будем уносить мы живком людей».

Тут Чапай с Фурманом разлучилися,
Разлучилися, расставалися,

Фурман-комиссар спокидал дружинушку,
Уезжал-то он в други края
По той грамотке от Ленина.
Чапай распрощался с ним
Да прирасплакался.
Чапая конь от тех боев да утомился же,
Стал под ним да спотыкаться,
Готов бы упасть да со резвых же ног.
Захотел Чапай ему отдых давать,
Заезжали они в одну деревеньку.
Деревенька стояла близко у реченьки,
Близко у реченьки, у быстрого Урала.
Они остановились во деревеньке,
Сели есть да все ведь ужинать,
Стали есть, пить да кушать.
Увидал Чапай да у Катерины-пулеметчицы
В руках ложечку серебряну,
Приказал дружинушке собираться,
И сказал-то он дружинушке таковую речь:

«Уж вы гой еси, добры молодцы,
Все верная моя да все дружинушка,
Это что такое чудо чудное,
Что за диво, диво дивное:
У ней была ложечка деревянная,
А сейчас почему у ней серебряна?
Откуда она взяла ее?
Не по хорошему, вижу, положеньицу!
Как за это я дак хочу судить,
Чтоб не был у нас беспорядочек,
Я хочу ее судить да все своим судом,
А ведь вашего совета все прошу у вас».

Спроговорила Катерина-пулеметчица:
«Уж ты гой еси, свет Василий все Иванович,
Ты прости меня вины да виноватой;
Эту ложечку я взяла в доме во проезжем
У человека у богатого, у ушедшего».
За ее дружинушка заступилася,
Они просили, чтоб простил же он.
«Я прощаю тебя по твоей по младости,
По твоей небольшой по недогаданности,
Если еще единый раз да повторится,
Не прощу тебя да не помилую,
Отсеку у тебя да буйну голову».

Еще чад от боев велик, дымом валит.
Они во всех подвигах утомились,
Отдохнуть с подвигов захотелось,
Спать в домах повалились,
Повалились, приразоспались.

Был-то у Чапая молодец ухватчивый,
Молодец ухватчивый Петрушка — кудри русые.
За Чапая он смотрел да все усматривал,
Он любил его да помогал во всем.
В последнюю ноченьку в треложную
Петруше не спалось никак,
Не спал он да все треложился,
Разбудил он Чапая
Да говорит ему таковы слова:

«Я гулял-ходил во чистом поле,
Во чистом поле дуб стоит,
На дубу сидит да черный ворон,
Ворон черный да птица вещая.
Хотел я подстрелить да черна ворона,
Проговорил черный ворон голосом человеческим:
«Уж ты гой еси, добрый молодец,
Не стреляй меня да понапрасну,
От меня тебе да корысть малая,
А польза невеликая!
Я скажу тебе правду сущую:
Недалече отсюда во чистом поле
Там ходят-проезжают разбойнички
Разбойнички, губители великие.
Я летал над теми лесами высокими,
Над теми лугами зелеными,
Около той ли Урал-реки,
Я видал там силу несметную:
Мне-ка, черному ворону,
Той силы не облететь будет,
Волку серому не обежать будет».
Проговорил ворон да полетел же сам
На дуб на дерево на высокое,
На самую на вершину же».
Василий Иванович не расслушал ничего спросоньца,
Не разгадал про то, про что идут дела,
Про что дела идут да разговоры ведут.
С боку на бок перевернулся он,
Очи ясные не открыл же он,

Не промолвил он ни одного словечушка,
Заснул опять крепким сном,
Ничего-то он не думал о смерти скорой.

Как нагрянули за полночь неприятели
В ту темную ночь да в ту деревеньку же,
Наехал проклятый чудище Сладков-енерал,
Сам чудище да престрашное:
Голова большущая, как пивной котел,
Ножища будто дубины стоялые,
Ручища будто большаи хоботы,
А глазища будто у тигра лютого.

Как кричал тогда зычным голосом Чапай-богатырь:
«Восставайте-ка, пробуждайтесь, добры молодцы,
Добры молодцы, дружинишка хоробрая!»
Чапай крык крикнул не по-человеческому,
Он свист свистнул по-соловьиному.
Дак слышало сердечушко кониное,
Сереюшко как жалобно заржет,
Будто с Чапаем распрощался он
И навечно расставался же.

Вскочил Чапай на резвы ноги,
Выбегал он на широкую на улицу
Во одной рубашечке во нижней да без пояса.
Тут добры молодцы пробуждались,
За ружья они хватались,
Выходили на скорый бой, на поединок.
Кричал тут Чапай-богатырь:
«Уж я был бы на волюшке во чистом поле,
Во чистом поле да на добром коне,
Я отсекаю тебе собачью голову!»
Они бились ружьями военными,
Они бились копьями булатными,
Они секлись саблями вострыми.
Сколько ни бились, ни боролись,
Не могли осилить силу белую:
Одну голову отрубят — две покажется,
Вторую голову отрубят — тут много их окажется,
Наскочил беляк да много множество.

Чапая в битве сильно ранили,
Выпала у него да сабля вострая,
На правую ногу стал он да припадывать,

На леву ногу прихрамывать,
Ружьем боевым подпирается,
А ружье под ним изгибается.

Побросался он во речку быструю,
Он хотел да переплыть ее.
«Уж вы дайте мне сроку малого,
Ишо выплыть на крутой на бережок,
На рассыпчатый песочек!
Наберу я силу многую,
Силу многую, советскую,
Тогда я с вами рассчитаюся,
Рассчитаюся да расквитаюся,
Не оставлю белой погани на семена!
Меня вынеси, волна, из неверной земли,
Из неверной земли, из енеральского загону!»

Ишо выплыл Чапай на перву струю,
Ишо поплыл Чапай да на втору струю,
Да втора-то струя очень относиста.
Тут погинул Петруша, его помощничек,
Тут попала Чапаю пуля быстрая,
Раздробезжинила его да буйну голову.

И пошел Чапай в реку на дно,
Пошел на дно тяжелым камешком.
Ай, потухла звезда поднебесная,
Погибнул герой-богатырь на быстрой реке!
Приутихла, приумолкла река быстрая,
Приутихли, приумолкли песочны бережка.
То не белая береза в поле клонится,
Не кудрявая, зеленая преклоняется,
Знамя красное над курганом развевается.
Над могилою в буйных головах приметочка,
Памятна доска железная:

«Здесь лежат красны молодцы,
Могучие советские богатыри,
Славные чапаевцы».

Кто ни проедет, кто ни пройдет,
Всяк про героев вспомянет.

А унесла Чапая река быстрая,
Унесло его по реке да по теченьицу.
Где-то он нашел себе оприютнице:
Сквозь белы груди да трава выросла муравая,

Сквозь буйну голову да цветы расцвели лазуревые,
Перелетные птицы свивали свои гнезда
Во русых кудрях чапаевых.
Василий Иванович да все ведь слышит он,
Слухом слышит, да слово не молвит.
Чапай лежит во земле сырой
Да думает думу крепкую:
«Пролежу ищо несколько поры-времени,
Накоплю силы да я побольше ищо,
Во сырой земле я скоро двадцать лет лежу,
Двадцать лет лежу, да скоро встану-выгляну».

Теки, теки, славна Волга-река,
Кати, кати волны высокие!
Пропой, Волга, песню очень чудную
Про Емельяна Пугачева, добра молодца,
Про Стеньку Разина, добра молодца,
Про героя,
Про красного богатыря —
Про Василия Чапая!

11. Как Чапаев храбрым стал

Отец Чапаева был бедный, и молодому Чапаеву жилось плохо. Вот он решил итти странничать, искать работы и на жизнь посмотреть. Положил в один карман творогу с хлебом, в другой жаворонка посадил, чтоб веселее было итти. Шел он целые сутки; его дом остался уже далеко позади.

На берегу одной реки Чапаев сел отдохнуть. Вытащил кусок хлеба и положил перед собой. И быстро на этот кусок уселось много мух. На Чапаеве был пояс с кистью, он размахнулся и ударил кистью пояса по куску, а убитых мух решил сосчитать. Насчитал около сотни. Тогда он написал на бумажке: «Одним помахом сто побивахом», а бумажку приклеил к поясу.

Только хотел Чапаев встать и пойти дальше, как видит, перед ним стоит огромный-преогромный великан. Испугался его было Чапаев, а великан прочитал у Чапаева «одним помахом сто побивахом» и тоже ужаснулся. Неужели, думает себе, сильнее меня на свете есть? Дескать, мальчишка, сухой, как вобла, небольшого роста — и вдруг «одним помахом сто побивахом»!

— Ты что, в самом деле такой? — спрашивает великан Чапаева.

— Да, такой, — отвечает Чапаев.

А великан говорит:

— А ты огромное дерево унесешь вот в эту гору? — а гора перед ними стояла огромная-огромная.

— Унесу, — говорит Чапаев. — Вытаскивай любое дерево.

А великан, не говоря ни слова, выбрал самое толстое дерево и выкорчевал его со всеми корнями из земли.

— Ну, — говорит, — неси.

Чапаев не струсил, а говорит ему:

— Это унесу, а лучше давай сперва вот из этого мела,

что лежит на берегу реки, выжмем руками сок. Попробуйся, а я выжму!

Великан взял ком мела, жал, жал его — весь в порошок измял, а сок не течет.

— Вот, смотри, — говорит Чапаев.

Вынул из кармана творог, да как нажмет, сразу сок потек.

Великан ужаснулся. А Чапаев говорит:

— Это что! Давай — кто дальше всех камень вверх закинет?

Великан взял один из камней, кинул его вверх. Тот летел-летел и упал обратно. Чапаев вынул из кармана жаворонок — и как камнем бросит его вверх! Жаворонок поднялся ввысь и исчез.

— Вот как, видел? До самого неба, и обратно не падает, — сказал Чапаев.

Великан опять ужаснулся. И поверил в силу Чапаева. А Чапаев и говорит:

— А теперь давай дерево понесем: ты бери за комелек и иди передом, а я возьму за вершинку, так как за нее нести тяжелее.

Великан согласился, взвалил на себя комель — и ну в гору, а Чапаев за вершинку держится и влезает в гору вслед за великаном. Гора была крутая и большая. Великан нес, нес, бросил дерево на землю, а Чапаев приподнимает вершинку да кричит:

— Ты что же, дружище? Давай, неси, неси!

— Нет, не могу. Замучился, — признался великан.

— То-то, — сказал Чапаев.

— Сильный ты, все же, — сказал великан, а Чапаев тут-то и понял, что быть храбрым и сметливым — так любую силу можно победить.

Присев отдохнуть, Чапаев с великаном разговорились. Чапаев узнал, что великан охраняет одну княжну. Однажды на княжну напало человек сорок разбойников — великан их всех перебил. А великан этот был ростом две сажени, так что Чапаев промежду его ног проходил, не задевая головой. Пальцы на его руке — в руку Чапаева.

Чапаев поинтересовался:

— Много ли вы съедаете?

— Если в день, то три барана, двадцать четвертей молока, пуд хлеба, — это на плохой конец. Княжне трудно приходится, дорого я ей стою, а все же держит для охраны. Баранов я у нее всех поел, взялся за быков. Как два дня, так бык. Сейчас стал ходить к помещикам: пойду, пару баранов унесу в руках, как котят.

А Чапаев стоит и думает себе: «Какая сила огромная пропадает и кому служит она? Нет, храбростью и сметливостью своей я буду служить не князьям, а народу».

И оттого, что Чапаев служил трудовому народу, слава о нем пошла огромная, хоть сам он и был маленький. А о великане, хоть он и был большой и сильный, — никакой славы не сохранилось.

12. Лихой командир

Шел Чапаев со своими братишками-войсками. Братишки крепко его любили. Ну, конечно, шли они, шли, устали, сделали привал. Разожгли костер, давай обед варить: раков жарить, картофель печь. Смотрят, летят журавли низко над их головой. Давай в них Чапаев палить! Убил несколько журавлей. Чапаевская пуля одна убивала по шести журавлей. Ну, конечно, убитых журавлей ошипали и давай жарить на огне. Откуда ни возьмись, подбежала собака, схватила у Чапаева из-под рук журавля и ну бежать. А Чапаев шутник был, схватил головешку из костра и своим товарищам говорит:

— А ну-ка, ребята, бери по головешке и ну за собакой! Кто быстрее догонит и метко в нее попадет?

Все взяли по головешке и ну бежать за собакой. Нашли игру, и у всех настроение поднялось, — куда усталость делась, все бегут, смеются. А Василь Иванович Чапаев бежит да кричит:

— А ну-ка, ребята, нажми! Куда это годится, чтоб у чапаевцев журавля унесли?

Пробежали с километр, смотрят: враг расположился на привале отдыхать. Численность их, видать, большая, в несколько раз больше численности отряда чапаевцев. Чапаев встал на минутку. Что делать? Бежать обратно за оружием — далеко, за это время и враг убежит; да и враг-то скажет, что, дескать, паника, начнет бить по пятам.

Чапаев, не долго думая, дает команду:

— Ура, товарищи!

И бросились с головешками в руках в атаку на врага. У некоторых были при себе гранаты... Когда поближе подбежали, Чапаев дает команду:

— Гранаты! Ура! Эй, вы, черти, сдавайтесь! Бей врага, не пускай живым!

У врага паника. Тут гранаты загремели. А куда бежать? И с тылу, дескать, жмут. Чапай все это уже давно учел. Белые — врассыпную, оружие бросают, а которые остались

на месте — руки кверху подняли. Полковник-то ихний от ужаса с ума сошел и тут же застрелился. Вскоре все было покончено, с сотню оставшихся в живых Чапаев взял в плен. А пять человек из них — офицеров-гадов — тут же перестреляли. Трое солдат были вроде глупых, сидели и плакали, Чапай их отпустил домой и заказал:

— Расскажите всем, как Чапай дерется. Любой чапаевец с сотней врагов один способен драться. И побеждать способен, не только драться. Да! А вы туда же, воевать лезете! Лежали бы лучше на печке, чем свою голову продавать буржуйам.

13. Чапаев и генерал

Повел Чапаев свои войска на Семиглавый. Тут белые казаки окружили его с трех сторон. Тьма-тьмушая собралось офицерья. Среди них генерал — большой, пузатый и уса-тый. Едет на коне да бахвалится:

— Где у вас тут Чампалов-то? Покажите мне его.

А один чапаевец выбежал к нему да говорит:

— Нету у нас Чапая, он уехал... А на что он тебе?

— А, испугался!.. Где ему супротив меня! Трус ваш Чампалов-то... Я б ему показал.

Тут выскочил Чапаев и говорит генералу:

— Вот, — говорит, — я Чапаев... А Чампалова на том свете ищи! — да как рубанет шашкой серебряной — из генерала и дух вон.

Чапаевцы все:

— Ура! Ура!

Да как нажали, как нажали на тьму-тьмушую — все начисто изничтожили.

А когда бой кончился, то Чапаев и говорит:

— Ну как, братцы, ловко я проучил генерала?

Бойцы рассмеялись. А Чапаев говорит:

— Всех генералов вот так же проучим. Верно я говорю?

— Верно. Всех проучим! — гаркнули чапаевцы.

14. Сказка про Чапая

И совсем не утонул Чапай в седом Урале.

Урал он переплыл, не напрасно его хорошим пловцом считали. А когда переплыл он Урал, казаки погоню за ним устроили.

Ловкий был Чапай.

Казаки за ним на конях, а он от них бегом да бегом..

Забегал в лес. Пули свистели над его головой — он только нагибался, приседал да и опять несясь вперед. Совсем было догнали Чапая. Схитрил только он. Спрятался в медвежью берлогу и сидит там. Казаки проскакали рядом — не заметили его, думали, он вперед убежал. А Чапай тем временем вылез из берлоги и вбок, по спрятанной в кустарнике тропинке пробежал. Лес был большой, хмурый, и долго ли бежал Чапай — трудно сказать... Только когда он очутился на опушке, солнце собиралось за край степи спускаться.

Огляделся Чапай и видит — вправо кибитка стоит, а по степи лошади пасутся. Пошел он туда.

— Кто хозяин? — спрашивает.

Никто не отвечает. И кругом тишина стоит. Слышно, как трава звенит и жаворонки в небе перекликаются.

Чапай опять спрашивает:

— Кто тут хозяин? Выходи!

Зашуршало что-то в кибитке, и вот из нее выполз дряхлый старик-киргиз.

— Что, — говорит, — тебе надо, урал-молодец?

Ему Чапай и рассказал, кто он такой.

— Я, — говорит, — Чапай Василий Иванович, командир Чапаевской дивизии, против белых борюсь, за свободную жизнь для бедного народа.

— Слышал, слышал про тебя, — говорит старик. — Большой ты герой, вся земля знает. Все бедные люди любят тебя — и русские, и киргизы, и татары, и чувашаи.

Нагнулся вдруг старик, приложил ухо к земле и слушает. Лицо его стало хмурым, беспокойным.

— Да-а, — говорит. — Погоня за тобой несется, и близкая.

Старик быстро слазал в кибитку и принес оттуда ком сыра и кувшин кумыса.

— Пей, ешь скорей, а дальше видно будет, что делать.

Закусил Чапай, вытер усы рукавом и ждет, что старик дальше скажет.

А старик опять прилег ухом к земле и послушал.

— Теперь казаки совсем близко. Вот-вот из леса выскочат... Лошади у них быстрые, как лани, а у нас еще быстрее есть, как горные соколы.

Встал старик на дряхлые ноги, да как свистнет на всю степь широкую! Смотрит Чапай, от табуна жеребец скачет, да такой — описать его невозможно. Огненный весь, на груди звездочка белая, а глаза умные-умные, как у человека.

— Вот тебе и конь, — сказал старик, — он тебя от всех бед будет уносить. А вот тебе серебряная сабля и ружье позолоченное — они будут твоими первыми друзьями.

И подал старик Чапаю серебряную саблю и позолоченное ружье.

— Садись на коня и лети мимо леса, вправо и влево. Пять ночей и пять дней будешь нестись ты на коне. И принесет он тебя к высокой горе Черная Орлица — про ту гору никто на земле не знает, и будет там твой стан... А в нужные минуты, когда бедный народ будут буржуи обижать, ты будешь выручать их из бед.

Подошел старик к Чапаю и поцеловал его три раза:

— Улетай, сокол ясный, — казаки совсем рядом.

Только впрыгнул Чапай в дорогое седло да схватил поводья, молнией понесся конь вдоль леса — облако пыли по земле стелется.

В это время из леса казаки выехали и прямо к старику:

— Где тут Чапай скрывается?

— Не знаю, — говорит, — не видел такого.

— Как не видел? — закричали казаки. — Куда он делся?

Все кругом обыскали — и кибитку и лес, — не нашли Чапая. Тогда офицер приказал подчиненным:

— Повесьте на осине киргизскую образину!

И повесили старика на осине, а кибитку его сожгли. А когда приехали к своему генералу, то доложили, что утонул Чапай в Урале.

И знают только уральские степи, какие геройские подвиги совершал Чапай. Немало было случаев, когда он выручал из бед красноармейские отряды.

Вот-вот погибнет отряд: и сил у него мало и патронов нет — того и гляди, озверелые беляки перерубят добрых людей, — и вдруг, откуда ни возьмись, появится Чапай. Летит на огненном коне, как на птице, саблей серебряной помахивает, а бурка по ветру развевается.

— За мной, ребята! — закричит он и прямо на беляков понесется.

Пропадает у красноармейцев страх, разгорятся сердца — все, как один, в атаку за Чапаевым бросятся. Да так рубятся, что от врагов ни единой живой души не останется.

А потом, когда опомнятся, глядь, а Чапаева нет...

И не верится им, был ли он тут в самом деле. Но многие уверяют, что видели Чапая. Только на груди у него не один, а три боевых ордена.

15. Как я в разведку ходил

Знал меня Чапай хорошо, а все потому, что хватка у меня така. Я все мог. Когда сместили царя, мы партию организовали. Записалось нас шестьдесят человек. Как пришли беляки, — мы утекли из села. Три дня в реке Чагре я сидел. Потом к Чапаеву подался. Шел я по Чагре, по воде, вышел подальше от села, а там долом, прямо к нему, сбоку зашел. Задержали меня, конечно, и под винтовкой ведут два молодца к Василию Ивановичу. Гляжу я кругом, народу много. Кто в чем, — пестрота. Провели в глубину фронта, там и Чапаев сидит; вокруг его люди, он им на земле что-то пишет и растолковывает. Один, который меня привел, доложил ему. Он как-то тихонько поднял голову, прищурил глаз и спросил:

— Откуда?

— Из Криволуч-Ивановки, — отрапортовал я.

Он встал тогда, подошел ближе — я ни с места. Он на меня смотрит и говорит:

— Ты что, старик, разведка?

Нисколько я не струсил: говорю, как пишу. Слышал, что он наш брат, простой. Говорили, что они с отцом бороны мастерили ловко. Рассказал я ему, как дело было, про все честь-честью. А потом говорю:

— В ваш отряд желаю поступить, Василь Иваныч. Или жизнь или смерть, а назад вернуться я не могу, ей-богу.

Тогда Василь Иваныч говорит:

— А кто про тебя указать может?

Я говорю, что кто-нибудь может, давай-ка поищем нашинского или андросовского, они знают. Стали искать. Нашли одного — удостоверил.

Зачислил меня Василь Иваныч в отряд, и рад я стал тому.

Боев не было три дня. Начал я к чапаевской сноровке привыкать. Песни играли. Чапаев сам зачинщиком был,

не любил, когда бойцы унывают. А в это время у нас махры вокурат не было, в куреве голодали здорово. Бывало, когда какой-нибудь молодец нос повесит, увидит Василь Иванович его, подойдет и спросит:

— Ну, что нос повесил, аль о бабе вздумал?

А тот:

— Нет, Василь Иванович, курить хочу.

Чапаев в положение входил и всегда успокаивал:

— Ничего, ребята, терпите. Вот уничтожим всю эту сволочь — все будет: и табак будет, и к женам придете, — такое будет, что вы и во сне не видали.

И вот, не помню какого числа, началась перестрелка. Беляки палили крепко из артиллерии. Мы ждали подкрепления из города Пугачева. В эту время захватили неприятельскую разведку. Гляжу, провожатым сынок Петра Степановича Паненского. «Ладно, — думаю, — докажу и я».

И выдумал я сделать свою «разведку». «Больше меня местности нашей никто не знает», — думаю. Вот и пошел. Пошел, как петухи запели второй раз. Обход сделал громадный. Все ползком, ползком. Но как я ни укрывался, на рассвете меня сцапали. Сцапали, — конечно, спрашивают:

— Откуда, старик?

Говорю:

— Лошадей искать ходил, перешел к красным — думал они там, — ну, не нашел. Вот иду домой.

— Нет, домой не пойдешь, а пойдешь с нами, — сказал один беляк.

Гляжу, не чех, чистый русский. «Ах, — думаю, — бестия!»

Повели в штаб. Иду и озираюсь: «Не попался бы, — думаю, — нашинский, тогда концы!» Привели. Сидят, как волки. Начали допрос: я вру им, как подлец. К примеру, у нас пулеметов сорок, а я говорю — сто сорок, красногвардейцев — восемьсот, а я говорю тысяча восемьсот. Насчет подкрепления им тоже наплел: в самделе шло только две роты, а я говорю — два полка. Чую, начали перешептываться. Здорово я нагнал на них страху!

Сколь я им ни рассказывал, все одно не отпустили. Довели до села и заперли в мазанку. Лежу, есть хочу, а есть не дают. Прележал целый день, вечером уснул. А к утру меня наши чапаевцы освободили. Привели к Чапаеву. Он давай меня ругать: «Ты, — говорит, — дисциплину нарушил, хотя и в пользу, но не полагается».

Беляки отступали все дальше и дальше, наши двигались по пятам.

Чапаев говорит:

— Ну, старина, ты оставайся здесь. Укрепляй советы, тоже для народу польза большая, а с врагами мы как-нибудь управимся.

Жалко мне было с ним расставаться, хороший он был человек, вот какой хороший, такого никогда не позабудешь!

Начал я после этого советы укреплять да новую жизнь строить. Я и в колхоз первым вступил.

Хотя мне и семьдесят три года, но я готов сейчас опять на защиту родины-матушки, за которую герой Чапаев голову положил.

16. «Чорт-Чапай»

Белые боялись одного имени Чапая.

Как только начинается отступление, они говорят:

— Наверно, сам Чорт идет.

Если новички спросят:

— Какой такой чорт?

Они отвечают:

— А ты разве не знаешь? Чай, Чапаев.

— Ну да, не знаю. А за што его Чортом-то зовут?

— А его, — говорят, — ни одна пуля не берет. Он заговор знает...

А если кто-либо со страху крикнет:

— Ой, Чорт-Чапай идет! — так тут же среди белых начинается паника.

Вот как боялись они нашего любимого героя.

17. Как Чапаев беляков перехитрил

В каком-то селе окружили Чапаева белые. Куда ни сунься — везде они. Ни ходу, ни выходу. А у наших даже пулемета нет.

Сидит Чапаев на завалинке и думает думу. А вокруг его чапаевцы стоят и тоже думу думают.

— Вот попали в кашу! — говорит один.

А Чапаев посмотрел на него и улыбнулся себе в усы:

— Посмотрим еще, кто эту кашу скушает! — Да как вскочит: — А ну, орлы, кто со мной в Пугачев пойдет? Надо достать пулемет и машину.

Все, как один, согласны были пойти с Чапаевым. Ну, он выбрал только двоих: Петьку Исаева да Петьку Кожухова.

Ночью добрались до Пугачева. В штабе Чапаев достал две машины, пулемет и патронов. Выехали обратно.

Чапаев говорит:

— А ведь мало, братцы, двух-то машин. Ни черта не выйдет. Потом оборачивается к своим:

— Кто из вас умеет управлять машиной?

— Я, — отвечает Кожухов.

— Ну, вот и хорошо.

Потом Чапаев слез с машины, позвал с собой Кожухова. Они исчезли в темноте. Через десять минут Чапаев и Кожухов вернулись на машине. Где они достали ее, — об том только ночь темная знает.

У первого же села Чапаев велел натывать в кузов палки и покрыть их тряпками, чтобы издали похожи были на людей. Сам с пулеметом уселся на одной машине среди чучел, а Петьку на другую посадил.

К этому времени уже рассвело. Вдали показалась Покровка, которую беляки обложили.

Чапаев говорит:

— А ну, братцы, поезжайте на двух машинах в обход. Смотрите только — не попадайтесь в лапы казары, чуть что — поворачивайте ко мне.

Поехал Василий Иванович вперед, и завидели их вражки разьезды. Чапаев кричит из кузова:

— Поворачивай машину задом!

Повернулась машина задом, и заговорил пулемет. Белые — отступать, Чапаев за ними. Только покрикивает:

— Давай! Давай! Давай! Поворачивай!

И все строчит, все строчит из пулемета.

Беляки сунулись вправо — там их Петька Исаев встретил огнем. Сунулись влево — там тоже наша машина. И поднялась тут у них паника. Подумали, верно, что они кругом окружены красными. А чапаевцев, если не считать двоих шоферов из Пугачева, было всего трое: сам Чапай-герой, Петька удалой да Кожухов, будущий чапаевский шофер.

18. Любимый герой

Я в боях не участвовал, да и было тогда мне всего лет двенадцать, но Чапаева хорошо знаю. Он очень часто приезжал к нам в село Красная Речка с моим братом, который был тогда командиром артиллерийского дивизиона. Приедут, бывало, попьют чайку, закусят и давай рассуждать о стратегии, а я, когда Чапаев приедет, знай себе сiju около них да слушаю. Бывало, скажет мне Чапаев:

— Ступай, сынок, погуляй, а то вот скоро возьмут тебя на войну, тогда уж некогда тебе гулять будет.

— Да нет, Василь Иванович, я лучше здесь посижу, послушаю, — отвечаю я и сижу.

— Ну хорошо, хорошо, сиди. Учись, может быть, таким же командиром будешь, как и Тимоша (брат мой).

Чапаев старался всегда, чтобы у него бойцы хорошие были, и командиров выбирал хороших. Все, бывало, печется о своих бойцах:

— Эх, как бы там чего не случилось! Поедем, Тимоша! Хоть и далеко неприятель, да все же с ними лучше, спокойнее я за них буду.

А то иногда жалеть начнет, что не всех беляков перебили:

— Вот, товарищ Тимоша, если бы зашли тем оврагом, то мы ни единого казака не выпустили бы, всех взяли бы! А то, видишь, хоть немного вот, а ушло. Да, Тимоша, нам учсть это надо.

Ну, поговорят, поговорят и станут собираться обратно ехать. А я к Чапаеву:

— Василь Иванович, возьми ты меня с собой, посмотреть хоть, какие у вас бойцы-то.

Ну и возьмут они меня с собой.

Как приедешь к ним в штаб, дадут они мне лошадь, револьвер, винтовку, саблю для смеха привесят. А Чапаев говорит:

— А ну-ка, Ваня, ступай, проскачи-ка по нашему отряду, покажись бойцам, — авось они тебя вместо меня командиром выберут.

И живу я там с ними до первого боя. А как итти в бой, Василий Иванович позовет меня и скажет:

— Ну, Ваня, мы уходим в бой. Скачи домой и передай отцу важное донесение: чтобы он тебя дома оставил и воевать никуда не пускал.

Хотелось остаться, посмотреть, но я знал, что Чапаев в такой момент свое решение не изменит.

Приеду домой и потом рассказываю ребятам деревенским все. Ну, они, конечно, завидуют мне.

А раз Чапаев меня и в бой взял, но только я тогда не стрелял, а был просто наблюдателем. После он меня и спрашивает:

— Ну как, сынок, испугался?

— Да нет, Василь Иванович, и страшного-то ничего не было — пугаться нечего.

— Ну, молодец, молодец! Скоро опять домой отправлю, в «отпуск».

Ну, опять приеду в деревню и рассказываю ребятам.

Для ребят Чапаев был лучшим другом. Не было для нас другого такого героя, которого бы мы любили больше

Чапаева. Когда узнали, что Чапаев погиб, долго мы горевали о нем. Мы стали во всех знакомых нам песнях поминать нашего любимого героя Чапаева.

Среди лесов дремучих
Чапаевцы идут,
В своих руках могучих
Чапаева несут.

Все пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет.
Казаки отступали,
Чапаевцы — вперед.

Носилки не простые:
Из ружьев сложены,

А поперек стальные
Штыки положены.

(Припев.)

На них лежал Чапаев,
Чапаев удалой,
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.

(Припев.)

Чапаев приподнялся,
Чапаевцам сказал:
— Вперед, друзья! — и тихо
Закрыв свои глаза.

19. Догадка Чапаева

В Семенихе Чапаев столкнулся с таким случаем. Только приехал он туда, остановился и видит — идет к нему на коленях человек.

— К тебе иду, Василий Иванович, с большой просьбой.

Но Чапаеву этот урод показался подозрительным.

— Ко мне-то, ко мне, — я вижу, к кому ты идешь... Только близко-то не подходи... Скажи, от какой болезни-то у тебя ноги свело?

— Да я...

— Вставай!.. Ну-ка, ребята, подымите его! — распорядился Чапаев.

Подняли. Оказался совсем здоровый мужик. Чапаев вскипел:

— Скажи, сволочь кулацкая, за сколько ты нанялся Чапаева убить?

— Ну, если догадался, — отвечает лазутчик, — то чего хочешь делай со мной.

— А чего ты сделать хотел?

— А я хотел поклониться тебе и схватить тебя в этот момент за низ.

Но проделка семеновских кулаков не удалась: догадка Чапаева свое взяла.

20. Справедливый, храбрый, веселый

Был у Чапаева один боец. В боях он отличался, но баловал — то украдет, то еще что-нибудь сделает.

Его Чапаев предупреждал один раз:

— Ты, — говорит, — сукин сын, брось этим заниматься. Ты не забывай, что у Чапаева в отряде состоишь. Я за такие штуки расстреливаю.

И вот, после этого спустя несколько времени, этот боец украл на одной квартире бритву и брюки. Ну, хозяйка заявила об этом Чапаеву.

Чапаев собрал весь полк, вызвал того бойца и говорит:

— Ребята, у меня бойцы должны защищать власть советов, а не грабить мирное население — таких же бедняков, как и вы. От такого бойца я отказываюсь: пусть идет куда хочет из нашего отряда, таких мне не надо.

Боец уехал домой, пожил с неделю, заскучал и решил ехать обратно к Чапаеву, просить прощения. Поехал, а по дороге его зарубили белые.

21

В одном поселке напали на чапаевцев белоказаки внезапно большой лавой: тысяч пять их было. Чапаев расположил своих полукругом, цепью и говорит:

— Ну, ребята, назад ни шагу! Какая бы сила у них ни была — мы победим.

И пошла перестрелка!.. Чапаев, как сокол, по цепи летает. Вдруг где заминка, — он туда скачет.

У чапаевцев было две пушки. И вот у одной гильза в ствольной коробке осталась и ее никак не вытащат. Чапаев заметил это, подлетел к пушкарям и спрашивает:

— Почему батарея не стреляет?

Ему объяснили. Он слез с коня и не привязал его, а сам начал гильзу вытаскивать. Вытащил. Зарядил орудие, да как сразу из двух ахнет. Ну, конь его испугался, да как поскачет по цепи — и прямо к казакам: увидел конницу, и айда туда. А Чапаев стоит и смеется:

— Ну, — говорит, — конь мой к казакам улетел, а там, наверное, думают, что Чапаева убили. Чорта два, они меня убьют!

А потом передавали, что недели две казачьи генералы водили по фронту чапаевского коня и все хвастались, что Чапаева убили.

22

Чапаев говорил своим бойцам:

— Ребята, мы должны занять этот хутор. Главное —

ничего не бойтесь. Когда конница наступает, не думай о том, как бы тебе не упасть, не ушибиться. Раз конное наступление, то лети, как птица-сокол, сразу опрокидывай, руби и гони противника. А это дело для нас главное. И сейчас, ребята, из головы выбросьте боязнь всякую. Раз ты пули не боишься, то и она на тебя пасть не может... Знаете, кто в бою упасть может? У кого лошадь усталая или седло не подтянуто. А если все в порядке, то уж ни за что не упадешь. Так, что ли? Ну, пошли. Сразу налетай. Наша возьмет.

23

Заняли чапаевцы один хутор, зашли в квартиру, где у белых штаб стоял, и нашли там картинку: Чапаев на белом коне сидит, глаза огненные, изо рта пламя пышет, а за ним еще такие же скачут. Внизу подпись такая: «Чапаев на коне. Продался самому антихристу, и других из своего отряда антихристу продает. А непобедимый он потому, что это нечистая сила им руководит, и пуля его никакая не берет. Берегись его, мирное население!»

Взяли эту картинку и показали Чапаеву. Он посмотрел, засмеялся и говорит:

— Эх, вот это богомазы! Как они меня разрисовали! Ну, все равно они меня этой агитацией не возьмут. А картинку на память оставить надо: уж больно я здесь красивый, чуть на святого не похож.

И после, как вспомнит об этой картинке, всегда рассмеется и скажет:

— Эх, ребята, и портрет же у меня есть, прямо замечательный!

24

В бою под Уфой Василия Ивановича Чапаева ранило в голову.

— Ребята, не тушуйся! — крикнул Чапаев. — Переправляйся... Вперед сколько угодно, а назад ни шагу.

Доктор подбежал к раненому Чапаеву и стал перевязывать голову. Пуля застряла в голове Василия Ивановича острым концом кверху, и вынуть ее в поле врач не брался — требовалась операция в лазаретных условиях. Но Чапаев слушать про лазарет не хотел.

— Нельзя, Василий Иванович, пулю вынуть надо, — сказал врач.

— Разрежь да вынь! — резко ответил Чапаев.

— Да она острым концом кверху...

— Ну, переверни! Тупым кверху будет...

Тогда врач быстренько сделал Василию Ивановичу операцию и вынул пулю.

— Теперь вредного, товарищ Чапаев, ничего нет...

— А кабы вредное было, так я бы валялся!

25

В Николаевске (теперь Пугачев) приходит к Чапаеву в штаб один чудаковатый парень — Сафонка. А этот Сафонка табак не курил и не нюхал, а жевал. Василию Ивановичу в шутку сказали об этом. Ну, и он решил над Сафонкой подшутить.

Пришел этот Сафонка и говорит Чапаеву:

— Василий Иванович, ты меня возьмешь к себе в Красную гвардию?

— Возьму, если табак жевать бросишь. Курить, нюхать табак у меня можно, а жевать нельзя, я этого не люблю...

Сафонка не разобрал, всерьез или в шутку Чапаев говорит, но так уж хотелось ему в отряд к Чапаеву вступить, что он в тот же день бросил свою дурную привычку. И Василия Ивановича после, как отца родного, благодарил.

26

Чапаевцы отдыхали в станице Чагал.

— Ну, — говорит Чапаев одному командиру, — прикажи ребятам купаться. Накупаемся да под гармонь спляшем — и на Лбищенск, чтобы к вечеру взять...

В это время подлетел один ординарец испуганный:

— Казаки, товарищ Чапаев!

— Где?

— За свертom.

— Много?

— Невозможно сосчитать...

— Ступай, скажи им, чтобы на гору вылезли, а то сколько их — чорт знает... А ты почему так заикаешься: с детства такой или испугался?

— Я не испугался, товарищ Чапаев. Но казаков много — клянусь честью...

— Ну, а сколько много-то? Двое, трое? Веди их сюда, я сосчитаю.

Ординарец засмеялся и отъехал от Чапаева, потеряв всякий страх перед белыми.

27. Враги боялись Чапаева

Чехи бежали от него в одних кальсонах и только кричали: — Чапай!.. Чапай!.. Чапай!..

В Бузулуке я впервые увидел Чапаева. Он говорил тогда на митинге:

— Мы не пощадим ни одного врага, очистим нашу землю от всякой нечисти.

После этого чапаевские полки пошли в бой. Беляки его знали, боялись, и как только узнают, что идет Чапай, бросались в панике кто куда.

Рассказывал мне дядя, как Чапаев принимал бойцов в свой отряд. Когда говорил ему тот или иной боец: «Василий Иванович, я хочу поступить в твой отряд», то он сперва посмотрит внимательно на него, нагонит жару: «Кто ты?.. Что ты?» Если боец струсит, то Василий Иванович отсылает его обратно. Если боец не испугается, выдержит, то его Чапаев оставляет у себя в отряде. И еще проверяет в первом боевом крещении — как боец будет под пулями себя держать.

Так подбирались чапаевцы, храбрец к храбrecу. Отчего и боялись чапаевцев все враги.

Один раз чехи расположились около деревни и начали варить кашу. Про Чапаева они слышали, что он находился недалеко. Только у них каша закипела, приготовились они есть, как раздался глухой звук. Они повскакали и наутек — не поотведав своей каши. А дело-то было в том, что недалеко у пруда женщина полоскала белье — вальком хлопала. А чехам показалось, что это чапаевская артиллерия бьет. Так боялись они Чапаева.

28. «Бог послал»

Служил у Чапаева в дивизии старик Шабанов, связист. Чапаев его любил. Шабанов сам пришел к нему в дивизию добровольцем:

— Я, Василий Иванович, заведующий телефонной сетью в Николаевске. Возьми меня, а то твои ребята по неопытности еще напутают.

Чапаев, конечно, взял его. А боевого снаряжения в отрядах Чапаева было тогда мало. Ни средств, ни связи, ни оружия в достатке не было. И вот Шабанов как-то говорит Чапаеву:

— А ты, Василий Иванович, помолился бы...

Не то шутил старик, не то в самом деле чуточку веровал.

Через некоторое время Чапаев отбил у белых сразу одиннадцать орудий, много телефонов и обмундирования. Увидел Василий Иванович Шабанова и говорит:

— Ну, старик, видал, как богатеем?

— Бог послал, — обрадовался старик.

— Вот этот самый, — ответил Чапаев, показывая на свой отдылавший отряд.

Шабанов рассмеялся и больше бога не поминал.

29. Учитель и командир

Чапаев воспитывал своих бойцов так: с первого дня говорил:

— Знай, ты сражаешься за все трудящееся человечество.

Был он для нас первый учитель, и командир, и друг.

Даст задачу — повтори ее. Если разведчик не мог повторить, то Чапаев долой его, назначает другого. Никаких поблажек в бою никому не делал. На деле ты должен быть командиром, — это его основной закон. Умри, а сделай! Выполни приказ.

Такой уж он был человек.

За свою жизнь Василий Иванович много добра для трудящихся сделал.

Он не считался ни с чем. В бою — стальной, непобедимый, в строю — требовательный. Он сонных не любил.

— Если бы мы все спали, — говорил он, — то всю революцию бы проспали.

А на отдыхе веселый. И добрей его товарища не было. Бывало, станет закуривать, дает всем: «Кури, ребята!»

30. Достойный человек

Чапаев ведь сначала командовал полком, а вскоре ему уже дали полную власть над дивизией, потому что это был достойный человек, крепко подкованный в политике. Ненавидел он богатый класс и боролся не за одного себя, а за весь пролетариат.

Он был боевой, никого не боялся. Бывало, возьмет человек пятнадцать и уезжает в степь на разведку. Далеко заберется, в самый тыл казачий, и всегда выполнял задачу успешно.

Часто он говорил нам:

— Если меня убьют, то меня мертвого кладите на носилки и несите в бою впереди, а сами за мной идите. Чур, не отставать!

— Мы, — говорил он, — пока слабы в теории, ну зато неплохие практики. В белой армии, правда, много генералов, знающих теорию, но мы их своей практикой побеждаем, и впредь я это вам гарантирую. Разобьем врагов — тогда теорию изучать будем. И всегда победа будет на нашей стороне. Если я погибну, то дело должно быть завершено, как я сказал...

Такого человека не часто встретишь. Обращался он со всеми по-товарищески, к нему шли все рядовые, и со всеми он разговаривал, направлял их, помогал советами.

На отдыхе Чапаев любил петь революционные песни тех годов.

31. Слово Чапая

В селе Красный Яр были полки 25-й Чапаевской дивизии, у реки Белой. Надо было обязательно переправиться через Белую и разузнать, какой силой обладают колчаковцы. А сила, как предполагалось, была у противника не малая.

Объявили командиры сбор охотников в разведку. Собирали все четыре полка.

В это время Чапаев на машине приехал. Встал перед бойцами и говорит:

— Если мы не перейдем Белую, вы не чапаевцы, а я не Чапаев. Вот мой сказ. Кто хочет быть чапаевцем, тот должен быть на той стороне, — и он взмахнул шашкой в сторону Белой.

— Я пойду, меня запишите! — закричал кто-то.

— И меня...

— И меня...

— Все пойдем за Чапаем!

Так по одному его слову сразу несколько десятков человек вызвалось идти в разведку в стан врага.

32. Как Чапаев наказывал

Дело было в селе Таволожке. Два кавалериста пришли к Василию Ивановичу и говорят: так, мол, и так — на побывку хочется, домой сходить, отпусти, Василь Иванович.

— На побывку? — спросил он. — Ну, что ж, идите. На три дня. Писарь пусть увольнительную напишет.

А к писарю пришли уж не двое, а четверо. И все:

— Нас Василь Иванович на три дня отпустил.

Писарь написал увольнительную, а потом доложил Ча-

паеву, что распоряжение его выполнено — четверо бойцов уволены в трехдневный отпуск.

— Как, — закричал Чапаев, — четверо?.. Догнать их и вернуть сейчас же! Я двоих только отпускал.

— Есть, товарищ командир.

Привели голубчиков, поставили перед строем.

— Вот любуйтесь на них, — сказал Василий Иванович. — Они Чапаева хотели обмануть... Правильно они сделали?

— Нет! — закричали бойцы.

— Какую они кару заслуживают? — спросил Василий Иванович.

— Расстрелять!

— Слышите? — обратился он к перепуганным насмерть обманщикам. — Слышите, что говорит дивизия?.. Стрелять я вас не буду. А на сутки аресту дам. Если же еще что сделаете, тогда не миновать вам расстрела.

Когда прошли сутки, Василий Иванович приказал привести к нему этих красноармейцев.

Он посмотрел на них пристально и спросил:

— Домой хотите?

— Нет, Василь Иваныч, — дружно ответили бойцы.

— Эх, дурни! Почему же нет?.. Идите домой на три дня. Все четверо. А то жинки, поди, соскучились по вас.

33

Первый батальон полка имени Степана Разина немного пощипали чехи в Николаевске, и ему пришлось отступить. А человек десять красноармейцев, — не то перепугались, не то дурь им в голову вступила, — убежали в степь.

Василий Иванович на другой день опять занял Николаевск, прогнав чехов из города. В это время вернулись из степи убежавшие красноармейцы из первого батальона.

— Привести их сюда, — приказал Чапаев.

Привели. Василий Иванович выстроил их в строй перед штабом, оглядел внимательно и спрашивает так ласково:

— Ну, что... пришли?

— Пришли, товарищ командир, — ответил один.

— А где же ты был, дорогой?

— М-мы от чехов скрывались.

Василий Иванович подходит к следующему:

— А ты где был?

— Я, товарищ Чапаев... тоже...

— Тоже скрывался от чехов? Молодцы! Молодцы, ребята.

Он повернулся к командиру первого батальона и приказал:
— Запереть их в сарай! А утром...

И не договорив, ушел.

Испугались ребята. Ну, думают, смерть теперь! Два дня голодными были, а тут и есть не хотят. До утра просидели в сарае, глаз не смыкали.

Утром Василия Ивановича спросили, что делать с арестованными красноармейцами.

— Я сам сейчас к ним пойду.

Приходит в сарай.

— Выспались? — спрашивает вытянувшихся в строй бойцов.

— Выспались, — упавшим голосом ответил кто-то.

— Ну вот и хорошо, что выспались. Теперь идите в свой батальон. Нынче наступать будем.

34

Когда переправлялась дивизия через реку Белую, Чапаеву осколком снаряда поранило голову. Подбежал было санитар к нему, чтобы сделать перевязку, но Чапаев только озлился:

— Какая перевязка, — бой идет! — и сам вырвал застрявший осколок.

Только после боя удалось ему сделать перевязку.

35

Когда Чапаев был на Уфимском фронте, подняло голову уральское белое казачество. Казаки распустили слух, будто Чапаев погиб под Уфой и больше не вернется. А Чапаев не долго был в Уфе, скоро повернул на Уральск. Тут беляки узнали, как погиб Чапаев. Когда их стали гнать в прикаспийские пески, они сами узнали, что наш Чапаев еще живой.

36

Стояли славные чапаевцы в станице Сломихинской. Штаб дивизии здесь был. И сам Чапаев тоже. И вот кто-то из командиров распорядился выставить усиленную охрану у квартиры Чапаева. Попил Чапаев чаю и выходит на улицу. Смотрит, и тут боец и там боец. Спрашивает:

— Что за люди?

Ему отвечают:

— Охрана квартиры вашей, товарищ Чапаев.

— А чего меня охранять? Не бойтесь, меня никакая пуля не берет. Идите домой.

Не любил Чапаев много говорить. Антимонии не разводил.

А когда погиб Чапаев, у нас долго разговоры были, будто Чапаев вовсе не погиб, а кто-то видал его, как он по лесу ходил.

37

Один только раз довелось чапаевцам отступить в панике. Дело было под Гусихой. Чапаева в ту пору с ними не было. И вот они разутые, раздетые бегут в сторону Порубежки. А тут как раз Чапаев возвращался из академии. Увидел своих бойцов Чапай, остановился и говорит так это, тихо:

— Здравствуйте, братишки!

А чапаевцы молчат, стыдно им своего командира.

— Значит, отступаете? Та-а-к!

А потом вдруг вскочил на лошадь, говорит:

— Ну, хотите со мной защищать власть советскую?

— Хотим, товарищ Чапаев.

— А на кой чорт вы мне нужны голые-то? Подарили казакам одежду-то!..

А потом подумал немного и твердо сказал:

— Вот мой сказ: кто хочет снова стать достойным бойцом Красной армии, сегодня же должен достать себе одежду и оружие в бою. Приказываю отнять у белых все, что вы там оставили, да в придачу ихний обоз захватить.

После этого чапаевцы дрались, как львы, отбили у казаков Гусиху, много оружия захватили и обоз целиком.

38

Василий Иванович не любил, когда лошадей понапрасно гоняют. Вот однажды в Гусихе один боец скачет во весь опор, лошадь не жалеючи. Чапаев увидел, кричит:

— Стой! Ты это куда скачешь? Али казаки наступают?

— Нет, Василь Иваныч, на квартиру еду.

— А, на квартиру?! Ты что же, сукин сын, когда не надо скачешь, лошадь мучаешь? Ты же ведь на ней, измученной-то, в первом же бою погибнешь! Зарубят тебя на ней, дурья башка!

А потом потише добавил:

— Передай командиру, чтобы он тебе три дня наряда

вне очереди дал. Ну, а теперь езжай. Да не забудь лошадь хорошенько накормить.

Тот и поехал шагом.

39

Бывало, на отдыхе соберутся красноармейцы в кучу, разговаривают между собой. Выйдет Василий Иванович, посмотрит, улыбнется и подойдет к бойцам.

— Ну как, товарищи, сегодня будем выступать?

— Да, можно и выступать.

— Нет, уж лучше завтра, сегодня отдохнем. А рано выступим?

— Да, можно рано, — отвечают бойцы.

— Ну, значит, рано выступим.

А вечером, смотришь, собрал командиров. Перед ним бумага вся исчерченная, карта.

— Вот мой план...

И начинает говорить, кто когда выступает, куда пойдет. Назовет каждый холмик, каждый дол, падинку. И как сказал Василий Иванович вечером, так на другой день и выйдет.

40

Василий Иванович любил песенки под нос мурлыкать:

Буль-буль бутылочки,
Динь-динь стаканчики...

Потом вдруг откинется, улыбнется по-особенному, широко, скажет:

— Давай, ребятки, хоровую, народную!

И гремит песня по всей Чапаевской дивизии. Пели про Стеньку Разина, Ермака, «Черный ворон».

У Чапаева хороший был голос.

41

Если в плен попадали простые казаки, он к ним внимательно относился. Он выйдет к пленным, осмотрит каждого и скажет:

— Ну что же, ребятки, домой пойдете или ко мне?

Пленные жмутся, молчат — не верят.

— А то, пожалуй что, идите домой.

Кое-кто и домой пойдет. Идет, оглядывается: а вдруг пуля в спину?

А Чапаев только улыбнется:

— Не только пулей бить врага, но и примером. А вредного какого иль офицера — того обязательно хлопнуть, — говорил он нам.

Раз ведут к Чапаеву одного подозрительного человека.

— Я, — говорит тот, — из Пугачева, командирован в Уральск. Отпустите, мне некогда. Все равно Чапаев отпустит меня — он мой друг.

Приводят его к Чапаеву.

Василий Иванович посмотрел на него и говорит:

— А я тоже тебя знаю, голубчик! На германской вместе воевали. Только среди белых, а особенно среди шпионов, нет у меня знакомых.

Ну, типа этого сразу в расход списали.

42

Хоть и не был Чапаев оратором, но когда он говорил, дрожь охватывала, хотелось скорей в бой.

Он был бесстрашный, находчивый и добрый. Бойцов он уважал, ел, пил и спал вместе с ними. Деньги у него не держались, все до копейки раздавал беднякам. Крестьянам Чапаев говорил:

— На мне оленьи сапоги, а вы их сроду не носили. Но если вы будете уверены, что мы победим, и будете помогать советской власти, то вы будете все ходить в оленьих сапогах.

Чапаев всегда был веселым, пел, смешил. Хороший был человек Василий Иванович!

43

Когда он наступает, то он грозный какой-то, волшебный; если он идет — радостно каждому бойцу. В это время враги трепещут и злятся.

У него никогда урочных часов не было, — иди к нему и жаловайся с какими хочь делами.

Случай был в Таволожке,¹ там кулаки бедняков на себя заставили молотить. Василий Иванович послал туда шестерых своих бойцов, — так некоторым не поздоровилось.

44

Всегда он веселился, никогда не унывал. Бывало, ребята на гармошке играют, а он возьмет да спляшет или песню

¹ Таволжанка. — Ред.

сыграет. Но нельзя сказать, чтобы он мелкими делами занимался да все развлекался, — много он и в штабе работал, когда не было боя.

Часто мы пели песню «Слышали, деды, война до победы». Я играл ее за другими, сам не зная. Василий Иванович первым запевалой был.

45

Чапаев нам говорил часто:

— Кончится война, другая жизнь будет. Кто доживет до этого времени — получит, что только ему надо. Придет к трудящимся счастливая жизнь.

Так ведь по его и сбылось. Взяли мы в свои руки наше счастье и никому его не отдадим.

46

Чапаев часто созывал митинги. Его слушали везде, он растолковывал очень хорошо: за что боремся, что такое советская власть. Не любил многого себе приписывать и ничего не таил: если чего задумает — тут же на обсуждение. Выйдет и скажет:

— Товарищи, мы находимся в трудном положении. Хотите, чтобы советская власть была, хотите, чтобы свобода была, — идите со мной. Если не хотите, идите против меня. Но ни за кого быть, в стороне стоять — нельзя.

И ему верили. Шли за ним, не боялись.

Да, большой он был человек, настоящий народный герой!

47

Мы его спрашивали:

— Ну, как же мы, Василий Иванович, впоследствии жить будем? Мы сейчас воюем, воюем, а как закончим войну, как у нас тогда будет?

— Мы, — говорил Чапаев, — после этой войны должны как цветы цвести. Жить хорошо будем. И дети у нас будут как цветы цвести.

48

Неунывный, мужественный, чудесный был человек Василий Иванович. У него и трус становился храбрым и угрю-

мый был веселым. В любом деле врожденная веселость не покидала Чапаева.

В одном бою как-то несколько молодых бойцов побежали было от противника. Ну, трусили, проще сказать.

Василий Иванович узнал об этом после боя, созвал их всех и давай им лекцию читать о том, как одному семерых не бояться.

— Одному хорошо против семерых воевать... — говорил Чапаев. — А вот семерым против одного — трудно. Семерым нужно семь бугров для стрельбы, а тебе один. Один бугорок везде найдешь, а вот семь бугров найти трудно. Ты один-то лежи да постреливай: одного убьешь — шесть останется, двоих убьешь — пять останется... А когда шестерых убьешь, то один уж должен сам напугаться тебя... Ты заставь его руки вверх поднять и бери в плен. А взял в плен, веди в штаб.

49

Про Василия Ивановича выдумывают — будто он малограмотный был. Да разве малограмотный сумел бы руководить дивизией целой — экая силища! Хороший начитанный был он. Всё диспуты держал с попами. А говорил он как! — вроде за живое хватал. В германскую прапором производили его, а потом разжаловали. А за что? За политику. Политический он был человек. А как погиб — будто у каждого самое лучшее пропало.

50. Родной партии человек

Не помню точно, в конце 1917 года или в начале 1918 дежурил я в уюме партии. Входит незнакомый человек с острыми усиками, черный такой... На шинели видны следы недавно снятых каких-то орденов. Нам он показался подозрительным элементом. Мы все насторожились. Думали, какой-нибудь офицеришка. Он спросил:

— Здесь уком партии?

— Здесь, — ответили мы.

— А можно мне записаться в партию большевиков?

Поговорили мы с ним тогда по душам — и видим, вполне свой, родной партии человек. Это был Чапаев.

Потом я встретился с ним, когда он был уже членом партии.

Чапаев организовал тогда отряд, в который записался мой сын. Я сам был в отряде Демидкина, а потом работал в пугачевском совнаркоме. Тут я с Чапаевым часто виделся. Парень он был веселый, на отдыхе любил петь, особенно «Ермака» и «Черного ворона».

51. Большевистская закалка

В делах Чапаев был горяч, иногда и ошибался, но быстро исправлял свои ошибки.

Вышел один раз такой случай.

Весной 1918 года Чапаев без ведома комитета партии решил в селе Любенцы собрать крестьянский съезд. Комитет партии, узнав об этом, послал в Любенцы несколько товарищей. Они должны были договориться с Василием Ивановичем о порядке работы съезда. Конечно, сделали ему товарищеский укор, что он не известил о своих планах комитет партии.

Василий Иванович сначала резко обиделся:

— Что я, контрреволюционер какой, что ли? Я соби-

раю крестьянский съезд по военной надобности. Мне людей нужно, корму, лошадей для отряда.

Но все-таки его уговорили согласовать свой военный план с партийной организацией. Приехал он в уком партии, начали заседание. В выступлениях все говорили, что честь и хвала Чапаеву как герою, а то, что он чересчур «самостийничает», — это нехорошо, надо быть организованным бойцом.

Он сидит, только усы покручивает, а раз Чапаев ус крутит — будет буря.

Дали слово ему. Сначала он говорил медленно, волновался очень, потом разошелся, стал стучать кулаком по столу. Говорил долго, спорил, оправдывался, а когда пыл прошел, сам осознал свою ошибку:

— Да, действительно, не так я сделал. Уж очень мне нужен корм, нужны люди! Ну, помогите мне теперь исправить мою ошибку.

Конечно, ему помогли, и больше таких недоразумений в его партийной работе не было. На глазах у всех нас приобрел он необходимую большевистскую закалку.

52. Для революции себя не пожалею

В начале 1918 года у нас в Сулаке организовался отряд Красной гвардии. В отряд записалась вся беднота, все батраки. Можно сказать, что все работники побросали своих хозяев и пошли в отряд. Набралось человек двести. Все, конечно, на лошадях. Кто на своей, кто на кулацкой. Командиром отряда выбрали молодого боевого парня — бедняка Топоркова.

Чапаев в то время стоял со своим отрядом в Николаевске. Слава о нем уже в это время докатилась до самых глухих сел Николаевского уезда. Василия Ивановича мы уже знали в то время как грозу кулачества, как организатора советской власти. Знал Чапаева и наш Сулак. Знали его у нас и потому, что Чапаев заезжал к нам из Балакова, где у него убили брата.

Василий Иванович тогда, после похорон, заехал к нам, устроил собрание, на котором очень много говорил о том, что надо всем деревням подниматься на борьбу за советскую власть, за новую жизнь.

Всей нашей молодежи Чапаев пришелся по душе. Итти к нему в отряд было большой радостью. Село устроило нашему отряду проводы. Сошлись все, и старые и малые. Красногвардейцы наши все в шубнях, в кожаных сапогах.

Из некоторых семей уходило в отряд по два, три человека. Можно сказать, что оставались дома только женщины да старики. И даже шестидесятилетний старик Рублев Яков записался в отряд, да еще с двумя сыновьями.

Матери, сестры, девки, невесты — все были на проводах. Митинг организовался сам собой. Девки украшали лошадей красногвардейцев красными лентами. И вот с песнями, под большим красным знаменем отряд выехал за околицу.

Чапаева мы нашли в Николаевске. Там он квартировал. Подъехали. Чапаев вышел к ребятам и спрашивает:

— Откуда вы, товарищи, явились?

— А у нас командир есть, его, Василий Иванович, спрашивай.

— Кто ваш командир?

— Я, товарищ Чапаев, — ответил Топорков.

Чапаев поговорил с ним, а потом снова к отряду обернулся:

— А на чьих лошадях приехали?

— На своих и на буржуйских, Василий Иванович.

— А не жалко ли вам своих лошадей?

— Для революции себя не пожалею, Василий Иванович, не только лошадей...

— Вот таких молодцов мне и надо. Пусть весь трудовой народ подымется на борьбу за революцию. Чем ни больше соколов налетит, тем сильнее шарахнет белое воронье. Приказываю, товарищ командир, разбить отряд на взводы и выдать обмундирование.

И стали наши ребята чапаевцами.

53. Он привил нам любовь к родине

В конце 1917 года, как только я немного поправился от ранения, полученного на германском фронте, меня вызвали на переосвидетельствование.

Во дворе госпиталя я ждал очереди на комиссию. Были и пехотинцы, и артиллеристы, и кавалеристы, и матросы. К нашей группе подошел широкоплечий матрос. Он был мрачен на вид, но через силу улыбнулся, заговорил с нами.

— Братишки, — сказал матрос, — фронта с немцами и турками больше нет, ехать нам никуда не следует. Но война идет у нас тут, в России, в наших городах и селах. Василий Иванович Чапаев организует отряд Красной гвардии. Солдаты уходят с царского фронта, чтобы доканать у себя дома буржуев, помещиков и кулаков. Нам сейчас нужно бороться за новую, свою, советскую власть. Василий Ива-

нович Чапаев обращается в первую очередь к нам, солдатам, как более опытным в военных делах.

Съездил я к себе в село Новоспасское, повидался с родными, а потом подался к Чапаеву. Со мной пошли к нему еще десятка полтора наших ребят.

До села Порубежки, где находился штаб Чапаева, нас доставили на подводах.

Я как старший команды вошел в штаб, чтобы найти самого Чапаева и доложить о своем прибытии. В комнате было семь человек. Чапаева до этого я никогда не видал, спрашиваю у входа:

— Кто будет тут Василий Иванович Чапаев?

Мне навстречу поднялся худощавый черноусый военный в простой солдатской гимнастерке и сказал тонким голосом:

— Я есть Чапаев.

По-военному козырнув, я доложил:

— В ваше распоряжение из Рахмановской волости прибыло пятнадцать человек.

— Хорошо, спасибо за это! — весело подмигнув командирам, сказал Чапаев.

Мы вышли к остальным моим землякам. Чапаев поздоровался с ними, расспросил о нашей службе в старой армии. Затем обошел каждого из нас кругом, осмотрел с ног до головы, похлопал по плечу.

— Хорошо, ребята! Защитниками будете.

Зачислили нас в пехоту. Вскоре отряд Чапаева двинулся в поход. Шли мы на Давыдовку, Карповку и Рахмановку. Во всех селах Василий Иванович проводил митинги, призывал крестьян вступать к нему добровольцами. Первые слова Чапаева были о том, что фабрики, заводы и вся земля, все богатства нашей страны принадлежат теперь трудящимся — рабочим и крестьянам, что не будет больше угнетателей, которые угнетали наших отцов и дедов. Но буржуи не сдаются без боя, пытаются задушить революцию. Мы должны защищаться.

Каждое слово Чапаева глубоко западало в душу слушателя. Крестьяне сразу же после митингов выбирали советы в селах, налаживали помощь Красной гвардии. Отцы посылали своих сыновей в отряд Чапаева, а сами изъявляли желание добровольно выполнять обязанности обозников. Многие старики, на время мобилизованные для обоза, ездили добровольно по нескольку месяцев, а некоторые вошли прямо в штат отряда.

Впервые силу, авторитет и героизм Василия Ивановича Чапаева я узнал под селом Гусихой.

Нас встретили чехи дружным огнем. Плюс к этому одна наша рота изменила нам. В нашем отряде после мобилизации, проведенной по селам, была сформирована так называемая Ивановская рота. И вот эта рота в трудный момент под влиянием кулацкой агитации повернула оружие против нас. Получилась большая паника, наш отряд начал отступать. Чапаев в отряде не было, он был вызван в Николаевск.

Мы бросились назад. Мост через реку Ирғиз не выдержал, провалился. Многие бойцы бросились вплавь, оставляя оружие в воде.

В это время подъехал на тачанке Чапаев.

— Что случилось? Куда бежите? Назад!

Ему не нужно было докладывать о случившемся, он понял и оценил положение. Он тут же вступил в командование отрядом.

— В цепь! — крикнул он еще громче. — Чапаев с вами, вперед!

Страх наш сразу пропал. Все бросились за Чапаевым. Бежали за ним с винтовками и без винтовок, и одетые, и раздетые, крича во весь голос: «Урра-а-а!..» Чехи не выдержали напора чапаевцев. Гусиха стала нашей.

Я тут понял, что Василий Иванович Чапаев своей энергией и смелостью привлекал к себе каждого бойца настолько, что при Чапаеве у нас не существовало страха за свою жизнь, мы думали только о победе. Мы верили Василию Ивановичу, что он поведет нас правильно, и со своей стороны помогали ему осуществить боевые планы.

Никогда не забудется бой под Таволжанкой. Нам донесли, что Николаевск пал, что белые вступили в город и терроризируют жителей. Чапаев повел нас на помощь городу. Но под Таволжанкой нас встретила громадная сила белочехов. Завязался бой. По количеству нас было меньше в несколько раз, а по оснащению — и говорить не приходилось. По нас палили из пулеметов и из орудий. Казалось, что орудий было несметное число, так щедро белые усыпали снарядами наши окопы.

Чапаев был уверен в своей победе, а это доходило до сознания каждого бойца. Мы наступали дружно и умело. Василий Иванович, как орел, перелетал с одного фланга на другой. Вдгонку Чапаеву сыпались пули, чехи старались попасть в него. Но Чапаев не обращал внимания на свист пуль и вой снарядов.

— Цепь, вперед! За мной, цепь! Цепь, вперед! — разносилась по полю команда Василия Ивановича.

Боевой путь Чапаева так необычайно велик и прекрасен, что нет никакой возможности описать все виденное и пережитое вместе с ним. Каждый из нас, оставшихся в живых чапаевцев, не может спокойно говорить о своем любимом командире, который помог нам осознать всю сложность и многообразие классовой борьбы и гражданской войны, привил нам любовь к родине, которая до Октябрьской революции была нам постыла, влил в нас волю к победе и бесстрашие.

54. «Запишите меня в Красную гвардию»

Вернулся я с германского фронта в родной город Пугачев. Здесь я услышал, что у нас организуется Красная гвардия под руководством Чапаева.

Узнав от товарищей, где живет Чапаев, я отправился к нему на дом. Спрашиваю вышедшего бравого мужчину:

— Вы будете товарищ Чапаев?

Он отвечает:

— Я.

— Вы записываете в Красную гвардию?

— Да, я. А что вам?

— А вот что: запишите меня в Красную гвардию, так как я хочу активно участвовать в боях за новую жизнь.

Чапаев не отказал в моей просьбе и записал в Красную гвардию.

Отряд наш увеличивался с каждым днем. Вскоре мы пошли в наступление на белоказаков.

По пути из Пугачева мы восстанавливали в селах советы. Беднота пополняла наш отряд. В Малаховке у нас произошел первый бой. Мы одержали победу. После бились мы с белыми под Уральском, а потом были направлены под Самару, где бесчинствовали учредилорцы и чехословаки.

Освободили Самару, громили чехов и колчаковцев. На всем своем пути под командой Василия Ивановича дивизия не знала поражений, а одни только победы.

55. Примикали к Чапаеву те, кому не было радости в старой жизни

В начале восемнадцатого года стали наезжать в нашу Солянку белоказачьи отряды. Большую мы на них имели злобу. Слова путем не скажут, чуть чего — в плети. Крас-

нова Егора и Горбачева Николая, которые вернулись с фронта и устанавливали в нашем селе советскую власть, плетями пороли на площади. Мне было тогда восемнадцать лет, а уж знал я — от кулачья хорошего ожидать нечего. И вот весной 1918 года в наше село с небольшим отрядом приехал Чапаев.

Видел я его на площади, когда он говорил речь. Говорить Василий Иванович был мастер. Слово — к слову, и так все просто и так доходчиво до сердца. Говорил о Красной гвардии, о том, из-за чего белоказаки подняли войну против советской власти, и призывал желающих вступать в его отряд.

Пошли к нему четырнадцать человек, в том числе и я. Чапаев тогда только еще собирал силы, укреплял свой отряд.

Пошли мы на хутор помещика Мальцева (на этом месте теперь образцовый совхоз). Подходим, видим, конные казаки согнали в кучу рабочих, кого-то выискивают. Завидели они нас, ускакали. В это время они еще как вешки стояли на буграх, высматривали, что делается, а боя не принимали.

Поговорил Чапаев с мальцевскими рабочими — и все они влились в наш отряд. Тут нас стало больше. Так шли мы из села в село, с хутора на хутор, и везде примыкали к Чапаеву те, кому не было радости в старой жизни.

56. В защиту бедноты, против кулачества

Кулаки села Липовка, бывшего Пугачевского уезда, не хотели мириться с тем, что им больше не эксплуатировать бедноту, и решили бороться открыто, подняли восстание.

Мы, беднота и батрачество Липовки, вступили в борьбу с восставшими, но у нас не было оружия. Кольями, вилами и несколькими дробовиками много не сделаешь. Тогда на помощь к нам в Липовку и явился Василий Иванович. Это было наше первое знакомство с ним. Под его руководством мы снова сделали Липовку советской. Наш местный красногвардейский отряд вырос в два раза и даже получил от Чапаева похвалу.

С этих пор липовские красногвардейцы оставались верными друзьями Василия Ивановича. Вскоре вспыхнуло кулацкое восстание в Балакове. Брат Чапаева — Григорий, военный комиссар города, был зверски убит восставшими. Мы ринулись туда на помощь со своими несколькими отрядами, и кулачье было разбито. Но нам надо было обнару-

жить главных зачинщиков, и Василий Иванович быстро установил, кто они и куда скрылись.

Чапаев поручил нам отправиться в Уральск и обязательно найти главного руководителя Мамина и его помощников. И действительно, зачинщики оказались в Уральске. Но если бы их и не оказалось там, мы разыскали бы их в другом месте. Не могли мы вернуться, не выполнив поручения Василия Ивановича.

57. К Чапаеву в отряд

Сидели мы как-то вечером — отец, мать и я, пили чай. Отец говорит матери:

— Ну, старуха, собирай и меня! Два сына у нас в Красной гвардии, а я-то тебя, что ли, должен караулить? Пойду и я воевать.

Мать ударилась в слезы, но в этот момент к нам приехали Чапаев с женой Пелагеей, Плясунков и Потапов.

Первым вошел Чапаев и поздоровался. За ним вошли и остальные.

Завязалась беседа. Я все время смотрел на Чапаева. В то время о подвигах его уже гремела слава, и каждому хотелось попасть в его отряд. Был Чапаев среднего роста, глаза у него светлосиние, немигающие, пронизывающие насквозь человека. Лицо свежее, без единой морщинки, подбородок тщательно выбрит, пышные усы. В минуты гнева Чапаев дергал себя за усы, и тогда светлосиние глаза его делались почти черными. Одет он был в военную тужурку, на нем были синие брюки, высокие фасонистые сапоги. Обратил я внимание на его шапку, она была с красным околышем. И были он и его соратники — Плясунков и Потапов — вооружены, как говорится, до зубов. У каждого была винтовка, шашка, по паре револьверов.

Отец говорил Чапаеву:

— Два сына есть у меня. Один у тебя в отряде, другой у Баулина. И сам я собираюсь вступить в отряд, только вот не знаю, в какой.

Чапаев тут похлопал моего отца по плечу и сказал улыбаясь:

— Ты, старик, ко мне вступай. У меня самый боевой отряд. Мы промаха не знаем. Когда бывает нехватка оружия у нас, так мы зубами...

Мы все рассмеялись, а Чапаев вскочил и сказал:

— А теперь айда в сельсовет! Проведем собрание бедноты...

58. Дело было в 1918 году

Дело было в 1918 году.

Василий Иванович Чапаев приобрел уже тогда известность в городе Пугачеве как член революционного комитета. Потом его избрали в запасном полку в полковой комитет. Комитет этот превратился в боевой штаб красновардейского отряда. В этом отряде довелось послужить и мне.

В это время недалеко от Пугачева, в селе Семеновке, кулаки подняли восстание против советской власти. Они соединились с белоказаками и стали жестоко расправляться с беднотой. Из Семеновки к нам в штаб прибежали раздетые и окровавленные бедняки.

Чапаев собрал нас, всех своих бойцов, и обратился с речью. Он говорил просто и ясно. Я хорошо запомнил его слова. Он говорил, указывая на окровавленных бедняков:

— Ребята, смотрите, как льется наша кровь. Давайте встанем, как один, против угнетателей.

Он закончил возгласом:

— Вперед, товарищи!

Мы немедленно выступили под его командой из Пугачева по направлению села Семеновки. Когда мы подходили к Семеновке, к нам стали перебегать крестьяне. Все они просили: «Товарищи, мы погибаем от казаков. Спасите нас!» Некоторые тут же вооружались становились в наши ряды.

Только мы вошли с одного конца села, как сразу кулаки и белоказаки по нас открыли оружийный и пулеметный огонь. Мы залегли в цепь. Я лежал у одного деревянного дома.

Только я хотел передвинуться вперед, как ударило снарядом в угол дома, у которого я лежал. Меня сильно контузило, и оказалось — поразило в плечо. Я был отправлен в Пугачев, в госпиталь. После ранения я жил тайно в селе Николаевке, Пугачевского уезда, занятом белочехами.

Стояла жаркая летняя пора. В армии чехов шли разговоры о приближении красных.

В один из июльских дней слышалась за селом перестрелка. Подходил отряд Чапаева. Чехи пригнали мобилизованных русских солдат, послали их на передовую линию, а сами остались в тылу. Чапаев повел решительное наступление. С передней линии противника была усиленная стрельба из пулеметов, но в чапаевском отряде не было убито ни одного бойца. Почему так? Да потому, что находившиеся впереди чехов мобилизованные солдаты напра-

вили пулеметы вверх. Пулеметы строчат, а чапаевцы идут во весь рост в наступление, и ни один не падает, не убит, не ранен. Увидев это, чехи начали кричать, чтобы с передней линии отступали, но мобилизованные солдаты стояли, как вкопанные, и не двигались с места. Когда к ним подошли чапаевцы, они сдались все в плен, а чехов угнали далеко за село.

Чехи остановились в поселке Лебяжьем. В двенадцать часов бой затих, чапаевцы пришли в наше село Николаевку. Тут же всему населению было объявлено, что сейчас будет собрание. Народ стал собираться. Приехал Чапаев, стал говорить, обращаясь к населению:

— Вот, товарищи, настал час, когда мы завоевали свою свободу.

И дальше он говорил:

— Мы должны сбросить всех своих врагов.

В нашем селе очень хорошо встретили Чапаева. Несколько человек добровольцами пошли в его отряд.

Осенью 1918 года была объявлена мобилизация. Я к этому времени поправился от ранения и поехал в Пугачев. Меня зачислили в 25-ю Чапаевскую дивизию. Из Пугачева мы пошли на станцию Семиглавый Мар. Нас обошли казаки, и завязался бой. В это время я стоял у денежного ящика в штабе полка. Белые очутились около штаба. В штабе остался я один, но не покидал свой пост. Кроме денежного ящика в штабе было большое количество бомб. Я взял эти бомбы, приготовился к обороне. Вот уже подбегают к штабу белые, но с другой стороны выскочили наши красные кавалеристы и очень быстро захватили всех белых в плен.

Из Семиглавого Мара мы опять пошли в наступление на ближайший форпост.

Казаки оказали здесь упорное сопротивление. Дерзким налетом они захватили у нас стадо скота — наше продовольствие.

Командиры созвали митинг. На этом митинге мы приняли решение:

— Товарищи! Раз мы чапаевцы, у нас не может быть никаких панических настроений. Мы должны раздавить белых гадов. Вперед!

И мы пошли вперед, как подобает чапаевцам.

Было и такое дело. На одном хуторе под Уральском Чапаев собрал бойцов и говорит:

— Ребята, на вас жалуются возчики, что вы грабите население.

Тогда бойцы заявили — нужно проверить всех. Так и

было сделано: проверили всех бойцов, но ни у кого ничего не оказалось. Тогда Чапаев сказал:

— Нужно проверить обозников.

Когда стали проверять, то почти у каждого обозника из мобилизованных казаков в телегах было обнаружено большое количество всякой домашней утвари, сбруи и прочего добра. Были найдены хомуты, самовары, обувь женская и мужская, платья.

Тогда Чапаев собрал обозников и говорит:

— Вот, граждане, вы говорили, что красноармейцы занимаются грабежом. Оказывается, дело обстоит по-другому. Вы, отцы-подводчики, грабите население, а на сыновей трудового народа ссылаетесь. Смотрите у меня, я этого не люблю!..

После такой беседы добро у возчиков было отобрано, часть роздана потерпевшим крестьянам, а на остальное не нашлось хозяев. Василий Иванович составил список и приказал возчикам:

— Если кто не отвезет чужое добро, где он взял, то расстреляю на месте. На моих бойцов, кроме вас, никто еще не говорил, что они берут чужое добро. Им ничего не надо, кроме двух пар белья, двух банок консервов, винтовки да полного патронташа.

59. Митинг в Каменном Броде

В 1918 году дело было. В октябре примерно в Каменный Брод приехал Чапаев на тарантасе. Трое их было — Василий Иванович, кучер и еще какой-то военный.

Пока Василий Иванович обедал у Вкаляева, нашего сельчанина, всех облетела весть о приезде Чапаева. Около совета собралась вся деревня. Скоро увидели Василия Ивановича.

— Идет, идет!

— Смотрите-ка, Чапаев идет! — зашумела толпа.

Чапаев кланялся во все стороны, а с некоторыми стариками за руку здоровался. Он взобрался на стол, и все смолкли.

— Я за свободу рабочих и крестьян борюсь, — сказал Василий Иванович и взмахнул рукой.

На плечи его была накинута бурка, а на голове — папаха.

— Прогоним белую сволочь — такую жизнь построим, что и умирать не захочется!

Говорил он не долго, но внушительно. Хорошо говорил, надо прямо сказать. Так, что кровь в теле заиграла.

После речи Василия Ивановича в его дивизию около полусотни наших мужиков записалось.

60. «Боец не должен робеть»

В 1918 году поступил я добровольно в отряд, который формировался в это время у нас в Ивантеевке. Не успели мы организовать как следует, как белые сильно потрепали наш отряд — окружили нас врасплох, убили и изрезали на куски девяносто четыре человека, многих поранили, а мы, тридцать три человека, оказались в кольце белогвардейской цепи, — прорваться трудов стоит. Тогда один из нашего отряда, татарин, бросается вперед со словами: — Эх, была — не была! Вперед пойдем — не пропадем. За мной, ребята!

Мы все бросились за ним и прорвали цепь.

Вскоре пришло к нам пополнение из Балашевского отряда — мобилизованные кустари. Но они не шли в бой, трусили, изменяли нам. Тогда явился к нам Чапаев. Прямо к командиру нашему:

— Почему вы отступили? Как могли кустари изменить? Телячьи нежности какие!.. Скажи, как ты вел добровольцев с кустарями?

— Я, Василий Иванович, вел добровольцев отдельно, а кустарей отдельно, — отвечает ему командир.

— Дурак! Нужно было поставить кустаря через одного добровольца, а добровольцам при этом сказать, чтобы новичков учили, за собой вели, а если повернет какой трус обратно, то в затылок свинца для такого не жалеть. Трусит только заяц перед собакой, а боец Красной гвардии ни перед чем робеть не должен.

После этого Чапаев взял наш отряд под свое командование. Прикрепил к каждому добровольцу кустаря и сказал, чтобы все слышали:

— Кто трусит, повернет назад, храбрый его пристыдит, как товарища. Не подействует — обходись, как с лютым врагом.

После этого случая кустари рвались вперед чуть ли не сильнее нас.

61. Под командой Чапаева

Дело было в августе 1918 года, числа не помню какого. Рабочие и служащие города Пугачева проходили военную подготовку. Когда начали наступать чехи, а казаки нажи-

мали с Урала, то в один день было объявлено, чтобы собрались в военные казармы. Явилось на военный двор приблизительно восемьсот или около тысячи человек.

Через полчаса приезжает Василий Иванович, встает на трибуну и говорит:

— Я, товарищи, долго задерживать вас не буду. Скажу в трех словах: с севера на нас наступают чехи, с Урала — казаки. Если не хотите, чтобы мы были смяты, то все должны идти.

Тогда он проголосовал. Все подняли руки за защиту города. Повел нас Чапаев к станции, там вооружились старенькими винтовками «Ветерли» и «Гра». Так создался батальон, который долгое время находился в отряде Чапаева.

Чапаев был простой. В свободную минуту любил он петь и веселиться. Но порядок в частях держал твердый, справедливый.

Помню, пришла один раз женщина жаловаться на то, что у нее один красноармеец покушал яичницу и денег не заплатил. Василий Иванович тут же приказал вызвать этого красноармейца, — тот сразу сознался. Чапаев здорово его поругал.

В бою Василий Иванович умел у каждого дух поднять. Помню дело под хутором Токмак. Враг пошел тогда в рукопашную. Василий Иванович пустил навстречу два батальона Балашевского полка. Эти пехотинцы сумели сбить врагов. А часть кавалеристов оробела, подалась в тыл. Василий Иванович догнал их, спрашивает:

— Вы что?

Они растерялись и второпях говорят:

— У нас, Василий Иванович, тут жены, семьи, дети малые...

— Сами вы дети малые! Вы не видите, что творится? Вперед, за мной!

Прихлестнул он своего коня, и все тогда за ним поскакали.

62. Против кулаков и белоказаков

29 января 1918 года часов в двенадцать дня в Балакове вспыхнуло кулацкое восстание. Повстанцы арестовали ряд местных работников и убили брата Чапаева — Григория Ивановича Чапаева.

К вечеру этого дня Чапаев Василий Иванович прискакал в село Малое Перекопное. Лошадь его от быстрой езды пала около здания волисполкома. Мы дали ему из села ло-

шадь до Пугачева. Чапаев проехал село Березово окольным путем лишь потому, что там хозяйничал белогвардейский штаб.

По приезде в Пугачев Чапаев приступил к организации красных партизанских отрядов. А мы 30 января 1918 года, соединив свои отряды Красной гвардии из батраков и бедноты Малого Перекопного и Сулака, под командой Топоркова, Майорова и Рязанцева Семена Кузьмича повели наступление на село Березово, но не выдержали и отступили — белые оказались сильнее нас числом и вооружением. Отступили мы обратно до села Малого Перекопного, но в село нам не удалось войти — здесь подняли восстание кулаки. Мы всем отрядом кинулись в село Сулак, где арестовали кулаков, а на дорогах выставили заградительные отряды и тем самым перервали путь белым из Балакова и Березова на Пугачев.

2 февраля 1918 года в селе Малом Перекопном мы держали бой с кулачеством. Мы понесли здесь первые жертвы. Получили сильные ранения наши товарищи: Майоров Николай Филиппович, Потапов Федор Константинович. Жены кулаков избили беднячек Архипкину, Радаеву Евдокию, Майорову Ефимию. Потапова Мария Алексеевна была беременна, но и она подверглась избиению, и от этого получился выкидыш посреди улицы.

Сорганизовавшись, мы пресекли этот кулацкий разгул, а потом уже выступили под командой Чапаева из двух сел: Малого Перекопного и Сулака.

Мы переправились через Иргиз на село Давыдовку, откуда погнали противника — уральских казаков. Рано утром направились к уральской границе. По селам вели агитацию за вступление бедноты в Красную гвардию, добровольцы вступали в наши ряды всюду.

Дойдя до участка Бенардак (бывший Мальцев), мы встретили здесь белоказачков. С боем выбили их с хутора. Через день-два казаки появились опять и начали палить по Бенардаку. Их выстрелы нам не понравились, мы тут же пошли в наступление до границы уральских степей. Заняли Семиглавый Мар, откуда, не отходя от линии, повели наступление на Уральск. Казачество сопротивлялось жестоко. Первым походом мы дошли до Зеленого форпоста, где были ночью окружены со всех сторон. С рассветом пришлось отступить обратно. Мы вынуждены были отходить вследствие того, что в тылу казачьи отряды выступали вместе с кулачеством.

Ликвидировав тыловые восстания кулачества, двину-

лись мы вторично в наступление на Уральск. В самом Уральске казаки подняли тогда тревогу — зазвонили во все колокола. Собралось беляков множество, окружили они нас в кольцо. Отрезали нас от обоза и кинулись в атаку на обоз. Но тут обозники проявили героизм. Они бой выдержали. Полностью разгромили мы два казачьих полка, собрали семьсот седел.

Между Семиглавым Маром и станцией Шипово в полдень казаки пустили один броневой автомобиль, зная, что у нас снаряды на исходе.

Чапаевцы сшибли автомашину противника. Кавалерийский эскадрон атаковал броневик, и мы забрали его команду: попа и двух офицеров, которые тут же были расстреляны на месте.

По приказу Чапаева мы ночью двинулись на помощь Пензенскому отряду в Семиглавый Мар. Прибыли туда и никак не разберемся — где враги, где наши, лишь потому, что белые и красные здесь перемешались в схватке. Чапаев тогда метко и удачно нашел цель, которую передал по фронту: — Бей в погоны!

В этом бою было убито нами немало офицеров. Чапаев здесь гнался за полковником Толстовым, но тот улизнул.

Сообщили нам как-то, что в помощь чехам идет кулацкий отряд.

Василий Иванович тут же приказал:

— Взять их без выстрела!

Так и было сделано. Дрались одними штыками. Белогвардейский полк был нами взят целиком.

63. Встреча с Чапаевым

В 1918 году проходил наши села Утевку и Домашку Василий Иванович Чапаев, где в то время были свои партизанские отряды.

Из села Домашки мы, оба отряда, выехали в поле встречать Чапаева.

Неприглядную картину представляли мы тогда. Все были оборванные, грязные, вооружены чем попало. Считали мы себя кавалеристами, но седел в отрядах было всего лишь несколько штук. Вместо седел приспособили мы домашние подушки.

Наш отряд ехал строем во главе с командиром Соколом и «дедушкой» Антоновым-Ворониным, который был у нас комиссаром. Как только заметили мы впереди удалого командира, ехавшего на гнедом коне, в бурке и черной вы-

сокой папахе с красным околышем, сразу решили, что это и есть Чапаев.

Так оно и оказалось на деле.

— Чапай, Чапай! — закричали наши бойцы, кто знал его раньше.

Командир наш скомандовал «смирно!» и поспешил с комиссаром к Чапаеву. Мы все в знак приветствия подняли в своих руках оружие.

Чапаев сказал:

— Здравствуйте, бойцы, партизаны-домашкинцы!

Нельзя было разобрать, кто что тут закричал. Бывшие солдаты старой армии по своей привычке кричали: «здравия желаю», остальные отвечали просто: «здравствуйте». Но отвечали мы все Чапаеву дружно, радостно.

Шумели мы, шумели и чапаевцы. Встретились, в общем, как родные братья. Многие целовались, обнимались, пожимали друг другу руки, клялись не выпустить из рук оружия до тех пор, пока вся Россия не станет советской.

Приехали в Утевку.

Просторная утевская площадь оказалась тесноватой. К зданию бывшего училища подъезжали верховые, телеги, шли пешеходы. Люди шли в штаб к Чапаеву. Кто приходил спрашивать о конце гражданской войны, о жизни, которая будет после войны, кто просил принять в его отряд, кто приходил жаловаться на кулаков и просил постращать их, чтобы не обижали они утевских бедняков и батраков.

Василий Иванович принимал всех в своем штабе. Он был чем-то недоволен и нервно ходил около стола взад и вперед. За столом сидел комиссар и что-то рассказывал ему.

Чапаев, несмотря на свое плохое настроение, встретил нас приветливо, начал расспрашивать о жизни села, кому больше сочувствуют крестьяне. Мы подробно рассказали и подтвердили, что основная масса крестьян сочувствует большевикам и верит в нашу победу.

64. Бил врага без промаха

В наше село прибыл отряд Красной гвардии под командой товарища Степанова. В этот отряд записалось около сорока человек, в том числе Кусаков, я и наш односельчанин, бывший прапорщик Сорокин, хороший артиллерист, который впоследствии был командиром батареи в Чапаевской дивизии.

Командир отряда Степанов повел нас на подавление кулацких восстаний в селах Любичком и Семенихе. В пути

нам донесли, что противник находится совсем близко. Степанов скомандовал:

— В цепь!

Мы рассыпались и открыли стрельбу.

Вдруг кто-то закричал нам:

— Товарищи, да это свои! Это отряд Чапаева.

Мы прекратили стрельбу и вскоре встретились с отрядом Чапаева. Здесь я впервые увидел Василия Ивановича. Мы много слышали о его подвигах и жаждали увидеть его.

Он подъехал на белом коне, вооруженный с ног до головы, и сказал:

— Я Чапаев!

Все мы окружили его и разглядывали. Чапаев спросил нас:

— Вы, ребята, идете воевать за кого? А ну, кто ответит? Тут раздались голоса: «Бить кулаков!»

Чапаев сказал:

— Не только, товарищи, кулаков надо бить, а всех врагов советской власти, всех белобандитов, всех, кто пойдет против нас, рабочих и батраков. Надо только бить врага вернее, без промаха. Уничтожим врагов — значит, завоюем хорошую жизнь.

Сели мы на подводы и поехали дальше. Ночевали в пустующем помещичьем хуторе. Огромный помещичий дом был нетронутым. Мебель, зеркала, всякие безделушки — все было на месте. За домом — сад, кладовки, конюшни, в которых стояли упитанные рысаки.

Чапаев говорил нам:

— Вы, ребята, здесь не бейте и не колите ничего, это все наше, завоеванное. Берите только то, что нужно для войны.

Мы отобрали лошадей, всякую конскую сбрую, а также телеги и фургоны для своего обоза. На другой день утром наш отряд под командой Степанова двинулся на Любичское, а отряд Чапаева по другому направлению.

Ескоре после этого наш отряд был переименован в 3-й Советский полк.

Из него большинство бойцов перешло к Чапаеву — в полк имени Степана Разина. В числе других перешел к Чапаеву и я. В отряде Чапаева было исключительно бодро. Наш отряд не знал поражений. Громили мы и кулачье и белоказачков. А после боя отдыхали с песнями и плясками. Особенно любил петь и плясать сам Василий Иванович.

Бывало, соберемся у него в штабе или на квартире. Чапаев обычно говорил, обращаясь к Петру Исаеву:

— А ну, Петька, споем! Ребята, присоединяйтесь!

Запевалой был Петька Исаев или сам Чапаев. Пели обычно песни про Ермака, «Сижу за решеткой в темнице сырой», «По морям, по волнам» и другие.

Когда надоедало петь песни, Чапаев вскакивал и говорил:

— А ну, ребята, спляшем!

Тут на сцену выступал гармонист и песенник Андриан Попонов, который залихватски, растягивая гармонь, запевал дикую цыганскую песню. Мы все подхватывали припев, а Чапаев пускался в пляску. Плясал он хорошо, легко, ударяясь в присядку. Конкурентом ему по пляске был Беляков. Только его не мог переплясать Василий Иванович. Но случалось, что Беляков уступал ему и раньше времени кончал пляску. В этих случаях Чапаев оставался доволен:

— Что, Антошка, сдрейфил? Ну, где тебе, переплясать Чапаева!

65. Для Чапаева ничего не жалко

У нас в селе Большая Таволжанка в 1918 году организовались кружки бедняков. Чапаев в это время создавал свой отряд. И тогда первый раз приехал к нам Чапаев. Отряд у него был не более сорока человек. В нашем селе собрал он собрание, выступил и говорит:

— Товарищи! Нам нужно идти в наступление. Надеемся на вашу помощь...

И вскоре пошел Чапаев со своим отрядом на село Рубежку, из Рубежки пошел в наступление на Ивановку. У нас в отряде к нему записалось много добровольцев. Я с Чапаевым в обозе поехал. Бесстрашный он был командир. В Ивановке кулаки зверски расправлялись с беднотой, но Чапаев захватил восемнадцать человек кулачья — не дал больше им издеваться над бедняками. Потом Чапаев уехал в город Пугачев.

Второй раз он приехал в наше село уже с двумя отрядами. Помню, как утром, чуть еще начиналась заря, чехи начали наступление. Первая цепь их вошла в село, открыла стрельбу. В это время я дежурил в сельском совете и видел, как Чапаев выбежал из штаба, начал успокаивать бойцов. Сам подбежал к пулемету и лег на площади, недалеко от церкви. Около него залегли бойцы, и когда чехи стали подходить близко, Чапаев встал во весь рост и крикнул:

— Товарищи! Вперед! Раздавим этих гадов!

За ним встали и бойцы. Чехи, увидев чапаевцев, бросились в бегство.

Через несколько времени Чапаев снова приехал в село. А я уже работал членом совета и заведывал транспортом. Приходит Чапаев в совет и спрашивает:

— Кто заведует подводами?

Я ему говорю:

— Я заведующий в этом деле.

Он обращается ко мне:

— Как, дед, лошадей мне дашь?

Тогда я ему отвечаю:

— У меня всего-навсего две лошади осталось.

Он говорит:

— Выручай, дед.

Запряг я ему этих двух лошадей. Для Чапаева ничего не жалко было.

66. Тогда не будет войны

Дело было в 1918 году. Мой отец и братья ушли добровольцами в Красную армию. Мне в это время было двенадцать лет. Однажды, это было летом, приезжает к нам в село Ивановку Чапаев.

Весть об этом сразу разнеслась по всему селу. Не долго думая, я решил идти добровольцем в отряд к Чапаеву. Прихожу в штаб и говорю:

— У меня ушли добровольцами отец и братья в Красную армию служить. Я тоже хочу воевать!

В это время Чапаева в штабе не было, но меня все-таки приняли и отослали в обоз.

Однажды летом наш обоз стоял в селе Ивантеевке. По улице один крестьянин вез арбузы, встретил красноармейца и, не долго думавши, вынул два арбуза и дал ему. Арбузы оба оказались зелеными. Красноармеец разгорячился:

— Кого кормишь зелеными арбузами? Чапаевцев?

И со всего размаху ударил крестьянина зеленым арбузом. Крестьянин обиделся, прибежал к Чапаеву и доложил обо всем, что с ним случилось. Тогда Чапаев выстроил всю свою кавалерийскую часть, вывел обидчика и говорит:

— Расстрелять нужно его.

Боец начал каяться перед Чапаевым и всем эскадроном, что он больше не будет этого делать. Чапаев посмотрел, посмотрел и отдал приказ разойтись. А этого бойца простил.

Однажды Чапаев приходит к нам в обоз, а один обозник спрашивает:

— Долго ли мы будем воевать, Василий Иванович?

Чапаев посмотрел на него и отвечает:

— Покончим с капиталистами и помещиками; когда не будет ни одного из них, тогда и война на свете кончится.

67. «Обратитесь к Чапаеву»

В нашей Семенихе подняли восстание кулаки. Мне и еще одному, Потехину, пришлось ехать к Чапаеву за помощью. Приехали в Пугачев мокрые до нитки, — половодье тогда было. Приходим в штаб к комиссару, отдали ему пакет; он прочитал и говорит:

— Вы обратитесь к товарищу Чапаеву, он поможет вам.

— А где его нам найти? — спросили мы.

— А вот, — говорит комиссар, — мы сейчас ему на квартиру позвоним.

Позвонил, передал Чапаеву, а он, видимо, спрашивает: «А кто приехал-то?» — «Гулин». — «Ну, пришли их ко мне, я поговорю с ними», — ответил ему Чапаев.

Взяли мы пакет и поехали в бурсу, — он тогда там находился. Входим в квартиру. Вышел к нам Василий Иванович, поздоровался с каждым и говорит:

— Проходите в комнату, там расскажете все.

Ну, вошли мы, отдал я пакет ему; он прочитал, окинул нас глазами, маленько подумал и говорит:

— Вот что, ребята: людей я вам не дам, а в оружии и патронах я помогу вам. Даю я вам шестьдесят винтовок и пять тысяч патронов. Я знаю, что у вас там есть опора, и надеюсь, что кулацкое сопротивление вы сломите. И скоро меня туда ждите, я к вам прибуду. Ну, езжайте.

Мы и уехали.

Ликвидировали кулацкое восстание, потрепали там кой-кого, а дней через пятнадцать приехал к нам Чапаев. Он тогда организовал отряд и пошел на Уральск, набирая по пути еще бойцов в свой отряд.

Собрал он в Семеновке собрание и начал говорить:

— Товарищи батраки-бедняки, наш путь один: взять винтовку и идти против буржуазии. Они вырезают наши семьи, семьи бедняков, и мы должны постоять за себя и прогнать их совсем из России. Кто желает идти против буржуазии, против помещиков, вступайте ко мне в отряд. Берите винтовки, и пойдем защищать власть советов. Будем помещиков бить. Наша сила непобедима.

Наш отряд весь присоединился к нему, еще человек двести семеновцев записались, и мы пошли по направлению на Уральск.

68. Город Пугачев

В августе 1918 года я возвращался из Москвы, куда сопровождал с вооруженной командой два эшелона с пшеницей и скотом для рабочих красной столицы. Добрались мы до Москвы с большим трудом, но все же довели драгоценный груз благополучно, за что и получили благодарность.

А возвращаясь обратно, на станции Ершово мы узнали, что Николаевск занят чехо-словаками. Мы вышли из вагона, взяв с собой оружие. На станции было тихо, и тишина эта была зловещей.

Расхаживали какие-то подозрительные люди, сеявшие слухи насчет того, что чехи уже в пяти верстах. Остаться на станции было небезопасно, и мы пошли цепью, чтобы соединиться с каким-либо более крупным красногвардейским отрядом.

На другой день утром мы достигли деревни, где стоял штаб Чапаева. Тут же оказались многие члены уездного комитета партии, успевшие с боем выйти из города, когда его уже заняли чехи. Вскоре мы вышли из деревушки. В нескольких километрах от города устроили партийное совещание. Василий Иванович доложил о плане захвата города, обстоятельно показав все по карте, размеряя ее циркулем. Один из наших товарищей заметил:

— Сегодня же займем Николаевск!

Василий Иванович, к нашему недоумению, вскочил на ноги, будто его кто ужалил. Он топнул ногой и, размахивая кулаком, прокричал:

— Николаевск! Николаевск! Надоело мне это название! Царь был Николай, и город наш Николаевск. К чорту Николаевск, давайте назовем город Пугачев! Как, товарищи?

Предложение Василия Ивановича всем понравилось, и бойцы, подходя к городу через несколько часов, кричали чехам:

— Даешь Пугача!

Наименование это так прочно закрепилось, что едва ли на другой день кто называл город по-старому.

Мы заняли город, сбив атакой чешскую артиллерию.

В Пугачеве в этот день установилась советская власть навсегда.

69. «Обе раны зарубцевались»

Во время жарких боев с Колчаком Чапаев был ранен.

— Вам надо немедленно лечь в госпиталь, — сказал доктор.

— В госпиталь? — переспросил Василий Иванович. — Обойдемся без госпиталя! Сделайте перевязку и относительно раны не беспокойтесь. Есть у меня рана побольше...

Василий Иванович продолжал руководить боем.

После занятия Чапаевской дивизией Уфы Василий Иванович вызвал к себе одного из любимых кавалеристов, отчаянного, боевого парня.

— Друг любезный, — сказал он кавалеристу, — ты знаешь, что сейчас все лучшие большевики мобилизованы против Колчака. Болит у меня сердце, что в Пугачеве ротозеи уступят власть буржуазии. Седлай коня и поезжай: там ты все это тайно проверишь.

Кавалерист-чапаевец не только проверил, но и не опоздал возвратиться к очередному бою.

— Вот и хорошо! — сказал ему Василий Иванович. — Теперь у меня обе раны зарубцевались...

70. Меткие ответы

Мне хорошо помнится — в июле, в «ильин день», 1918 года выбил Чапаев из нашего села Николаевки чехо-словаков. Тут же Чапаев созвал народное собрание, на котором выступил с речью. Говорил он просто и ясно, призывал к борьбе с белогвардейцами. Он говорил:

— Товарищи, мы воюем за весь рабочий класс и трудовое крестьянство. Укрепляйте Красную армию, идите в наши ряды.

На собрании задали ему вопрос, за кого лично он воюет. Тогда Чапаев встал и говорит:

— Я воюю за советскую власть, а еще против тех, кто хочет предать Чапаева и чапаевцев.

Были к нему еще вопросы, и на все он отвечал так же просто и метко.

71. Защитник бедноты

Первый раз я встретил Чапаева в селе Таволожке. Однажды выхожу рано утром из избы, — дело было осенью, — гляжу, сосед молотит пшеницу. Запряг своих ребят в каток и гоняет их по току. Я удивился. Подхожу, спрашиваю:

— Ты почему это так молотишь?

Сосед говорит:

— Приходится. И раньше так молотили. Пшеница-то вот немного сыровата. Плохо обмолачивается.

Разговорились мы с ним, отошли от тока, закурили;

глядим, по дороге верховой едет. Поровнялся с нами, посмотрел на ребят, на нас, остановился, поздоровался.

— Здравствуй, молодой человек, — ответили мы ему.

Не знали мы, что перед нами сам Чапаев Василий Иванович.

— Что это вы ребят вместо лошадей гоняете?

— Да я вот пшеницу молочу. Сельсовет лошади мне не дал. Говорит, нет лошадей, — рассказал сосед.

— Как же нет?! — вспылil приезжий. — Сейчас узнаем.

Он круто повернул коня и поехал к сельскому совету.

Приходит в совет и спрашивает у председателя:

— Почему вы не дали беднякам лошадей? Мой, Чапаева, приказ знаете?

Председатель отвечает:

— Мы выдали часть, а этому нехватает.

— Как нехватает? — крикнул Чапаев и сверкнул глазами.

Мы, конечно, испугались, а председатель больше всех.

— Ну, вот что, — говорит ему Чапаев, — соберу всех членов сельсовета, запрягу их в каток, а тебя — первым. Как ты думаешь — тяжело будет каток возить?

— Тяжело, товарищ Чапаев, — говорит председатель, а сам не знает, что и делать.

— Тяжело! А ребятам не тяжело? Собирай народ.

Когда собрались члены сельсовета, Чапаев поругал их за то, что о бедняках они заботятся не как следует, и дал наказ:

— В следующий раз я приеду и проверю, как вы бедноте помогаете, и, если у бедняков лошадей не будет, вас судить буду. Прощения не просите. Узнаете, как приказания Чапаева не выполнять. Это не я приказываю, а советская власть так велит — помогать бедноте.

72. За советскую власть

К нам в село Гусиху приехал отряд. Я работал секретарем сельского совета и в это время был с председателем в совете. Занимались мы. И вот приходит к нам человек в военной одежде, высокая папаха с красным околышем надета набок, лицо такое смелое; одной рукой он придерживал длинную шашку. Вошел он к нам в сельсовет, поздоровался, спрашивает:

— Кто у вас председатель?

Председатель говорит:

— Я.

— Ну вот, председатель, собери собрание, мне нужно отряд пополнить.

Я не утерпел, спросил:

— А вы кто такой будете?

Он подошел ко мне ближе, посмотрел строго и говорит:

— Я Чапаев. Что еще нужно?

Я удивился — сам Чапаев к нам приехал, штука ли, такой человек! О Чапаеве мы многое слышали, но в лицо его никто не видел.

Председатель собрал собрание. Чапаев попросил слова и начал говорить о советской власти, о том, за что борется Красная армия.

— Товарищи, — говорил он, — мы царизм свергли, землю у помещиков отобрали, у буржуев фабрики взяли, теперь все в наших руках. Но буржуазия сопротивляется, организовала банды и расправляется с бедняками. Надо, товарищи, защищать советскую власть...

Потом Василий Иванович обратился к собранию:

— А как вам, мужики, нравится ли советская власть?

Народ зашумел, задвигался:

— Нравится, нравится, товарищ Чапаев!

— Может быть проголосовать?

— Можно, можно и голосовать!

— Кто за советскую власть — поднимите руки!

Все до единого подняли руки.

После голосования Чапаев и говорит:

— Вот вы все за советскую власть, так давайте и защищать ее. Нужно пятьдесят человек в отряд.

Многие сами вызвались, и наутро проводили мы их с отрядом Чапаева.

Гордились мы, что Чапаев оказал нам такое доверие и такую честь.

73. Чапай никогда не отступал

Летом 1918 года мы, крестьяне деревень Вязовка, Дергачи и Каменный Брод, человек шестьдесят, собрались и пошли против чехов бороться. С голыми руками поднялись, потому что силы больше не было терпеть издевательства белых. А измывались белочехи над народом страсть как! То лошадей отбирали, то хлеб, то пьяные прискачут — и давай избы громить, за девками и бабами бегать.

В тот день, помню, части Чапаева, к обеду примерно, по Каменному Броду стали бить. Не выдержали чехи напора

красных — отступили к Самаре. И вечером Каменный Брод был занят красными.

Из поселков, из степи сбегались жители Каменного Брода (в последние дни, при чехах, в селах оставались только старики да дети малые, а то все прятались, кто где мог). Мы тоже со своим партизанским отрядом, усталые, но бодрые, в Каменный Брод вступили.

А на другой день утром и сам Чапаев приехал. Около волисполкома митинг собрал. Вышел на крыльцо — в военной гимнастерке, в зеленых штанах, на ногах сапоги полевые, — просто одет, как все красногвардейцы. Посмотрел на народ, — а взгляд у него быстрый, пронзительный такой, — и говорит:

— Спасибо, ребята! За помощь спасибо. Поддержали нас. Партизанские отряды большую помощь могут оказать армии.

Правой рукой Василий Иванович держался за саблю, а левой иногда взмахивал или в кармане ее держал.

— Теперь нам Самару взять — железную дорогу, а дальше дело пойдет.

А до митинга Василий Иванович нас отдельно собирал — партизан.

— Не обижайте население, ребята, — сказал он нам. — Надо разбираться, кто мы, за что боремся. Советская власть — своя власть, рабочих и крестьян.

Потом еще раз видел я Чапаева. Зимой это было в восемнадцатом. Из Пугачева он проездом в Каменном Броде остановился. Также митинг в волисполкоме собрал. Народу нашло много, — яблоку негде было упасть. Всем хотелось опять Василия Ивановича увидеть.

А он на этот раз про жизнь свою рассказывал:

— Я простой мужик, плотник. Бороны делал. А командиром стал потому, что сволочь эту всю ненавижу — буржуев и кулаков. Народ они обманывают, соки его сосут, издеваются над бедняками. Будешь смелым, духом не будешь падать — всегда своего добьешься. Почему Чапай никогда не отступает, всегда вперед идет? Потому, что знает свою цель и не боится врагов!..

Ночь он переночевал в селе, а наутро в Самару уехал. Больше я его не видел.

74. Подарок товарищу Чапаеву

Наше село Гусиху заняли чехо-словаки и всех крестьян-стариков мобилизовали с подводами в обоз. Пришлось ехать и мне. Угнали нас в село Ивановку, там подводы за-

грузили обмундированием и приказали отвезти его в Гусиху, а для охраны обоза чехи выделили двух человек с пулеметами. В дороге я все присматривался к этим охранникам и заметил — тревожатся чехи, оглядываются, прислушиваются, что-то все говорят по-своему. И вот слышим мы: в той стороне, где Гусиха, стрельба началась. Наши конвоиры перепугались, к пулеметам жмутся и нет-нет, да и проговорятся: «Чапай, Чапай!» Понял я, что на Гусиху Чапаев наступает, и говорю своим:

— Давайте другой дорогой поедem...

Подводчиков было двадцать пять человек, и все согласились. Повернули мы в сторону, а чехи трусили, кричат:

— Не туда, не туда ехать!

Я отвечаю:

— Ничего, тут овраги: лучше ехать, не убьют.

В одном овраге я отстал от подвод, влез повыше на склон, осматриваюсь по сторонам. Скоро увидел, что по оврагу меж кустов человек десять верховых едут. «Свои, — думаю, — Как бы им весть дать?» Снял картуз, повесил его на кнут и давай махать. Верховые заметили, один из них подскочил ко мне и выстрелил вверх из винтовки. Я смотрю: чехи от обоза — удирать в лесок, а верховые ко мне подъезжают.

— Ты кто такой, чего тут делаешь?

— С чешским обозом едем, хотим его товарищу Чапаеву подарить, — и все рассказал им.

Так с чапаевцами мы и приехали в Гусиху. Чапаев уже там был. Я скоро разыскал его, подошел к нему, поклонился и говорю:

— Василий Иванович, обоз приехал от чехов с обмундированием...

Объяснил, как это получилось, как мы заехали в село с другой стороны, обманули чехов, а красный разъезд известили.

Чапаев улыбнулся мне ласково:

— Молодец, старик, догадался, своим помог. Всем бы так нужно было делать, тогда мы белых гадов давно бы подавили.

Поговорили мы с товарищем Чапаевым, на прощание похлопал он меня по плечу:

— Спасибо, старик, хорошо сделал. Езжай ко двору, отдыхай, а нам — дальше двигать...

Любил народ товарищ Чапаев, ну и мы его, Чапаева, любили, — где можно, всегда помогали.

75. Крестьяне помогали чапаевцам

Когда мы занимали с боем деревни, то мы видели, как издевались над крестьянами белые. Был такой случай. Мы заняли одну деревню, в которой до нас стояли колчаковцы. Я зашел в один дом напиться воды, вижу, лежит на полу старик — и так изуродован, что трудно разобрать черты его лица. Он лежал весь окровавленный, голова его была разбита, тело представляло какую-то синюю массу. В хату вошли родственники, и поднялся плач. Собрался народ. Я стал расспрашивать:

— За что погиб старик?

Оказалось, что старика белогвардейцы убили за то, что у него на квартире стояли когда-то красные. Белые пугали население, что если кто пустит красноармейцев на квартиру, тому смерть.

В одном бою мы двинулись вперед и потеряли связь с другой частью. Я в это время был командиром взвода. Когда мы вошли в село, я доложил командиру роты, что пойду где-нибудь поем, выпью стакан молока. Командир отпустил. Только вошел я в хату одного крестьянина, начал беседовать с хозяином, пока хозяйка наливала мне молока и резала хлеб, — вдруг послышалась трескотня пулеметов. Я выбежал на крыльцо и никак не разберу, кто стреляет. Крестьянин говорит, что бегут с погонами солдаты, значит, село захватили колчаковцы.

— Полезай на сеновал, я тебя укрою сеном, — предложил хозяин.

Я так и сделал. Белогвардейцы прибежали в хату и начали спрашивать, нет ли красных. Им хозяин ответил, что никого не было и нет. Они потребовали молока, яиц и масла, начали ловить кур во дворе. Хозяина угнали за вином. Над женой стали издеваться. Когда крестьянин пришел без вина, они начали его бить.

К вечеру в село снова вошли наши красные части.

Крестьяне любили чапаевцев, помогали им и никого из них не выдавали.

76. И он нам помогал

Много Василий Иванович помогал нашему сельсовету. Учил, как работать, как организовать массы. Да и мы ему в помощи не отказывали. Раз он потребовал построить мост через реку Большой Иргиз — прочный и основательный мост. Почесали наши мужики головы и принялись строить.

К сроку построили. Мост этот недавно убрали, и сейчас еще сваи видны.

А в другой раз он приехал и говорит:

— Ну, земляки, выручайте, нужно пополнение.

В тот же вечер к Чапаеву записалось еще двадцать пять человек.

77

В Клопиху приехала жена одного красноармейца. И детишек с собою взяла. Чапаев, увидев, что у ребят совсем одежонка худая, приказал выдать им из хозчасти обмундирование и продовольствие.

78

Всякий раз, как приедет Чапаев в село, — песни, пляски, полное веселье! Как уехал он — полная тишина. Крепко надеялись на Чапаева мужики, чувствовали при нем себя свободно и в полной безопасности.

79. Уважали мы героя нашего

Было это осенью в восемнадцатом году. А случилось так. У соседей наших, Грабачевых, почта летучая стояла — из села в село красноармейцы пакеты возили. Жило их у Грабачевых человек шестнадцать.

Как-то вечером один из них и говорит нам:

— Сегодня товарищ Чапаев в клубе на митинге речь говорить станет.

В клубе у нас собрания проводились, митинги разные и спектакли.

И вот, как сейчас помню — народ в клуб повалил гужом прямо. Каждому хотелось на героя посмотреть.

Я тоже побегала и первое место заняла, на передней лавке села. Скоро в клубе народу очень много стало.

Смотрим, заходит человек в черном полушубке, в папахе с красным донышком, усики темнорусые. Вошел на сцену и объявил:

— Вот я — Чапаев. Простой крестьянин из города Балакова. Со мной, если желаете, скажу, служил на действительной службе ваш андросовский, Викулин Гарасим Егорович. Хороший он товарищ, служили мы с ним вместе, и он меня знает...

Потом рассказывал Чапаев, как началась революция и как мы должны против белых бороться.

Говорил он долго. Клуб нетопленный был, а тут всех распарило, жарко стало.

Когда кончил говорить, все в ладоши захолопали, приветствовали его. А утром Чапаев рано-рано уехал из Андросовки.

Очень всем он понравился и речами своими и делами. Уважали мы Чапаева.

80. Кулацкая месть

Василия Ивановича Чапаева очень любили рабочие и крестьяне, но богатеи видели в нем своего врага. На обман, хитрость, подлость всякую пускались, лишь бы погубить Чапаева.

Однажды был такой случай в селе Семенихе. Это село мы только что взяли и узнать население не успели. И вот, идем по селу с Василием Ивановичем, смотрим, как народ здесь живет. У церкви встретился нам убогий человек, нищий. Стоит он, а у самого в руках толстая палка; оперся он на нее и спрашивает:

— Который тут Чапаев? Поцеловать его хочу, благодетеля бедных.

Мы указали. Убогий подошел к Чапаеву да как ударит его палкой в левое плечо, — мы даже испугались: не зашиб ли гад Василия Ивановича?

Оказалось, что это кулак переоделся убогим и, видно, по голове хотел Чапаева ударить, да Чапаев во-время увернулся. Кулака этого мы расстреляли.

81. Слово Василия Ивановича

Беспокойное, тревожное тогда было время. Займут село красные, — мы радуемся, но вдруг нагрянут белые, — и опять начинается старая тяжелая жизнь. Когда белым конец подходил, они особенно зверствовали. Слышали мы много про красного командира Чапаева, ждали его, надеялись. И пришлось мне однажды повидать Чапаева и даже поговорить с ним.

Стояли в нашем селе чехи. И вот, как-то утром работаю я во дворе по хозяйству, вдруг открывается калитка и вбегает во двор солдат.

— Кто хозяин? — спрашивает он меня.

Я ответил.

— Иди к начальнику! — и выталкивает меня на улицу.

А там у ворот на лошади офицер гарцует.

— Ну-ка, покажи лошадь! — приказал офицер, а сам в руке наган держит.

Испугался я, руки и ноги задрожали. Офицер злится, ругается:

— Иди, каряга!..

Пошел я к конюшне, солдат за мной. Вывели мы с ним Савраску — хорошую лошадь, «башкирку».

— Беру, — говорит офицер.

Я ему в ноги бухнулся:

— Не бери, ваше благородие, пропадем мы без лошади...

В это время прибежал еще один солдат, запыхался, по всему видно, что напуган чем-то.

— Красные!.. — махнув рукой, доложил он офицеру.

Тот побледнел, ткнул наганом меня в плечо и закричал словно глухому:

— Завтра вернемся! Лошадь твоя арестована. Не смей никуда девать ее. Завтра заберем...

К вечеру в село вошли красные. А ночью и сам Чапаев приехал. Встречали мы его, очень он нам понравился. Утром я и решил на квартиру к нему сходить. Шел и робел: как говорить буду? Больно уж он человек большой, известный.

Только вошел во двор, захлопнул за собой калиточку, гляжу, а с крыльца сам Василий Иванович спускается в гимнастерке, в синих брюках, в сапогах, — аккуратно так одет.

— К тебе, товарищ Чапаев, по одному крестьянскому делу.

— Чего такое? — остановился и внимательно смотрит на меня.

Рассказал я ему, что лошадь, мол, чехи хотят отобрать, обещали сегодня вернуться. Говорил я бестолково, сбивчиво. Но он выслушал, не перебивал и успокоил меня:

— Ничего, работай иди. Раз Чапаев пришел, то, значит, чехам крышка. Не бывать им больше здесь! Мое слово верное.

Сразу спокойно, хорошо стало у меня на сердце. Ну, думаю, раз Василий Иванович так сказал, значит, так и будет.

Так и вышло. Больше чехи в нашем селе, Каменном Броде, не были.

82. Справедливый был человек

Запомнился мне Чапаев как смелый командир, который боролся за советскую власть и никаких врагов не боялся.

К крестьянам Чапаев относился всегда справедливо.

У нас в селе Таволожка был такой случай. Один из красноармейцев чапаевского отряда взял у крестьянина лошадь. Очень хорошая, красивая лошадь была. Крестьянин протестовал, уговаривал самовольника, но красноармеец все-таки увел лошадь. Пошел крестьянин к Чапаеву жаловаться. Мы, мальчишки, — мне тогда лет тринадцать было, — побежали слушать, что Чапаев говорить будет. Подошел крестьянин к Чапаеву, поклонился и жалуется:

— У меня, Василий Иванович, лошадь взяли и другую не дали.

— А сколько у тебя лошадей? — спросил Чапаев.

— Одна, Василий Иванович, вот весь мир подтвердит, что одна.

Чапаев приказал позвать красноармейца, который лошадь взял. Тот пришел. Чапаев его спрашивает:

— Ты лошадь взял?

— Взял.

— Отдать назад! Ты лучше выбрал, чтобы от чехов быстрее удирать? Отдай!

Красноармеец побежал и привел лошадь. Крестьянин обрадовался, повел ее домой, но дорогой спохватился, отдал лошадь сыну (сын — ровесник и товарищ мой был), а сам побегал благодарить Чапаева за его заботу о крестьянах.

Очень справедливый был Василий Иванович Чапаев.

83. Помогал беднякам

Чапаев приехал к нам, когда еще жили мы в Клинцовке. Вошел он в нашу землянку, огляделся и сказал:

— Эх, как ты, Аня, плохо живешь!

А у нас была в то время землянка без деревянного пола, четыре окошечка маленьких.

— Ну, ничего, дай срок, Ильинична, заживем лучше.

Я захлопотала, чай стала кипятить, а он шуткой говорит:

— Некогда нам, Ильинична, чаи гонять. Тут с тобой пропьешь все наступление, все царство небесное.

Собрались они с мужем моим, Петром Семенычем Исаевым, и уехали в Пугачев. У меня и самовар было закипел, да так и заглох — некому было чай пить.

В тот год зимой пришлось нам втроем — мне, Василию Ивановичу и Петру — ехать из Пугачева в Клинцовку.

Поднялся буран, ветер, снег так и лепит, свету вольного не видать. А ехали мы степью, заплутались. Повернули в одну, в другую сторону — нет твердой дороги.

Мужики слезли и пошли искать дорогу, а я осталась в санях.

Лошади стояли-стояли, видать, смерзли, пошли шажком и на дорогу вышли. Я начала звать Петра и Василия Ивановича, кричу, а ветер относит, измучилась вся. Потом показались они сзади саней. Сели, поехали.

В дороге я стала плакать.

— Вот ты, Василий Иванович, увез у меня Петра, — говорю, — а мы только от родителей отделились, землянка у нас плохая, дует со всех сторон, снег наметает.

Чапаев мне в ответ:

— Не плачь, Ильинична, не плачь, обеспечу тебе избу. Да вот, возьми мою корнеевскую. Купил, а жить-то в ней не придется. Перетаскивайся, и беду — побоку.

84. Наказ председателю волисполкома

Осенью 1918 года шли частые дожди. Дороги в нашей Марьевской волости и так плохи были, а тут и вовсе испортились. И вот пришлось как-то Василию Ивановичу Чапаеву ехать на легковой машине через Марьевку. На мосту через речку Чагру, около Марьевки, машина застряла — мост поломан был.

Василий Иванович оставил машину и пришел в волисполком.

— Кто председатель? — спросил он.

— Я, — говорит предволисполкома Якушев.

Чапаев подошел к нему поближе, посмотрел пристально да и говорит:

— Почему не обращаешь внимания на мосты? Знаешь, что военное время?

— Они у меня исправны.

— Исправны? — Василий Иванович прищурил глаза. — Как же это? А через Чагру? Почему мост поломан?

— Да я... я приказывал исправить. Неужели не починили? — испуганно заговорил Якушев.

— Эх, плохой ты руководитель, коль отчета от своих подчиненных не спрашиваешь! Смотри, больше очки не втирай людям. Меня не обманешь.

И он потребовал пару лошадей — вытащить машину.

Когда Чапаев уезжал, он еще раз наказал Якушеву:

— Смотри, мост почини и дороги исправь. Другой раз приеду, проверю.

Якушев, конечно, наказ Василия Ивановича выполнил,

а сам раньше не догадался сделать это простое, но важное дело — починить мосты и дороги. Научил его Чапаев работать, напомнил обязанности.

85. С чапаевским документом

Было это под осень, в середине или в конце августа, сейчас точно не припомню. Остановился Василий Иванович Чапаев в нашей деревне Подшибаловке. Стояла самая пора молотбы.

Понадобилось мне ехать на мельницу в Селезниху зерно молоть. Военное время или мирное, брюхо — оно ждать не хочет. А кругом стоят войска, заставы, разъезды, не знаю всех военных премудрых названий. Только из села в село не пройти пешему человеку, а не только что проехать, да еще с возом зерна.

Сказали мне, что надо взять у Чапаева в штабе бумагу такую, документ на проезд.

Пошел я в штаб, — стоял Чапаев штабом в большом поповском доме. Подождал. Пропустили меня.

Чапаев спросил:

— Зачем, отец, пришел?

— Да вот, — говорю, — Василий Иванович, зерно молоть позарез надо, а ехать боязно: ни хлеба, ни головы не сбережешь.

— Зерно — это дело нужное, а одному тебе ехать не советую. Собери соседей человек пять, я вам бумагу — пропуск — дам.

И тут же написал мне небольшую бумагу.

Ну, подобрал я попутчиков. Двух соседей да одного с дальней улицы, — всем надо на мельницу.

Поехали, а чапаевский документ я при себе держу, в картуз положил.

Два раза останавливали нас. Один раз прочитали документ и отошли от возов.

— Поезжайте, мужики, коли сам Чапаев велел.

В другой раз взяли документ, а прочесть не могли по неграмотности. Но поверили на слово, что документ в самом деле Чапаевым писан. Один верховой спросил меня:

— А в чем одет Василий Иванович?

Ну, я, конечно, сказал и обрисовал все в точности. Пропустили.

Смололи мы зерно, вернулись с мукой.

86. «Я за партию большевиков»

Бывало, на стоянке придут к Чапаеву мужики, разговаривают с ним обо всем. Вот один раз они его спрашивают:

— Василь Иванович, за кого ты воюешь?

— За власть советов, за вас, — отвечает он.

— А вот говорят, что нынче партий много, большевики, анархисты всякие, меньшевики... Ты за кого?

— Я за одну партию — за большевиков.

— А вот прогонишь казаков и буржуазию всякую, чего тогда будет.

— А вот, — говорит, — прогоним помещиков, землю всю крестьянам отдадим. Своим трудом и будете ее обрабатывать. Обществом, один другому на подмогу. Вот работа пойдет! Таковую, мужики, жизнь устроим, что всем буржуйам завидно станет!

87

Приходилось Чапаеву иметь дело и с плохими руководителями села. Он их под суд отдавал, а иногда беседовал с ними, учил. Вот однажды Чапаеву срочно нужно было перебраться из Клопихи в Давыдовку. Послал Чапаев за председателем. Председатель обещал явиться, а сам напугался и спрятался. Чапаев ждал, ждал, — его нет. Послал искать, — кое-как нашли его. Арестовали и привели к Чапаеву.

Чапаев ему:

— Мне волокитничать с тобой некогда. Ты в прятки с Чапаевым не играй. Иль не знаешь, что я в боевой час шуток не терплю? Немедленно организуй перевозку красных войск!

Через час тридцать фургонов были поданы. Уезжая, Чапаев предупредил этого горе-председателя:

— В другой раз, смотри, не прячься, а сразу боевую задачу выполняй.

88. На партийном собрании

Выхожу как-то я на крыльцо и гляжу — стоит машина, застряла. Прихожу в исполком, смотрю — входят туда два человека. У одного чемодан, на груди бинокль, сам одет в дубленую шубу, на голове черная шапка с красным околышем. Вошел он, взглянул на все стороны, как сокол, — глаза быстрые, острые. В помещении была грязь и скорлупа от семечек. А в исполкоме «Блокада», плакат такой, мочалой

привязан. Народу много, так как у нас собиралось собрание. Этот приезжий спрашивает:

— Кто здесь председатель?

А у нас был председатель молодой, неопытный, порядка у него не было. Он говорит:

— Я председатель.

Чапаев, — а это он и был, — говорит:

— Что же это у тебя тут такое? У хорошего хозяина в свинарнике лучше, а у тебя ведь учреждение!

Посмотрел кругом, видит — плакат мочалкой привязан.

— А плакат почему мочалкой подвязан? Аль у тебя в исполкоме гвоздей нехватило прибить его как следует?

После Чапаев обратился к председателю:

— Давай лошадей вытащить машину.

Председатель чего-то испугался. Я подбегаю к нему и говорю:

— Что ты оробел? Вон, посылай к Пискуновым или к Авдеевым.

В это время подходит один гражданин, председатель с него начал требовать лошадь.

— Я только приехал и больше не поеду, — отвечает гражданин.

Чапаев обратился ко мне:

— Старик, сколько у него лошадей?

— Десяток есть.

Гражданин, — запомню я его фамилию, — видит, дело плохо, и пошел к выходу. Чапаев ему кричит:

— Стой! Вернись! Ты, видно, любишь только на одной лошади ездить.

Когда все успокоились, Чапаев подозвал председателя:

— Пошли, — говорит, — кого-нибудь за комендантом и скажи ему, что приехал Чапаев.

Когда узнали все, что это Чапаев, стали проталкиваться вперед. Чапаев в это время сел рядом со мной и спрашивает:

— Почему здесь народу собралось много?

Я ему отвечаю:

— У нас сегодня должно собраться партийное собрание.

— Вот и хорошо. Я побеседую.

После зовет своего товарища:

— Пойдем к коменданту, у него, наверно, такая же грязь.

Ушли они, а потом пришли к нам на собрание. Чапаев разделся и начал рассказывать свою биографию:

— Я — балаковский плотник. Работал, пилцы для бороны делал. Сделаешь две-три бороны за день и продашь. Табак не курил и вина не пил. Заработком и жил.

Дальше Василий Иванович говорил о религии, что религия — обман, что попов не надо слушать, и о многом другом. Собрание затянулось часов до двенадцати ночи.

89. Чапаев нас ободрял

Наш чапаевский обоз попал под обстрел белых. Продвигаться было трудно, опасно, — того и гляди убьют. Особенно перепугались мы, женщины. Не знаем, что и делать. Повскакали с телег, да на землю, лежим, ждем, когда наши подъедут и белых отгонят. И вдруг подъезжает к нам Чапаев на тачанке, на паре вороных лошадей. Остановился, засмеялся.

— Вы чего это, бабочки? Не бойтесь, ничего не будет.

Мы осмелели, думаем: если Чапаев говорит, что бояться нечего, то, значит, и верно. Не будет же он женщин обманывать! Да и стыдно нам стало перед ним. А он поднял нас, и сам упряжь на наших лошадях распутал, перевязал все, что порвалось, — пока мы лежали, укрывались от стрельбы, наши лошади запутались, перемешались и упряжь поизорвали. Привел Чапаев весь обоз в порядок, нас подбодрил, а тут подъехали красноармейцы. Некоторые из них стали матерно ругаться, а Чапаев на них:

— Нельзя ругаться! Видите, женщины здесь.

Когда весь обоз выехал на дорогу, Чапаев проехал вперед, а после уехал от обоза с отрядом в ту сторону, где стрельба была. Умел Чапаев всегда и везде своих людей ободрять, а сам он ничего не боялся.

90. Трудовому народу — свой брат

Впервые я увидела Чапаева в селе Покровке, Перелюбского района. Было это в восемнадцатом году, в конце лета. Муж у меня в то время служил в волостном ревкоме помощником комиссара. И вот как-то слышу, по селу среди богатых мужиков разговор идет, — Чапаева ругают, будто бы он приказ дал несколько человек расстрелять.

Я тогда была совсем молодая, только замуж вышла, первого ребенка кормила. Ничего в политике не понимала. Ну, и заинтересовало меня. Покойников, грозой убитых, видела, а вот расстрелянных — нет. Ну, и давай сноху звать — идем да идем посмотрим.

А расстреляли самых что ни на есть богатых парней, сыновей торговцев. Разговор про них был такой, что они связь с белыми казаками имели, помогали им.

Ну, уговорила я сноху смотреть расстрелянных, а муж узнал об этом и давай ругать меня:

— Ты что, — говорит, — или плакать по этим гадам собираешься? Ты соображай маленько!

Я было примолкла. А потом вижу — все село побежало смотреть. Слышу, что уж больно красиво родня обрядила расстрелянных: и цветами и зеленью с лентами. Ну, тут я не удержалась, ребенка на руки — и туда.

Прихожу к Стерликовым на двор, а в избу протискаться невозможно — народу полно. Все-таки протискалась кое-как. Только было головы-то убитых увидела, сзади меня как крикнет старший брат одного расстрелянного:

— Довольно завывать-то вам, Чапаев приехал!..

Бабы и примолкли.

Я тем же мигом из избы вышла — и домой. Ну, думаю, Чапаев заедет в самом деле сюда, подумает, что я сродница Стерликовых, и вложит мне, как богатой. Иду по улице, гляжу — на мосту машина с красным флажком стоит. А мне по этому мосту итти надо. Испугалась. Вот, думаю, мужа не послушала, дура! Что мне будет теперь? Прижимаю ребенка к себе, иду тихонько, ног под собой не чувствую. Только было пошла к мосту, как из-за машины человек вывернулся, да на меня:

— Нельзя здесь ходить! Видишь, машина увязла... Чорт бы ваши мосты-то побрал!

Ругается, а сам по мосту вокруг машины бегают, заглядывают.

— Что, — говорит шоферу, — завязли? Неужто теперь сидеть будем?

С ним еще люди были, один с перевязанной рукой.

Я не утерпела и спрашиваю:

— Кто это в гимнастерке-то: главный, что ли? Мне, вот, итти надо, а не велят.

— Это Чапаев Василий Иванович.

Тут-то я его и увидела.

Ну, чего делать? А он бросил фуражку на машину, на ящики какие-то — и ко мне:

— Отдай, молодуха, ребенка раненому. Видишь, машина встала. Помогай. Тащи доску вон эту...

Я обрадовалась, что он не ругает меня. Отдала ребенка и за доской побежала, принесла. Он подsunул ее под колеса, ногой по ней притопнул, кричит шоферу:

— Ну-у, дергай!

Выехали. Василий Иванович подошел ко мне и говорит:

— Вот спасибо, молодуха, помогла нам. Это что, твой ребенок-то?

— Мой, — говорю я ему.

— Сын или дочь?

— Сын...

— Ну, если сын, мы его к Чапаеву возьмем. Не беспокойся, вырастим...

И берет его к себе на руки. Я опять испугалась. Не отдаю. А он свое:

— Нет, — говорит, — возьму. А если хочешь, едем с нами. Муж-то у тебя где?

Я молчу. Думаю: а что если это не Чапаев, другой кто? Может быть, белый — мужа-то и выдам. Мнусь, не отвечаю.

А он стоит передо мной с ребенком, покачивает его и говорит:

— Да смелее, молодуха, смелее! Чапаев я... Чапаев...

Ну, я и сказала.

— Вот, — говорит, — ведь какая ты! Муж коммунист, а итти с Чапаевым воевать не хочешь и сына не отдаешь. Войну бы скорее кончили...

Пошутил, ребенка мне отдал и уехал. А мостом пройти так и не дал.

— Вон там, — говорит, — обойди, а здесь пока нельзя.

Прошло несколько месяцев. По нашим селам во всю орудовала банда Сарафанкина. Напуганы мы были сильно.

И вот как-то работаю я в поле и вижу: по дороге отряд идет. «Сарафанкин! — думаю. — Сейчас последнюю лошадь угонит!» А работало нас на этом участке человек сто. Был уже 1919 год. Со мной лошадь была, — свекор дал. Пустила я ее как раз около дороги. И вот, как увидела, что отряд идет, давай к лошади бежать. Подбежала и скорее гнать ее в подсолнухи. Испугалась, прямо дрожу вся. «Пропала, — думаю, — лошадь!» И только бы мне через дорогу в подсолнухи ее загнать, слышу, кричат из отряда:

— Ага-а! Лошадь прятать вздумала? Стой, стой!

Что мне делать? Ну, сровнялись они со мной. Гляжу, тот же человек, такого же среднего роста, в ремнях весь, с усиками, смуглолицый.

— Зачем лошадь прятала? — спрашивает.

— Да не прятала я, а хотела за хлебом для рабочих ехать. Да и лошадь-то не моя...

— Ты что, заика такая, или меня испугалась?

— Заика, — говорю, — а пугаться мне нечего.

Тут уж я совсем признала в нем Чапаева.

— Ну, так вот что: скажи, где тут красные? Далеко они? Много их?

— Нет, — говорю, — меня не обманешь, ты Чапаев.

— Как Чапаев? Чем докажешь, что я Чапаев?

— Знаю вот! А помнишь, на мосту в Покровке с машиной-то вы застряли?.. Доску-то я принесла?

— А-а-а... Ну-ну. Так... А зачем лошадь прятала? Видишь, все ноги в кровь по жнивью-то изодрала. Эх ты! От Чапаева нечего прятать, трудовым людям он свой человек. Ай-я-яй! Как ты ноги-то себе выкрасила...

Поговорить много тут нам не удалось, торопился он. Еще какую-то шутку сказал мне и скомандовал отряду ехать.

91. Чапаев и Фурманов

В Вязовке стоял большой помещичий дом. Мимо него раньше крестьяне проходили без шапок или старались обходить, чтобы не встретить сердитого барина. А теперь в этот дом люди шли свободно, как в свой, садились, где им хотелось, читали газеты, слушали доклады, смотрели спектакли, которые ставили свои же артисты — крестьяне. Над главным входом развевался красный флаг, а над тяжелыми дверями блестела краской доска: «Народный дом имени Василия Ивановича Чапаева».

Открытие народного дома было торжественным и волнующим событием. Крестьяне впервые в своей жизни начинали познавать культуру, и вот, для того чтобы каждый знал и помнил, что эту культуру деревне дала Октябрьская революция, дали большевики, было решено, что этот культурный очаг будет носить имя лучшего односельчанина преданного большевика, героя гражданской войны — Василия Ивановича Чапаева.

На торжественном открытии народного дома Чапаев не присутствовал, — его в это время в Вязовке не было, но он знал, что дом называли его именем. Поэтому, приехав как-то в село к семье, Василий Иванович в первую очередь остановился у народного дома, посмотрел, прочел про себя надпись: «Народный дом имени Василия Ивановича Чапаева», улыбнулся, а затем слез с пролетки и направился к входу.

Не доходя до дверей, он остановился и еще раз прочел вслух: «Народный дом имени Василия Ивановича Чапаева».

И снова заулыбался.

— Здорово! Народный дом — вроде как мой. Вот чудак!

В народном доме никого не оказалось, и Василий Иванович направился в сельский совет. В этот день готовилась постановка, и Чапаев, узнав об этом, сказал мне в сельсовете:

— Это дело! Молодцы! Я люблю эти спектакли. Вали, Руцков, а я митинг буду проводить...

На вечер он пришел рано, когда еще народ не собрался, а драматический кружок заканчивал генеральную репетицию. Чапаев по-хозяйственному осмотрел весь дом, кое-какие вещи он переставил по-своему. Зайдя к нам на сцену и выслушав нашу жалобу на отсутствие декораций, обещал нам помочь в этом деле.

Весть о приезде Чапаева быстро разлетелась по всему селу. В народный дом шли все: мужчины, женщины, парни, девушки и дети. Зрительный зал был полон.

Василий Иванович говорил не много, но просто и понятно. Часто в своей речи обращался к крестьянам — правильно ли он говорит? Зал отвечал дружным гулом:

— Правильно, Василий Иванович! Верно...

Речь Чапаева сводилась к призыву на борьбу с кулаками, которые все силы кладут, чтобы вернуть Россию к старому режиму. Чапаев говорил, что надо верить большевикам и помогать им завоевать лучшую жизнь для трудящихся.

Смотреть спектакль Чапаев сел в первом ряду. Ставили мы комедию «Теща в дом — все вверх дном». Он был очень доволен игрой наших «артистов», много смеялся, увлекая других. Хотя зрители больше смотрели на Чапаева, чем на сцену, но и они одобрили постановку. Во время спектакля Чапаев вслух хвалил отдельных исполнителей:

— Молодец, Мишка, здорово, прямо молодец!

— Так, так, эх ты, ну и молодец!..

Скоро Чапаев опять приехал к нам из Самары, на этот раз с Фурмановым. Он вызвал меня к себе на квартиру и предложил устроить постановку. Я попробовал отказаться, объяснив ему, что все наши пьесы крестьяне видели по несколько раз. Вместе с этим я упрекнул Василия Ивановича за невыполнение обещания — привезти декорации.

— Декорации привезу, ты не беспокойся, а спектакль поставь. Давай «Теща в дом — все вверх дном». Пусть еще народ посмеется. Митинг с сельсоветом большой проведем, комиссар Фурманов со мной приехал.

Вечером в народном доме Василий Иванович знакомил Фурманова с историей этого учреждения, привел за кулисы и представил наших «актеров». Чапаев с любопытством наблюдал, как исполнители устраивали брюшко посред-

ством простой подушки. Подходил, похлопывал по животу «артиста» и, смеясь, приговаривал:

— Прямо здорово! Кровосос, кулак...

Перед началом митинга я сообщил со сцены, что к нам прибыли почетные гости: командир дивизии — наш Василий Иванович Чапаев и комиссар — товарищ Фурманов.

Василий Иванович выступил с речью. Рассказывал он о победах дивизии, о поражении казачества и колчаковской армии. Но, говоря о своей дивизии, он ни разу не возвысил себя как командира. Крестьяне задавали массу вопросов о личной его храбрости и геройстве. Василий Иванович лишь отшучивался и призывал бороться с белогвардейцами. Речь Чапаева доходила до сознания крестьян, была понятна, и все крепко верили в победу.

Пока Чапаев говорил, я Фурманову рассказывал о состоянии культурно-просветительной работы в селе.

После Чапаева с обстоятельным докладом о международном и внутреннем положении выступил Фурманов. Касаясь непосредственно Вязовки и нашего культурного очага — народного дома, он указал на недостаточную нашу работу, на слабое участие самих крестьян, подробно изложил задачи народного дома.

Начался спектакль. Чапаев и его жена сидели на первых местах. Рядом с Василием Ивановичем был Фурманов. Чапаев особенно веселился, хохотал. Каждого появившегося на сцену исполнителя встречал одобрением и аплодировал.

После спектакля Чапаев и Фурманов снова беседовали с драмкружковцами. Чапаев хвалил за хорошую игру и заверил нас, что все довольны, в том числе и комиссар. Но Фурманову, видимо, наша постановка не нравилась, хотя он не дал нам понять, что играли мы плохо.

Последний раз Василий Иванович был в Вязовке летом 1919 года. Не было у нас предела радости и гордости за своего односельчанина, славного героя. Каждому хотелось посмотреть на Чапаева, поговорить с ним, порасспросить о гражданской войне.

И крестьяне преподнесли Василию Ивановичу подарок — лучшую лошадь в волости, жеребца под кличкой «Чорт». В селе знали, что под Чапaeвым во время боя было убито несколько лошадей, а одну лошадь ординарец упустил, и та якобы попала к белым.

После очевидцы рассказывали, что когда лошадь Чапаева появилась в стане белых, то казаки водили ее по цепи как доказательство, что Чапаев погиб, что самому бесстрашному красному командиру сшибли голову; они призывали

свои войска не давать красным оправиться от этой потери, наступать на них.

Но говорят, что когда белоказаки снова увидели Чапаева, да еще на красном коне (жеребец «Чорт»), то от одного страха, что Чапаев жив, они панически отступили.

После этого посещения вязовцы больше не видели своего героя. Правда, по селу ходил слух, что Чапаев один или два раза приезжал ночью к своей семье и ночью же уезжал, но никто этого не видел.

В начале осени 1919 года Вязовка была охвачена тревогой, получив весть о гибели Василия Ивановича. Никому не хотелось верить, что нет в живых этого человека, народного героя Василия Ивановича Чапаева.

К несчастью, эта весть оказалась правильной. Уездный комитет партии сообщал о гибели Чапаева, и мы готовились к траурному митингу.

Но вязовцы и крестьяне других сел все еще не верили, что Чапаева нет уже. Никто не хотел и слушать о гибели Василия Ивановича. Долгое время утверждали, что Чапаев жив и скоро опять приедет к нам погостить.

92. Суд

Чапаев никогда не разрешал обижать мирное население. Я помню, как он судил двух красноармейцев.

Дело было так. Остановились мы в одном селе. Ну вот, эти-то двое молодых красноармейцев возьми и пойдя к девкам. Некоторые из крестьян обиделись. Чапаев узнал, призвал ребят и при всем народе ругать начал:

— Вы что же, — говорит, — воевать пришли с казаками, али с девками возиться? Чапаева порочите, сукины дети! Вы знаете, что за такие дела бывает?

Ну, повинились они ему при всем народе, а до сих пор они ни в чем замечены не были. Он говорит им:

— Ну, ладно, прощаю. Только, если еще услышу про вас такую вещь, не так судить буду.

93. «Будем жить, как в сказке»

С первых дней пролетарского Октября стали в город Уральск слетаться белогвардейские коршуны. Имели они опору у богатого казачества. В уральской степи было им полное раздолье. А нашему брату, трудящемуся, ай-ай, трудно было.

Чапаева мы узнали, когда дело у нас не стало выходить,

когда семейками маленькими (так говорили у нас про мелкие партизанские отряды) с казаками сладить не удавалось. Чапаевцы тоже ведь начали бороться с уральскими белоказаками с малого. Потом выросла 25-я дивизия.

Когда Чапаев наступает, он грозный. Идешь с ним без страха, и на сердце какая-то радость.

Чапаев был для врагов неуязвимым. Он как бы волшебную силу имел.

Не было у него никаких урочных часов. Иди к нему, когда хочешь, с вопросами или жалобами — обязательно выслушает и поможет.

Очень хороший был человек. Кто ни придет к нему из своих ребят, он, бывало, только спросит: «Чей ты?» — и поможет, в чем его просишь.

На отдыхе он весел бывал. Если кто в гармонику играет, он созовет стариков и — плясать. Он всегда говорил:

— Никто нас не разобьет, мы непобедимы. Мы всегда победим.

Чапаев никогда не был угрюмым, он не предавался печали, что нас-де, мол, разобьют, он никогда об этом не думал. Чапаев любил петь песни, чтобы люди не вешали головы. Пел песни «Черный ворон» и «Слышали, деды, война началась».

Соберемся, бывало, разговоримся, какая жизнь будет, когда всех врагов разобьем. А Василий Иванович говорит:

— Кто доживет до этого времени, — будет жить, как в сказке.

Верно говорил.

94. В окопах Галиции

В 1915 году по царской мобилизации пригнали нас в Саратов. Здесь я с Чапаевым попал в одну роту Белогорайского полка. Из Саратова в скором времени снарядили нас на фронт, в Галицию.

В это время Василий Иванович рядовым был, так же, как и я. Но выделялся он из всех большой военной смелкой.

Сидим мы в окопах, неприятель пускает ракеты: окружает нас, вот-вот мы попадем в плен. Сила их над нашей ротой тучей нависает. Офицеры все растерялись, а Чапаев выход нашел.

— Дайте-ка мне, — говорит ротному, — человек десять, я сейчас напугаю неприятеля, отведу грозу.

Ему дали охотников, он им говорит:

— Как стану я подползать, да как крикну прытко, вы все подхватывайте, наверняка перепугаем.

Вот ползут, ползут... Вдруг Чапаев как вскочит, да как крикнет: «Ура!» А за ним и остальные на все голоса.

Цепь неприятеля дрогнула, стала отступать назад, паника у них тут сотворилась. И мы в своих окопах хоть на короткий час покой увидели.

После того, как только опасность — все на Василия Ивановича смотрим: как он выручать нас будет. Всегда выручал.

В сентябре Чапаева ранило в левую руку выше локтя. Ротный говорит:

— Чапаев, иди лечиться.

— Нет уж, ваше благородие, не пойду я с фронта, от товарищей своих, — говорит Чапаев.

В этом была главная причина его храбрости: не то чтобы он войны до победы желал, — была она ему, война эта, солоня, как всем нам, трудящимся, но товарищей в беде не мог он оставлять. Своих не покинет никогда, первый верную дорогу найдет и других за собой на удачу поведет. Помню, когда народ совсем перестал доверять офицерам, Чапаев принял роту, и дела у него шли хорошо.

Из Галиции он вернулся с несколькими «георгиями». Принял он эти отличия от начальства только потому, что мы, товарищи, настояли.

— Пускай золотопогонники что хотят про тебя думают, а мы знаем, что ты наш герой, — говорили мы ему.

В первые же дни революции Василий Иванович все свои награды снял и отдал, как я знаю, в переплавку на оружие для Красной гвардии.

95

Помню Василия Ивановича еще с германской войны.

Он не любил прятаться в бою, всегда был впереди... В боях участвовал отлично, выходил на явь. Был рядовым, а частенько говорил командиру:

— Ваше благородие, ведь мы стоим в кольце, надо сделать вот как.

Он здорово соображал насчет тактики.

— Я по планам не знаю, а на практике скажу любому офицеру, — говорил он.

Любил предлагать свое начальству. А вот мы боялись это говорить, а ведь тоже понимали. Он был смелее нас.

Человек он очень хороший был, правильный человек, — настолько правильный, я таких не нахаживал. Если Чапаев

заметит, что солдат начинает после боя в селе курей ловить, кричит на него:

— Не смей, не для тебя крестьянин наживал!

Хороший был человек. На отдыхе плясал. Соберемся, бывало, достанем гармонь. Ребята звать начнут его:

— Чапай, айда! Без тебя никто не спляшет.

Эх, и плясун он был, страсть!

Он никогда не унывал, как другие солдаты, а все гордился, как бы неприятеля подшибить, фронт поправить. Бедным всегда помогал, жалованье за степени — награды свои — все раздавал бедным, больным.

Я с ним расстался, когда меня ранили третий раз.

В гражданскую войну он ко мне заезжал. Встретил он меня в сельсовете:

— Эх, ты ли это, Шалямов? Ах ты, такой-сякой!

Это поговорка такая была у него. Вошли в избу. Разговорились. Он меня к себе все звал:

— Шалямов, айда! — говорит. — Принимай полк — и со мной айда.

Я бы пошел, инвалидность не позволила. А то с таким командиром хоть на край света можно было идти.

96. Бой под хутором Қоровиным

Сам я корнеевский и в отряд Чапаева пошел вскоре после того, как прибыл с австрийского фронта.

Служил я в артиллерии, и это дело было мне, как свои пять пальцев, знакомо.

Когда в чапаевский отряд пришли три орудия, вспомнили и про Безгубова. Сельские наши чапаевцы сказали обо мне Василию Ивановичу. Вызвал меня Чапаев.

Показался он мне с первого взгляда на командира не похожим. Привык я на фронте к тому, что командиры ходили пестрые, как индюки, а этот — простой, от рядового не отличишь. Мне это понравилось.

Строго так Василий Иванович меня спросил:

— Можешь управлять орудием?

— Могу. Сам не командовал, но за три года пригляделся, постреляю.

— Вон орудия на площади стоят, иди, принимай.

Вызвал кого-то из штабных, и мы пошли к орудиям.

С тех пор во всех походах по степям уральским и против чехо-словаков на Волге, — до второго похода на Уральск, был я с Чапаевым. И не было, кажется, в полках человека, который бы не знал дядю Петю.

Меня в дивизии по фамилии не звали — все «дядя Петя» да «дядя Петя». Так же меня звал и Чапаев.

Мне часто приходилось после боя или похода останавливаться с Василием Ивановичем на одной квартире, обедать с ним, вечерять, и мы подолгу с ним разговаривали про царскую войну, про наши дела.

Однажды он мне говорит:

— Дядя Петя, командиры у нас хороши, да и я будто смекаю в военных делах, но без хороших бойцов, хоть в лепешку расшибись, ничего мы не сделаем. Надо нам больше людей набирать, привечать их, одевать их лучше да кормить сытнее. Но каждому винтовку дать нельзя, тут надо глядеть да поглядывать. Опять же собирать надо тех, кто по доброй воле идет, неволец — не воин, у него в мыслях свой дом, баба да огород.

Был под Коровиным памятный бой. Стояло летнее время. Наши полки отступали под натиском белоказаков, которые все свои силы бросили на Чапаева.

Мне по цепи передают:

— Дядя Петя, к Чапаеву!

Я подъехал.

— Дядя Петя, готовь батарею, будет горячее дело.

— Есть, — говорю, — Василий Иванович.

Рысью еду к своим артиллеристам и команду:

— С передков! Налево кругом! Прицел сто двадцать, гранатой правое орудие, огонь!

С первого снаряда разбили мы прислугу казачьего орудия. Потом начали беглым огнем, и вскоре батарея белых замолчала.

В это время Чапаев сделал смелый маневр. Он раскинул отряд широким полукругом и стал дожидаться белых. А они, как батарея стихла, вылетели в атаку. Сабли над головой, аж сталь так и поблескивает.

Мы перекинули огонь по казачьей кавалерии, но бьем с опаской, — вот-вот наши вылетят навстречу. «Еще своих, — думаю, — перестреляешь!»

Но не таков Чапаев.

Он удержал своих бойцов и подпускал казаков ближе. Даже пулеметы, и те молчали. Редкое хладнокровие тогда Василий Иванович показал.

Белые тем временем разделились — направо часть и налево, а середина идет прямоком, и впереди полковник.

Наши пулеметы ударили, но полковник летит, как заколдованный.

Подскочил, да как закричит:

— Братцы, да здесь Чапаев!

А Чапаев:

— Да, здесь, так и знай!

Поднял наган и без промаха снял с седла этого молодчика, разряженного в ленты да кресты.

Только выстрелил и в тот же миг:

— За мной, вперед!

И пошли наши в атаку.

А мы из орудий по флангам стреляем. Казаки не смогли нас окружить, вышло наоборот. Взяли мы тогда коней семьдесят пять, снарядов и патронов сколько — не помню.

В переметных сумках у казаков было много сушеной рыбы — леща и воблы.

Чапаев, помню, еще говорил:

— Дядя Петя, не зря ли рыбу едите? Не потравиться бы нашим ребятам! Кто ее знает, какая она.

Но на этот раз рыба была не отравленная. Белые везли ее для себя.

97. С ним было не страшно

Про Чапаева по всему фронту слухи ходили хорошие. Все красноармейцы его любили. У него и обхождение с нами было хорошее, если мы сами не гадили. С ним было не страшно, потому что он никогда сзади не оставался, а всегда шел вперед. А раз идет командир, то и мы идем без боязни.

Кучка нас сначала была небольшая; когда подходим к какому селу, там пополняем. Василий Иванович сам собрания проводил и все объяснял. Он нам говорил, что буржуазный класс мы должны выкорчевать до конца. Мы понимали, о чем он говорит. Такую задачу себе ставили, что надо выгнать буржуазию вон из нашей страны, и сделали так.

Слышал я на фронте, что у чехов да белоказаков одно на уме: как бы только поймать Чапаева. Много раз они нас окружали, но мы всегда выходили целыми и невредимыми, — страх смелый был наш Чапаев.

Раз в Соболеве, когда с нами был Чапаев, после заката солнца началась перестрелка.

Неприятель начал бить из пушек, а нам и отвечать нечем, у нас орудий еще не было. Тогда они бросились в атаку, но мы их отбили. Они еще и еще раз бросались, но нас не победили.

В другой раз стоим на одной стороне Иргиза, а на другой

чеки. Чапаев смотрит в бинокль и видит — на бугре ставят орудия, хотят начинать наступление.

Он крикнул нам: «За мной, товарищи!» — и сам бросился вперед. И мы по мосту все за ним. Не успели белые свои пушки установить, как мы их забрали.

А под Ореховкой мы пять автоматических орудий захватили. Также Василий Иванович атакой руководил.

Здорово смекалистый он был: сразу придумает, что и как, и не промахнется.

98. Отважный начдив

Цепь лежала, припав к земле. Бойцы отбили несколько атак, но четыре казачьи лавы наседали и наседали с новой силой. Патроны были на исходе. Чувствовалось, вот-вот дрогнет цепь, кто-нибудь крикнет: «Обошли!» — и стройные ряды полка смешаются, дрогнут...

Но в это время позади цепи зашумел автомобиль. Смотрим, едет Чапаев. Выехал Василий Иванович вперед, встал в машине и приказал шоферу ехать вдоль цепи перед фронтом.

Белые тоже заметили начдива и весь огонь сосредоточили на его машине. Пули воют вокруг Василия Ивановича, а он едет — хоть бы что, головы не склонит.

Бойцы и командиры, как зачарованные, смотрели на любимого начдива. Смотрели, но страха за него не было, такая уж вера была в Чапаева. Никто не думал, что его можно убить.

После этого я не узнал своего полка. Бойцы, только что клонившие головы к земле, рванулись в бой, и скоро мы отбросили казаков от станицы Сахарной.

99. Вперед, на Гурьев!

— Вперед, на Гурьев! — это был наш боевой клич в борьбе с уральскими белоказаками.

Форпост за форпостом брали наши полки.

Бывало, окружим глухой темной ночью станицу и ждем сигнала. Взойдется красная ракета — сразу грохот выстрелов и свист снарядов. Казаки с перепугу друг на дружку с шашками насакивают, а мы их гоним в степь.

В одно утро после боя, возвращаясь с разведки, я увидел Василия Ивановича. Он ехал на сером коне впереди цепи бойцов. Полы бурки развевались по ветру, папах заломлена назад. В руке Василий Иванович держал наган. Казаки палили в нас из-за сыртов.

— Берегись, Василь Иванович! — кричали ему бойцы. — Пуля шальная — дура.

— Ничего, ребята, — отшучивался он. — Чапаев «заколдован».

И несся дальше, без промаха сажая пули в белоказаков.

100. Учеба под огнем

Чапаев приехал к нам в село Гусиху, созвал общее собрание и объявил призыв добровольцев в Красную армию. Записалось тогда пятьдесят человек, в том числе и я.

Некоторые добровольцы не держали до этого оружия в руках. Он учил нас военному делу прямо на поле боя.

Один раз я угодил на заставу, — мы ожидали наступления чехов. Василий Иванович лично определил линию обороны. Пришел на заставу, проверил посты. Подходил к бойцам и с каждым беседовал. Подошел ко мне, взял винтовку, сел рядом.

— Стрелять умеешь?

Я говорю:

— Умею.

— Хорошо, — говорит Василий Иванович. — А почему не окопался?

— Да нужны ли окопы? — высказал я сомнение.

— А как же? — говорит он. — Нужно вырыть окоп, поставить прицел и ждать противника. Только нужно держать себя спокойно, подпустить ближе, а тогда и палить.

С этими словами он пошел от меня к следующему бойцу. Чапаев крепил нас, поднимал дух и учил военному делу.

Во время передышек соберет нас и говорит:

— Ребята, кто был на фронтах и знает военное дело, должен следить за молодыми, потому что они нигде не были. А вы, молодые бойцы, слушайте стариков да не ловите ворон в бою, а то некоторые из вас встают во весь рост да стреляют. Такому стрелку будет худо. Раз его из пулемета — и срезан. Нет, ты наступай так, чтобы противник тебя не заметил и чтобы он от тебя не ушел...

Закончит беседу, запоет, песню: «Вы не вейтесь, черные кудри». За ним подхватят бойцы.

Наутро новое наступление.

От глаз Чапаева ничто не ускользало в боевой обстановке.

Вот как-то по дороге повстречался парнишка лет четырнадцати, ехал на фургоне. Чапаев остановил его и спросил:

— Отколь едешь, милоч, и куда?

— Я еду от отца, он у меня в белых. Меня послал за лошадьми в село, белые обоз большой собирают...

— Так, хорошо, будем ждать, — сказал Чапаев и приказал командирам рассыпать людей в цепь.

Мы расположились по обеим сторонам дороги. Вскоре действительно показался военный обоз. Чапаев командовал: «Огоны!» Мы открыли стрельбу из пулеметов, захватили этот обоз. Сколько было оружия и обмундирования, все у белых отобрали.

Никогда не забуду боя под Гусихой. Когда начался бой, чехи сильно нажали на правый фланг, там получился прорыв. Мы — кто как, побросали оружие, переправились через Иргиз, отступили в Порубежку.

Только туда прибежали, — откуда ни возьмись, едет на паре вороных Чапаев. Мы собрались в кучу. Не доезжая нас, кричит: «Что за банда!» Подъехал ближе, мы рассказали, как получилось дело. Тогда Чапаев повернул лошадей, командовал: «За мной!» А сам на тачанке с пулеметом погнал лошадей во весь опор. Мы побежали за ним.

На сельской площади Чапаев выстроил нас и приказал каптенармусу выдать обмундирование. Потом сказал нам:

— Оружие где хотите, там и доставайте, чтобы найдено было оружие! Без оружия ко мне не приходите.

Мы начали искать оружие. У меня была спрятана винтовка в капустных грядках — я ее скоро нашел.

Все разошлись искать, остался один человек. Чапаев подозвал его и спрашивает:

— Что ничего не ищешь? Али у тебя ничего не было?

Тогда тот отвечает:

— Я, Василий Иванович, водовоз.

— Хорошо. А где твоя бочка?

— Я, товарищ Чапаев, сильно растерялся и не знаю, где она находится.

— Беги, ищи, чтоб был ты также при полном своем вооружении. Водовоз в жаркое время бойцам первый помощник. Понял? Поскорей приезжай сюда, пить хочу.

И что же вы думаете — прикатил парень в срок с полной бочкой! Чапаев испил воды, улыбнулся и сказал:

— Хорошо, что скоро нашел! Только не вздумай в другой раз потерять, плохо будет...

101. Его приказы выполнялись беспрекословно

Когда вспоминаешь тревожные и героические дни гражданской войны, всегда вспоминается и Василий Иванович

Чапаев — этот железной воли командир, большевик и наш учитель.

Чапаев хорошо знал свое дело, был всегда уверен в нашей победе, и за это все любили его. Любой командир, любой красноармеец отдал бы свою жизнь за Чапаева, если бы этого потребовала обстановка. И сколько положил он труда, чтобы воспитать массу бойцов, достигнуть успехов в боевых операциях.

За свою службу под руководством Василия Ивановича мне пришлось много выполнять его поручений, и все они были очень конкретными и безусловно необходимыми. Никогда не было и мысли о том, что можно сделать это не так, как приказывал Чапаев.

Есть такие разговоры, что Чапаев мало когда советовался с другими командирами в отношении боевых операций, что он никого не слушал и не терпел советов и замечаний. Но это не так. Правда, Василий Иванович не терпел, когда люди не понимали того или иного вопроса или не хотели понять. В необходимых случаях Василий Иванович устраивал совещания.

Перед первым походом на Уральск такое совещание он созвал у себя на квартире. Собралось нас человек десять. Жена Василия Ивановича приготовила для нас угощение.

— Ну, как, поели? — обратился к нам Василий Иванович, когда мы заканчивали обед. — Теперь давайте обсудим наши дела.

Кто-то из пришедших обиделся и заявил Чапаеву, что мы пришли к нему не обедать, а решать вопросы о наступлении. Василий Иванович рассмеялся, похлопал по плечу обидевшегося и приступил к изложению своего плана. Мне он сказал:

— Ты, Плугарев, грамотный, давай запиши, что мы решим.

На этом совещании было решено до станции Озинки идти по двум направлениям, а там соединиться и пойти дальше общим наступлением.

План Чапаева оказался удачным. Мы достигли победы под станцией Семиглавый Мар. Казаки были отброшены до станции Шипово. Чапаев в это время еще не возглавлял всех отрядов, но уже чувствовалась к нему любовь. Указания его были правильными, деловыми, и все были склонны к тому, чтобы Василия Ивановича сделать своим главным командиром.

Помнится, в селе Зеленом ночью наши ребята открыли беспорядочную стрельбу. Мы говорили им, что это зря,

но стрельба продолжалась. Тогда на лошади прискакал Василий Иванович и спросил бойцов:

— Казаки наседают, что ли?.. Патронов у нас мало, а потребуется много, — продолжал Чапаев, — зря портить не следует. В темноте ведь ничего не видать.

Беспорядочная стрельба была прекращена.

Слова Василия Ивановича были простые, товарищеские и выполнялись беспрекословно.

Вспоминается один случай. Дело было в мае 1918 года. Василий Иванович вызывает меня в штаб и говорит:

— Ты, Харламыч, артиллерист?

— Да, артиллерист, Василий Иванович, — отвечаю я ему.

— Ну, так вот, давай поезжай в Саратов, всеми силами постарайся достать пушки.

Я и не предполагал, что в Саратове встречу большие трудности, даже не посоветовался с Чапаевым, что мне делать, если не будут отпускать. Взял я с собой двенадцать человек и выехал в Саратов.

Целую неделю ходили мы в управление артиллерийского снабжения за орудиями и каждый день получали отказ. Ехать к Чапаеву без орудий нельзя было, а их не давали. Я посоветовался с ребятами, и мы решили орудия, которые стоят на платформе, взять без разрешения. В эту же ночь договорились с машинистом и орудия увезли.

На станции Урбах я узнал, что из Саратова за нами выслали погоню. Что делать? Вызвал по телефону Василия Ивановича и доложил ему о том, что в Саратове отказали в отпуске орудий и мне пришлось взять самому, а теперь вот за нами послана погоня, и как бы не отобрали пушки.

На это Василий Иванович сказал два слова: «Хорошо, помогу». Но и эти два слова ободрили, и мы настояли, чтобы нас поскорее отправили в Ершово. Не доехали километров семь до Ершова, как настигла погоня и нас всех арестовали. И уже собирались нас везти в Саратов, как показался разъезд всадников во главе с Чапаевым. Саратовцы решили, что это казацкое нападение, залегли в цепь. Начались переговоры.

Слышу, Чапаев спрашивает:

— Вы кто?

— А вы кто? — спрашивают в свою очередь саратовцы.

— Мы красные, — отвечает Чапаев.

— И мы красные, — говорят саратовцы.

— И мы красные! — кричу я, лежа на платформе.

Посмеялись мы тут. Василий Иванович доказал саратовцам, что пушки нам очень нужны. Саратовцы вернулись домой.

После нас с Василием Ивановичем вызывали в Саратов.

— Не бойся, Плугарев, ничего не будет, — подбадривал меня Чапаев.

Допрашивали нас порознь. Чапаев потом рассказал мне:

— Я их распушил. К вам, говорю, мои ходят, кланчат, кланяются, а вы и слушать не изволили, саботажники! Перестрелять вас...

И Чапаев был прав. Вскоре Чека арестовала многих из управления артиллерийского снабжения.

102

Чапаев, казалось, никогда не уставал. Он не только руководил отрядами, а впоследствии полками, но умел найти время побывать в цепи любого подразделения, поговорить с бойцами и даже показать, как надо лучше стрелять.

Его энергия, смелость и уверенность в победе придавали нам силы, и когда Чапаев появлялся возле нас, то мы с новой энергией бросались в бой и побеждали.

Когда чехи подступали к Николаевску, Василий Иванович со своими частями находился от города далеко. Мы не сумели защитить города и отступили. Но не успели чехи расположиться, как были окружены Чапаевым. Василий Иванович освободил город от чехов и белогвардейцев, разбив их наголову, и захватил много оружия.

103. Решительный, находчивый, смелый

Стояли мы в ноябре 1918 года в селе Озинках. В наши руки попали белогвардейские листовки, в которых они призывали крестьян перейти в белую «народную» армию и выдать Чапаева живым или мертвым. Прочитав эти листовки, Чапаев был сильно раздражен.

— Ах, сволочи! — воскликнул он. — Я им покажу, узнают они Чапаева!

Он тут же поручил мне подобрать ему из отряда человек семьдесят—восемьдесят самых боевых.

Я подобрал. Когда бойцы были на конях, Чапаев сказал:

— Едем биться насмерть... Кто из вас трусит, тот лучше не езжай сейчас!

Все закричали:

— Едем! Нет между нами трусов!

Поехали. Я ехал вместе с Чапаевым, стараясь вывести его из мрачного состояния. Всю ночь мы проездили, искали штаб казаков и не нашли. Утром на рассвете возвращались обратно, усталые и разозленные бесплодными поисками.

Вдруг неожиданно увидели кавалерийский отряд, человек восемьдесят — сто. В первое время мы не знали, чей отряд — белых или свой.

Тогда стали делать перекличку.

— Какой полк? — спрашиваем мы.

Те, не отвечая на вопрос, в свою очередь спрашивали:

— А вы какого полка?

Перебранка длилась несколько минут.

Чапаеву надоела канитель, и он скомандовал нам рассыпаться в цепь и быть наготове, а сам поскакал навстречу неизвестному отряду и когда приблизился, то увидел, что перед ним были казаки с несколькими золотопогонниками. Чапаев выхватил наган, блеснул шашкой и крикнул:

— Я — Чапаев! Бросай оружие!

Наш отряд немедленно кинулся ему на помощь. Бело-казаки были так поражены смелостью Чапаева, что потеряли способность сопротивляться и сдались без боя.

В числе пленных оказались полковник и два капитана. Когда их привели в штаб отряда, Чапаев подходит к офицерам и говорит:

— Это вы, небось, писали листовки-то? Хотели меня забрать в плен, а сами попались!

104. Боевые поручения

В Балакове на Волге я увидел впервые Василия Ивановича Чапаева. Мы прибыли туда на пополнение его отрядов. Проходя вдоль нашего строя, он беседовал почти с каждым. Голос у него в это время был хрипловатый. Он задавал вопросы:

— Какой губернии? Давно ли в армии?

Ребята ему отвечали, что большинство — Самарской. Тогда он сказал:

— Хорошо, посмотрю, пригодитесь ли вы мне. А ну, проезжайте, молодцы! Я посмотрю, как у вас лошади-то ходят.

Наш командир говорит, что у нас лошади хорошие и ходят хорошо. Тогда Василий Иванович говорит командиру:

— Пусть каждый проедет по-деревенски, я посмотрю на него.

Когда мы проезжали, он пристально посмотрел и начал приказывать: «Вот эту лошадь расседлать, эту — тоже». Мою лошадь тоже пришлось расседлать. Чапаев сказал:

— У меня есть лошади хорошие, заморской породы. А у ваших мне что-то топот не нравится.

Нам дали тут же новых лошадей. Он после спросил:

«Получили?» Мы сказали: «Получили». Тогда он обратился к нам с речью:

— Ну, ребята, теперь вы вступаете в боевые ряды и должны знать свою задачу. Уральск обложен с трех сторон казаками. Вы знаете, куда приехали? Воевать с белогвардейскими гадами. А если кто трусит, то сейчас с коня слезай и иди на кухню щи варить. Есть желающие?

Конечно, таких у нас не оказалось. После этого Василий Иванович стал давать нам боевые поручения.

Помню, за Уральском несколько наших разведчиков угодили в лапы к белым. Мы топчемся в глубоком долу, думаем, как теперь быть?

Через час к нам приехал Чапаев. Когда узнал о случившемся немедленно приказал:

— Во что бы то ни стало своих вернуть и забрать за это весь штаб белых.

Выбрались мы из своего дола, двинулись на село, где стоял белогвардейский штаб. Белые прозевали наше движение, подпустили очень близко. Нам было видно, что их артиллерия расположена на площади, у церкви. Тогда наш эскадрон кинулся в атаку. Отшибли прислугу от пушек, уничтожили пулеметы, забрали весь штаб. Офицеры тут же были расстреляны, а рядовые солдаты частью присоединились к нам добровольцами, частью были отправлены в тыл. Всего белых здесь было захвачено нами тысячи полторы.

В одном бою меня ранило в ногу. Отправили меня в госпиталь. Чапаев пришел нас навестить. С каждым поговорил. Пошутил со мной:

— На ногу жалуешься? А ты садись на лошадь, она тебя доведет.

Я ему говорю:

— Все равно больно будет.

Тогда он говорит:

— Ну, я тебе дам легкую вакансию — пятерых белоказанов срубить и столько же в плен взять.

— Будет исполнено, — говорю, — Василий Иванович, как только отсюда меня отпустят.

Когда я выписался из госпиталя и явился в штаб, Василий Иванович посмотрел на меня, видит, еще слаб я для больших боев, и говорит:

— Ладно, ты до этого хорошо воевал, теперь других поучи так же хорошо воевать. Иди в отряд по борьбе с дезертирством.

Когда мы приготовились к отъезду, наш командир спросил Чапаева:

— Василий Иванович, можно уезжать?

Тогда Чапаев ему ответил:

— погоди, я вас «благословлю».

Потом Василий Иванович сделал нам наказ:

— Если кто из дезертиров будет сопротивляться, то стрелять на месте — это не наши люди.

Потом наказывал командиру:

— В каких селах или форпостах не будут оказывать вам содействия председатели советов или хуже того — чинить препятствия, — немедленно таких предавайте суду. Добивайтесь от народа, чтобы сменяли таких к чортовой матери, чтобы не мешали.

Ну, он тут поехал вперед, а мы поехали по селам и форпостам ловить дезертиров, выполнять его боевые указы.

105. В бою и на отдыхе

Наступали на Гусиху цепью. Морскими волнами шли мы за Василием Ивановичем. Он впереди ехал. Потом спешился и на бугор поднялся — посмотреть, ориентироваться в обстановке. Я кричу ему:

— Василь Иванович, наши в лощине!

Он отвечает:

— Я вижу. Ты стой здесь, я вон к тем ветлам съезжу.

Прыгнул в седло и поскакал.

Мне одному немного жутковато стало. Тишина большая наступила — ни с чешской стороны, ни с нашей не стреляют.

Вдруг из-за бугра, со стороны противника, наш пехотинец бежит, без винтовки и без фуражки.

— Машина! Машина! — кричит. — Машина с пулеметом! Всех посечет...

Я как пришпорю коня — вперед заскочить хотел, узнать, в чем дело. А лошадь, как на грех, споткнулась, и я вылетел из седла. Руку сильно правую ушиб. Вскочил — и опять в седло и еще шибче поскакал. Даже папаху, свалившуюся с головы, не поднял.

После боя, вижу, едет ко мне Василий Иванович. Чего-то про себя напевает, а в руке мою папаху держит. Подзывает к себе. Ну, думаю, за папаху проборка будет. Спрашивает он меня, взглянув на распухшую руку:

— Ранило? Почему руку раздуло?

— Нет, — отвечаю, — Василий Иванович, это я с лошади упал.

— Возьми, — отдал папаху. Потом помолчал и добавил: — И больше так не джигитуй, видел я, что было. Убьешься до

боя. Какой толк? А нам еще с чехами встречаться придется. Ты посмотри, как мы завтра на них нажмем.

И действительно: вскоре мы Марьевку забрали. Много чехов в плен захватили, много оружия досталось в наши руки.

Все мы такие веселые были, несмотря на усталость.

Василий Иванович тоже веселый был:

— Сегодня, ребята, никуда не пойдем. Отдыхайте.

А вечером вроде праздника устроили — пели, плясали, музыка играла. Смотрим, Чапаев протолкался в круг. Посмотрел на нас и говорит:

— Эх, после знатного боя отдохнуть, повеселиться не грех!

Да как развернется, да как пустится «казачка» плясать, только пыль столбом.

Когда кончил плясать, улыбнулся:

— Вот как надо! Берите со старика пример.

Дальше, на Уральск надо итти. Василий Иванович перед самым выходом короткую речь держал:

— Идем выгонять из Уральска казаков. Я знаю, что бойцы 25-й дивизии не трусы и в грязь лицом не уронят себя. И в бой пойдем с песней. Пусть у врага душа леденеет, пусть знает, что чапаевцы идут.

Ну, вышли за станицу, развернулись фронтом и пошли. Василий Иванович впереди цепи сажен на десять идет. Па-паха назад заломлена, полушубок ремнем затянут, аккуратный такой.

— Начинаем, ребята!

И он запел песню. Какую, сейчас, право, не помню. Только хорошую какую-то.

Один раз Чапаев говорит бойцам:

— Кто желает со мной через казачью цепь прорваться на машине?

Желающих, конечно, много нашлось. Отобрал Василий Иванович двенадцать человек. Установили на грузовике пулемет, кипу листовок положили и поехали.

Как стали подъезжать к казачьей цепи, Василий Иванович гимн запел:

Вставай, проклятьем заклеимный...

Его подхватили остальные бойцы. Казаки стрельбу открыли. Мы пулемет наладили. Едем, поем, стреляем и листовки разбрасываем.

Вихрем пронесли мимо казаков. Они только в сторону с дороги шархались.

Так мы через весь их фронт проехали и обратно вернулись. И никто из нас даже ранен не был.

Все это помню, как сейчас было, и Василий Иванович — веселый, довольный, как живой, перед глазами стоит.

106. Чапаевцы — бойцы за правое дело

Радостно было ходить под командой Чапаева в бой. Он всегда впереди, ничего не боялся. Пули свистят, мы иной раз прижмемся в окопах, а ему хоть бы что. В него и пули-то не попадали, словно он заколдованный; разъезжает верхом и командует. Когда забирали мы в плен, то он сам допрашивал.

Белые боялись Чапаева, как огня. Чехи страшились чапаевцев и хотели видеть хотя бы одного живого красногвардейца. Но чапаевцы живыми в плен не сдавались, а чехам хотелось узнать: что же это за люди? «Издали, — говорят, — как будто никакой разницы против нас нет. Солдаты, как солдаты, только что папахи с кистями да с красной лентой».

Но разница-то была, и чувствовали ее на себе белочехи. Разница была в том, что враги наши были наемники буржуазии, а чапаевцы во главе с красным героем Василием Ивановичем Чапаевым — верные сыны трудового народа, бойцы за правое дело.

107. Всегда был впереди

Заволжские степи. Солнечный июнь 1918 года. Наступают цепи чапаевского красногвардейского отряда.

Вперед ушла конная разведка. Вдруг за бугром вдали показалась белая церковь казацкой станицы. Мы втроем — Чапаев, я и Демидкин — садимся в красный легковой автомобиль, на сиденья колесами ставим «максимку», берем пулеметчика.

Демидкин около шофера, мы с Чапаевым — по бокам пулемета. Катим по дороге вперед на станицу.

Цепи бойцов остались позади. Обогнали уже разведку. Вот и гумна. Нас начинают обстреливать из ружей и пулемета. Чапаев командует:

— Повернуть машину задом!

Автомобиль сделал круг и с готовым к обстрелу пулеметом смело двинулся задом на врага. Пулеметчик строчил по казакам, а мы открыли огонь из маузеров. Так, с боем, въезжаем в село, вытесняя оттуда противника.

Когда подошли наши боевые части, мы уже приготовили

и выбрали помещение для штаба отряда, а на колокольню, откуда к штабу отряда протянулся телефонный провод, был выставлен наблюдатель.

Помню и такой случай.

После ожесточенного боя в селе Балахах мы в том же составе на автомобиле отправились на станцию Алтата в штаб группы войск Восточного фронта.

Проехав километров пятнадцать, мы попали под обстрел белоказаков. Одна из пуль попала в шину левого переднего колеса. Камера спустила воздух, и автомобиль начал сильно прихрамывать. Отстреливаясь из револьверов, мы подъехали к немецкому хутору. Чапаев крикнул стоявшему на крыльце хозяину:

— Эй, хозяин! Дайте мне длинную веревку.

Пока мы с Демидкиным отстреливались, Чапаев петлю за петлей наматывал на обод спущенной камеры веревку. Колесо исправлено. Поехали дальше.

Поздно вечером мы, усталые, но веселые и бодрые, добрались до Алтаты.

108. Воспитывал храбрых и непобедимых

В июле 1918 года в числе других партизан я попал в Рахмановку, откуда и был направлен в Пензенский полк. Велика была радость, когда узнал, что Пензенский полк входит в бригаду, которой командует Василий Иванович Чапаев. Помню, что для каждого командира или простого красноармейца было большой радостью и гордостью служить у Чапаева. Такого счастья дождался и я.

Чапаев решил сформировать кавалерийский полк. Вызвал охотников. Я, конечно, записался сразу. Выстроил нас Василий Иванович и почти с каждым поговорил о предстоящей рубке. Он сказал, что надо научиться рубить лучше, чем рубят казаки, а если плохо рубишь, то всегда держи наган в другой руке или гранату: не тем, так другим оружием, а ты должен уничтожить врага.

Впервые совет Василия Ивановича я применил на хуторе Дмитриевском, в четырех километрах от Таловой. Гарибальдийский кавполк, как и Балашевский и Пензенский полки, был окружен со всех сторон. Три дня длился неравный бой. Чапаев во главе нашего полка два раза бросался на белоказаков в атаку. Наконец мы вырвались из кольца. На одного, на двух наших бойцов группами бросались казаки. Вот тут гранаты и наганы нам очень здорово помогли.

Казаки доходили до такой наглости, что, узнав про не-

достаток патронов у нас, вплотную подъезжали и требовали нашей сдачи. «Вяжите Чапаева и комиссаров и давайте их нам!» — кричали они.

Отвечали мы им гранатами.

В 1919 году вел нас Василий Иванович в бой у станицы Сломихинской. Справа река Узень, слева — равнина, степь. Мы преём вдоль берега реки. Разгорелся бой. Правый фланг менее опасный, а вот левый фланг — это открытые ворота для «казары». То и дело они колоннами, сабель до трех тысяч, вихрем налетали на левый фланг. Кровь стынет в жилах при мысли: «А вдруг дрогнет пехота, побежит? Тогда многим не сдобровать». Но по цепи передали, что Василий Иванович приказал подать на левый фланг пулемет. Радостная дрожь пробегает по всему организму: раз Василий Иванович с нами — значит, опасности нет.

И верно, как заговорили чапаевские пулеметы, так от стальной стены разлетелась казачья лава. На второй день к вечеру Сломихинская была наша.

О том, что мы едем на Колчака, Василий Иванович и Фурманов объяснили всем бойцам на митинге в Алгае. Первые живые «колчаки» нам попались в Черновке, близ станции Муханово.

«Колчаки» распоясались здесь. Празднуют «пасху», обирают крестьян, тащат масло, крашеные яйца, шныряют из дома в дом, безобразничают. Мы залетели в Черновку с гумен. «Колчаки» растерялись, не успели сделать ни одного выстрела. До ста восьмидесяти человек мы взяли в плен, не желающих идти в плен — «не брали».

Растерявшиеся войска Колчака до Бугуруслана катились без остановки. Под Бугурусланом Чапаев нанес им сокрушительный удар.

Нашу кавалерию Василий Иванович очень часто бросал в тыловые рейды. Помню, неподалеку от села Кишки мы проникли в тыл к Колчаку, забрали в плен пехоту, учебную команду и целиком пехотный полк. Только командир полка успел ускакать.

В селе Письмянке, в семи километрах от Белебея, батальон каппелевцев крепко держался. Чапаев на помощь пехотной части двинул нас. Мы набросились на каппелевцев с фланга. Они дрогнули от неожиданности и бросились бежать, но уже было поздно. В Белебей вместо каппелевцев на ночлег въехали мы.

Весь обоз колчаковцев достался нам. Обозники-колчаковцы с великой охотой согласились остаться у нас. Я помню некоторых из них, они оказались после хорошими бойцами и

жестоко сражались с колчаковцами, а затем с белоказаками.

Как сейчас помню переправу через реку Белую под Уфой.

Василий Иванович накануне был ранен в голову. Он не покинул поста. Небольшой бугорок. Стоят: Василий Иванович, товарищ Фурманов, товарищ Фрунзе и много других командиров. Чапаев поставил нашему полку задачу: переправиться через Белую и ударить по колчаковскому тылу.

Три-четыре часа утра. До трехсот человек колчаковцев-кавалеристов расположилось в поселке Красный Яр, охраняя фланг Колчака. Все они спали. Наше громкое «ура» сбило их с толку. Бегут раздеты, кто седлает коня, — но очень немногие из них успели тогда ускакать.

Перед отъездом из Уфы на освобождение Уральска Василий Иванович созвал всех командиров и комиссаров на совещание в Уфу. После совещания все мы, свыше сорока человек, сфотографировались. Этот снимок у меня сохранился как память о любимом Василии Ивановиче и о боевых командирах-чапаевцах.

Чапаев освободил Уральск на четыре-пять дней раньше, чем ожидали бойцы 22-й дивизии. Измученные бессонницей, непрерывными боями, они встречали нас со слезами радости на глазах.

Насколько велика была любовь красноармейцев к Василию Ивановичу, можно судить по моим переживаниям. После тяжелого ранения в Лбищенске я был эвакуирован в Уральск. В пути меня ни на минуту не покидала мысль о Василии Ивановиче. В бреду непрерывно появлялся Василий Иванович. Вот он в цепи, или в штабе, или скачет с ординарцем, требует кого-то... Когда бред проходил, становилось тяжело до слез: вспомнишь, что Василия Ивановича уже нет в живых, и сердце застывает. Будь они трижды прокляты, кровожадные собаки, отнявшие у нас нашего любимого командира!

109. Полки шли на Уральск

Хорошо помню Чапаева в Меловой перед наступлением на Шипово. Он совещался с командирами, а мы, ординарцы, в той же избе расположились на ночлег.

Чапаев приколот к стене карту, наколот на нее красные и белые флажки, рассказал о предстоящем сражении и отдал приказ:

— В два часа ночи занять Шипово.

Все бойцы шли с бомбами. Я сзади ехал на машине с

пулеметчиком Коротковым. Завязался бой. Машина наша носилась с фланга на фланг — туда, где требовалась поддержка. Бой был жаркий. Наших тут полегло человек пятьдесят, а казаки, говорят, возили своих фургонами.

Шипово мы заняли и наутро двинулись было дальше, на Уральск. Но тут нас окружили казаки. Силы их превосходили, кроме того у них была артиллерия. Чапаев приказал отряду построиться четырехугольником, а обозу поместиться в середине. Началось отступление. Под непрекращающимся натиском противника отступили мы до Шалагина хутора.

Как сейчас вижу Чапаева тех дней. Всегда живой, горячий, он не мог во время сражений оставаться на месте. С шашкой наголо в руке он появлялся перед красногвардейскими рядами, не боясь неприятельских пуль. Как где дрогнут бойцы, передают по цепи:

— Давай сюда Чапаева!

И Чапаев мчится в самое опасное место. Стоило ему показаться — люди оживляются, будто в каждого он вкладывает силу, и цепь идет, как один.

После первого неудачного похода на Уральск Чапаев опять начал набирать по селам людей. Пополнился наш отряд и добровольцами и мобилизованными.

И опять тем же трактом пошли мы на Уральск. Ночью подступили мы к Малаховке, занятой казаками. Белые пустились на хитрость. Подогнали к нам гурт скота, а сами спрятались позади. Чапаев проведал их хитрость и приказал бить по скоту из орудий. Быки подняли вой. Но казаки на наши выстрелы не ответили. За ночной темнотой мы не могли увидеть их, только слышали конский топот, когда они пошли наутек. По цепи был передан приказ:

— Прекратить бой!

Во время этого похода я все время был с Чапaeвым. Ночевали с ним в одной избе, вместе обходили посты. Посты он часто проверял сам. Возьмет из нас, ординарцев, двоих-троих и каждый час делает проверку. Подъедем к посту, смотрим, не спят ли. Но такого случая не было ни разу.

Спали партизаны только днем, в дороге. Ляжет в фуру, а лошадь привяжет сбоку. А то дремали и в седлах, и чуть какая тревога — все готовы к бою.

Часто пели песни. Пели больше про Стеньку Разина — любимая это была его песня. Пели ее и в походе, а я был свистуном. Выедешь вперед кавалерии и засвистишь, а сзади сотнями голосов грянут:

Из-за острова на стрежень...

В одном селе мы раз наплясались, навеселились, спать полегли. А к утру тревога. Ворвались в село казаки. Стрельба поднялась из окна в окно. Казаки залезли на крышу с голыми шашками и, как кто в дверь покажется, старались рубить.

А Чапаев тут же к пулеметам и орудиям. Выбили мы их из села. Положили тут как следует. Которые уцелели, усакали врассыпную.

Лошадей досталось нам штук девяносто. Тут Чапаев выбрал себе лошадь. Гнедая матка, умница: ушел, а она тебя ищет. Только на Зеленом хуторе, во время боя, оторвалась эта лошадь от повозки и ушла к казакам. Стреляли мы по ней, да не попали. А после, говорят, казаки водили ее по Уральску: Чапаев, мол, убит. А делали это затем, чтобы ободрить свои банды, потому что одно имя Чапаева наводило на них ужас.

И вот дошли мы до Уральска. Рожь выше головы, как лес стояла. Падали в ней, спотыкались. Два дня сидим под Уральском — голодные. Обозы к нам не доходили, отрезали их казаки. Ночью мы слышали на Урале стук: казаки разбирали мост. Но мы помешали им орудийным огнем.

Чапаев видел, что сидеть дольше под городом, — значит погубить отряд, и на третий день в ночь дал приказ отступать. Красноармейцы из ржи поделали вешки, чтобы не сразу в городе догадались о нашем отступлении (наутро казаки палили по этим вешкам, издали принимая их за людей), и к часу ночи мы тихо тронулись. Когда дошли до Зеленого, увидели: догоняет нас автомобиль-броневик. Чапаев отдает приказ: снять орудие с передков. Красноармейцы воткнули лопаты в землю, приготовились рыть ямки... Чапаев приказал перейти за линию. С броневика застрочил пулемет, но пули через насыпь не задевали нас, летели поверху. Тогда броневик обошел через переезд, зашел нам с тылу, начал бить из пулемета. Приготовили орудия, но командир никак не мог навести прицел — все перелет да перелет. Подбежал Чапаев, сердитый:

— Што ты, стрелять разучился?

Навел сам. Раз — перелет, два — перелет. А броневик уже близко. Третий снаряд ударил под колеса. Броневик стал. Пулемет замолчал. И мы стоим, молчим. Тихо. Потом, смотрим, трое с наганами выпрыгнули из броневика, кинулись бежать. Конные — вдогонку. Офицеры отстреливались. Двоих зарубили кавалеристы, а третьего взяли живого.

Подкрепившись силами, мы снова пошли на Уральск. Всю дорогу бои, бои. Обошли мы Уральск слева, со станции. Попрятались казаки по домам и с чердаков, из окон стреляли в наших. Мы в одном этаже, они в другом. Никак их не выбьешь из города. Отвел Чапаев дивизию на линию, поправились — и опять в город. Большая разгорелась в нас злоба от их упорства. Дрались отчаянно. Много polegло на улицах и ихних и наших.

Отступили казаки за Урал, на Бухарскую сторону. Часть наших осталась в Уральске, а Чапаев пошел обратно к Пугачеву.

110

Во время боя под Уфой отвозил я от Чапаева пакет в одну часть. Возвращаюсь — смотрю, он раненый, с перевязанной головой, а сам сидит на коне, наблюдает за переправой красных частей через Белую.

Когда забрали мы Уфу, заболел я, и меня отправили с Самару. Пролежал я недели три в больнице и получил увольнение с военной службы. Но домой не поехал: «Куда, думаю, поеду? Уральск опять окружен казаками. Лучше вернусь к Чапаеву». Выхлопотал я направление в 25-ю дивизию и поехал в Уфу. Чапаева я встретил в лесу по дороге. Он уже выступил из Уфы и шел на освобождение Уральска. Показал я ему увольнение. Покачал он головой:

— Уходят из нашего отряда люди. Што же, домой поедешь?

— Нет, — говорю, — опять к тебе, Василий Иванович.

— Ну, иди, бери лошадь.

До Бузулука ехали с песнями, никого не встречали. А от Бузулука пришлось идти на фронт — стали попадаться казачьи разъезды. Были в пути маленькие стычки.

Одна весть, что идет Чапаев, наводила на казаков ужас. Боялись они его, как огня. Встретили нас товарищи в освобожденном Уральске с восторгом, у многих слезы радости были на глазах.

111. Чапаевцы нас выручили

Полки красноармейские на Уральск шли. И вот к нам в село Таловое Чапаев приехал. Верхом на карем коне, в бурке и папахе. Усы черные, колечками.

Митинг собрал. Народу сошлось много.

— Товарищи, — сказал Василий Иванович, — мы всту-

паем в казачьи степи. В станицах мало друзей встретится, больше врагов. Будем держать ухо остро и оружие наготове.

Говорил он долго. Горячо говорил, волнуяще. После его речи мы пошли в наступление. Заняли несколько форпостов: Зелененький и еще какие-то, забыл названия.

Потом я Василия Ивановича встретил в Уральске, когда он 22-ю дивизию освобождать от казачьего окружения пришел. Долго сидела дивизия в осаде. У нас подходили к концу патроны, продовольствие было на исходе. Еще бы дня три-четыре — и от 22-й дивизии не осталось бы ничего. Всех бы казаки перебили.

В тот день я стоял часовым у штаба. На окраинах города шла перестрелка, было жарко. Вдруг слышу — автомашина где-то клокочет. Ближе и ближе, и вот вывертывается из-за угла и около штаба останавливается. Смотрю, а из машины сам Чапаев выходит. Веселый такой, в гимнастерке и ремнями затянут.

— Василий Иванович, ты ли это?

— Я, — и улыбнулся, усы расправил. — Выручать вас пришел. Комдив в штабе?

Я вызвал дежурного, а тот доложил командиру о приезде Василия Ивановича.

Скоро Василий Иванович на машине комдива поехал опять к своим частям, стоявшим на хуторе Стрекино. А вокруг Стрекино белоказаки кишмя-кишат. Мы тогда кольцом были окружены казачьими полками. И чтобы попасть к нам, Василий Иванович кольцо вражеское должен был прорвать.

— Завтра мы их отгоним от города. Встречайте нас, — сказал он уезжая.

На другой день Чапаевская дивизия вошла в Уральск. И встретили мы ее с большим почетом.

112. Памятные дни и дела

В начале 1918 года я организовал отряд из семидесяти трех человек в селе Богородском и выступил для подавления белых в Хвалынске.

Мы воевали всей семьей: отец, я и два брата. Отца у меня растерзала банда «Семки Черного», а брата изрубил в куски бандит Аристов.

После многих боев в Поволжье я по вызову товарища Чапаева поехал на Уральский фронт. Здесь были у нас горячие дни и дела, которые памяты мне до сих пор.

Помню, во время одного нашего наступления на Уральск обнаружилась подлая измена командующего фронтом — ставленника Троцкого — полковника Ржевского. Он предал нас казакам. Пришлось нам отступить.

Грозен в те дни был Василий Иванович. И вдруг он увидел этого Ржевского. Слез с коня, подошел к Ржевскому и говорит:

— Ты еще жив, предатель? Продал нас!.. — и давай его стегать плетью.

Здорово тогда изменнику досталось от Чапаева. По настоянию Василия Ивановича этот подлец Ржевский был арестован и отдан в ревтрибунал, а трибунал справедливо приговорил мерзавца к расстрелу.

Однажды выбирали мы командира бригады. Собрались все. Бойцы кричат: «Чапая, Чапая!» и выбрали тогда Василия Ивановича единогласно. Потом Чапаев уже стал командиром дивизии.

Чапаев, как я понимаю, это гений военной тактики. Он умел поднимать народ в бой в любую минуту.

Кто-то пустил один раз в нашей Чапаевской дивизии слух, что вот, мол, возьмем Самару и нам дадут отдых. Но после взятия Самары мы участвовали в других боях, а потом нас повели на Уфу. Здесь начинались было разговоры: «А как же обещанный отдых?» Но Чапаев сказал:

— Я одно обещал и обещаю: когда белых всех с земли сотрем — тогда и отдохнем.

Всем стало весело, и мы с песней пошли брать Уфу.

Или такой случай:

Чапаев приказал наступать. Пошли в наступление. И вот двое в бою забузотерили — обед во время боя вздумали просить. Чапаев, проезжая на коне, слышал это и прямо пригрозил им расстрелом. Он сказал:

— Если я кого голодным оставлю на отдыхе, подходи и требуй обед, а во время боя обедать некогда, и в бою есть не проси.

После этого они обедов в бою не просили, не забузотерили.

На отдыхе Василий Иванович первый песни запевал. Пел он: «Черный ворон, черный ворон, ты не вейся надо мной» и «Весь мир содрогнется — содрогнется и сам сатана».

113. Чапаев с нами — победим

Помню собрание в сорочинском клубе. Собрались командиры и бойцы Чапаевской дивизии. На сцене — любимый командир Василий Иванович.

Чапаев объяснил собравшимся причину поражения нашей 1-й армии и кратко очертил боевую задачу дивизии: оказать помощь 1-й армии, разбить Колчака, как разбили генералов на Уральском фронте.

Бойцы и командиры здесь же дали клятву своему любимому командиру победить Колчака.

— Ну, а теперь немного повеселимся — и на отдых, — сказал после митинга Чапаев.

Молодежь взяла вечер в свои руки. Помощник комиссара нашего Домашкинского полка Лекинцев заиграл на двухрядной гармошке, бойцы начали плясать.

— Вот это да, молодцы! — смеялся Чапаев и подбадривал плясавших.

Он ходил в самом кругу плясавших и вызывал остальных показать себя. В заключение вечера Василий Иванович решил показать и свою удачу. Он отцепил шашку и обратился к Лекинцеву:

— Ну-ка, русскую мне!

Лекинцев заиграл. Чапаев пошел плясать. Но, пройдя два круга, остановился: он почувствовал, что с тактом у него не ладится.

— Не выходит у меня под эту. Давай, Лекинцев, под «саратовскую».

Бойцы немедленно подали Лекинцеву «саратовку» с колокольчиками. Чапаев закружил посредине сцены. Плясал он живо, хорошо.

Расходились бойцы с вечера веселые, бодрые...

От Бузулука до самой Уфы Чапаевская дивизия шла все время с боями. Белые упорно держали фронт. Мы бросаемся в атаку, а они отвечают нам контратакой. Василий Иванович все время был в передовых цепях. И мы держались всюду упорно, стойко. Мы знали, раз Чапай с нами, — значит, победим.

Присутствие Чапаева удваивало и утраивало у бойцов смелость, энергию и решительность. По одному слову Чапаева тысячи поднимались в бой.

Под Уфой мы несколько задержались. Белые решили не сдавать города. И даже после нашего сильного оружейного обстрела белые еще продолжали держаться в Уфе. Тогда товарищ Фрунзе и Василий Иванович выдумали новый тактический план — повести наступление с тыла, обходным путем. Мой 2-й батальон Домашкинского полка вместе с другими частями дивизии был оставлен в Кирглатском затоне с западной стороны Уфы, на правом берегу реки Белой.

Имея приказ Чапаева во что бы то ни стало взять Уфу, я со своим батальоном попытался переправиться через реку на барже. Белые, заметив нас, открыли огонь. Но мы все-таки перебрались.

Много трудов мы тут положили. Рабочие оказали нам своевременную помощь: помогли нашему батальону переправиться через реку, выслав достаточное количество лодок.

После взятия Уфы собрались мы в штабе дивизии. Василий Иванович был бледен и морщился от боли. При переправе через реку Белую он был ранен в голову.

Врачи звали его в госпиталь. А он только приказал сменить повязку на голове и снова повел свою дивизию в наступление.

После разгрома колчаковцев дивизия была переброшена опять на Уральский фронт — выручать наши части, осаждаемые белогвардейцами в городе Уральске.

И эту задачу Василий Иванович выполнил с честью.

114. Незабываемые встречи

1919 год. Весна. Колчаковские войска находились в считанных километрах от Самары.

Трудящиеся во главе с партией большевиков напрягали все силы для борьбы с надвигающимся врагом и от обороны переходили в наступление, чтобы не дать Колчаку захватить Среднюю Волгу. Эшелон за эшелоном двигались из Самары на фронт. Рабочие, оставляя свои станки, шли на защиту города. В составе пополнения для Чапаевской дивизии отправился на фронт и я.

Чапаев нас встретил, когда мы еще не вступали в бой. Наш полк приближался к полосе боевых действий. У села Пилюгино мы заметили мчавшихся на нас всадников. Сначала были различные догадки о том, кто бы это мог быть, но вскоре по колоннам пролетел слух: «Скачет к нам Чапаев». Тем временем разъезд приблизился почти вплотную. Каждый боец был уже уверен, что это Чапаев. Слишком он был особенный, чтобы его не выделять от других. Многим тогда казалось, что именно на Чапаеве и должна быть бурка, без которой он не был бы Чапаевым, также должна быть и черная каракулевая шапка, и обязательно должны быть черные усы, закрученные кольцами.

Чапаев поздоровался с нами и обратился со словами: — Товарищи, вы вступаете в 25-ю славную дивизию, вы должны знать, что это за дивизия...

И Василий Иванович коротенько рассказал о борьбе

дивизии с уральским белоказачеством, о порядках в дивизии, о дисциплине и тех задачах, которые стоят перед нами. Говорил он не совсем складно, но его слова проникали в глубину сознания и заставляли верить Чапаеву, идти на его призыв.

Бойцы нашего полка сразу полюбили своего командира. Одно его имя воодушевляло нас, удваивало нашу силу и храбрость. Бывали случаи, когда казалось, что нет сил сопротивляться белым, что остался один путь — отступление, но два слова: «Чапаев здесь!» — и бойцы с новой силой и уверенностью в победе бросались в атаку и побеждали.

Но не только одной храбрости учились бойцы у Василия Ивановича. Мы учились быть преданными делу революции, быть настоящими бойцами Красной армии, несколько не похожими на солдат старой армии и армии белых генералов. Никогда не забудутся слова Василия Ивановича о разнице между солдатами царской и белой армии и красноармейцами:

— Мы бойцы другого склада, ибо наша армия защищает революцию и трудовой народ.

При взятии нами села Трифоновки мы увидели двух своих кашеваров мертвыми, с изуродованными телами. Их замучили только за то, что они варили кашу для чапаевцев и, случайно очутившись в селе, не сказали, откуда они пришли.

Тела этих наших бойцов еще не остыли, когда Трифоновка уже нами была занята. Похоронили мы их на окраине деревни, в березовой роще. Василий Иванович в своем выступлении перед могилой призывал нас не поступать так зверски, как колчаковские бандиты.

За время пребывания в Чапаевской дивизии, до августа 1919 года, я несколько раз встречал всеми нами любимого командира — Василия Ивановича Чапаева, и эти встречи никогда не забудутся.

115. Соратник товарища Фрунзе

К полудню было отдано распоряжение: «Ночью перейти в наступление и сбить колчаковцев с занимаемой позиции».

На южном берегу реки Белой расположился наш артиллерийский дивизион. Местность здесь покрыта молодым леском. Берега реки кремнисты.

Сижу в землянке у телефонного аппарата, возле сделанной за эти дни переправы.

Передо мной в пустынной темноте теплой майской ночи тихо протекает Белая. Она поплескивает небольшими вол-

нами, ударяя о стены стоящих здесь двух пароходов, отбитых у колчаковцев три дня назад. Против нас, на том берегу, полуостров, заросший густыми деревьями. За полуостровом — окопы колчаковцев. Впереди окопов — проволочное заграждение.

Со вчерашнего дня начали перевозить на пароходах наши части на полуостров. Все делалось тихо. Раньше всего туда были отправлены батальон пехоты, пулеметная команда, кавэскадрон и один бронеавтомобиль. Оставшаяся пехота расположилась неподалеку от переправы, в кустах, наготове и ждала распоряжений.

В полночь товарищи Фрунзе и Чапаев уже были около переправы. Они уточняли план боевых действий.

Мы, связисты, обеспечили связь с переправленными частями. Сейчас лежим в укрытии и шопотом переговариваемся между собой о том, чтобы во время команды: «Огонь!» не получилось никакого замешательства.

Медленно идут минуты. Кажется, что они бесконечны. Но вот настало боевое время: без пяти минут два часа. По телефону передается команда «К бою готовьтесь!» И через несколько напряженных минут: «Огонь!»

В ответ ночную тишину разорвал грохот. Казалось, что земля от непрерывных выстрелов качается.

Чуть начала загораться зорька. На том берегу слышались крики «ура», треск пулеметов и ружейная стрельба.

Пароходы начали спешно перевозить остальные воинские части.

Передают с того берега по телефону: «Колчаковцы из окопов выбиты и в панике бегут. Наша пехота и кавалерия проходят проволочное заграждение».

Появляется Чапаев. Он хладнокровно и четко отдает распоряжение:

— На ту сторону!

Спустя полчаса наш пароход привез около сотни захваченных в плен татар-колчаковцев.

Сходили они на берег боязливо, жались друг к другу. О Красной армии офицерство наговорило им вороха неблиц.

Здесь пленных встретили Фрунзе и Чапаев.

Они зашли к ним в середину. О чем-то переговаривались между собой. Чапаев окинул взглядом пленных. Последние представляли собой жалкие существа: в рваных пиджачишках, в лаптях, обросшие, грязные.

— Ну, за что вы воюете?

Ответы на ломаном языке слышатся вразброд.

— Ну, а много здесь у Колчака войск?

— Много-много, да что оно: бить это войско, — оно бы все домой ходило, да офицер не пустил.

— Ну, а в наши ряды пойдете? — спрашивает товарищ Фрунзе. — Землю себе завоевывать хотите?

— Да. Давай нам винтовка, одевай, обувай — сейчас бить будем офицеров. Душить!..

— Василий Иванович, передай их в распоряжение комбригов, пусть сейчас же обмундируют, вооружат. Из них хорошие будут вояки, — говорит товарищ Фрунзе.

На этом и кончилось собеседование с пленными.

Фрунзе и Чапаев уехали в Красный Яр.

Орудийная стрельба стала смолкать. Наши пехотные части ушли уже верст восемь вперед. Артиллерия снимается с позиций. Из Красного Яра часов в десять утра направляемся в Уфу.

Въезжали в город часа в два дня. На улице многолюдно. Рабочие встречают наши части с криками «ура».

Через несколько дней отправляемся на станцию Чишмы для погрузки на Уральский фронт.

Двигаемся от станицы к станице. Преодолеваем расстояние с мелкими боями.

На десятые сутки мы были уже под стенами Уральска. Двигаемся стремительно: в городе 22-я дивизия. Она около трех месяцев совершенно отрезана от внешнего мира. В последние дни у нее вышел весь запас продовольствия. Обеспечивают продуктами рабочие города. Они даже не жалеют собственных коров на мясо бойцам.

Махорку и почту привозил аэроплан.

Неоднократные попытки казаков сломить сопротивление 22-й не увенчались успехом. Красноармейцы сумели отбить натиск казаков.

Прорвав казацкую цепь, мы двинулись в город. На улицах поперек дорог были развешаны плакаты: «Да здравствуют освободители-чапаевцы!»

Рабочие валили колоннами на площадь для встречи нас. Весь Уральск принял праздничный, торжественный вид. Бесконечные вереницы рабочих совместно с осажденными красноармейцами 22-й дивизии несмолкаемо кричали «ура». Рабочие обнимали красноармейцев. Оркестры играли гимны и марши. Трудящиеся города были довольны тем, что белоказаки вышиблены. Не приди Чапаевская дивизия во-время, контрреволюция потопила бы в крови весь город.

У осажденных было одно утешение: аэроплан ежедневно привозил им новости. А новости эти радостные: большевики

на всех фронтах побеждают, Колчак разгромлен, Уфа взята.

Празднование продолжалось целые сутки. Части 22-й дивизии были отведены на отдых, а нам предстоял далекий и трудный путь. От Уральска до Гурьева сотни верст — степь необъятная.

Продолжалось движение на Сахарную. Чтобы отразить казачьи набеги, приходилось за день несколько раз принимать боевой порядок.

За десять километров увидели пожар в Сахарной. Мы заключили, что это казаки жгут склады, чтобы ничего не оставлять красным.

При входе в станицу каждый красноармеец старался скорее добраться до воды. Около крайних хат стоял грузовик, наполненный буханками хлеба и другим провиантом.

Кто-то из первых рядов передал в хвост колонны, что приехал Чапаев. Мы оживились.

Чапаев, действительно, был уже в Сахарной.

К нему, лишь остановились подразделения, потянулся начсостав, с тем чтобы ознакомиться с положением наших войск и получить дальнейшие указания. Товарищ Чапаев приехал с этим грузовиком.

Наше подразделение остановилось за четыре двора от сгоревшей мазанки.

После команды: «Вольно! Закуривай» — мы поторопились скорее к воде, чтобы, утолив жажду, привести себя в порядок.

Через непродолжительное время послышалось:

— Горят! Горят!..

Мы кинулись к дымившейся еще мазанке, где лежали обуглившиеся человеческие трупы. Картина была жуткая.

Саманная мазанка была длиной саженой в пять и шириной сажени в три. Крыта она была камышом и имела потолок. В ней казаки держали пленных красноармейцев. И вот, когда белоказакам стало тужо и пришлось отступать, они заперли пленных в мазанку и зажгли.

Когда дым начал пленных душить, они полезли в дверь. Офицеры поставили у двери казаков, которые рубили всех вылезавших оттуда красноармейцев. Поэтому прямо у двери лежало несколько обгоревших трупов.

По рассказам жителей, пленных было человек около трехсот. Почти все они были сожжены.

Над красноармейцами издевались, как только могли. Раздевали их догола и секли плетями. Сопротивляющихся тут же зарубали. Коммунистам, попавшим в плен, вырезали ремни из спин.

Мне самому пришлось видеть в Уральске перчатку из кожи, содранной с руки пленного красноармейца.

Эти издевательства будили в каждом красноармейце острую ненависть к белоказакам.

Отдохнув часа три, мы снова пошли в наступление.

116. Самый любимый командир

В марте 1918 года я услышал, что в городе Николаевске имеется красногвардейский отряд, которым командует Чапаев, и что этот отряд скоро выступает против уральских белоказаков. «Пойду к Чапаеву», — подумал я.

Вскоре я разыскал командира батареи (раньше я был артиллеристом). На просьбу принять меня добровольцем в отряд командир дал положительный ответ и тут же повел меня в штаб к самому Чапаеву.

Штаб помещался в здании школы. Когда мы пришли, там было много народу. Чапаев сидел за столом и беседовал с командирами.

— Вот Ильин, артиллерист, к нам просится, — доложил командир батареи.

Чапаев окинул меня взглядом, помолчал, как бы разгадывая мои намерения, и спросил:

— Где служил-то?

— В артиллерии служил, — ответил я и назвал свою часть.

— Стрелять умеешь?

— Стрелял.

Чапаев еще раз посмотрел на меня.

— Ну, хорошо, принимаю.

117

В начале апреля наш отряд выступил в поход. Шли мы на Уральск. Шли все время с боями. Первый сильный бой, во время которого я узнал Чапаева как бесстрашного и опытного командира, был под станцией Семиглавый Мар.

Казаки разведали о нашем продвижении и напали на нас со всех сторон. Чапаев быстро оценил всю обстановку, переменял свой первоначальный план, произвел частичную перегруппировку. Он не упускал из виду ни одного соединения, наметил для каждого конкретные действия. Мы впервые тогда ощутили характерный чапаевский прием, который и в последующих боях применялся: подпустить поближе противника и быстро ударить всей своей силой.

Казаки наступали с уверенностью, что разобьют нас. Шли они с гиком, сплошной массой. Мы, новички, удивлялись, почему Чапаев медлит. Но Чапаев знал, что надо делать.

Подпустив казаков вплотную, он скомандовал:

— Огонь!

Казаки, встретив внезапный отпор, остановились, спешились и залегли в цепь. Мы ударили в атаку и скоро обратили их в бегство.

Любовь красноармейцев к своему командиру росла с каждым днем.

Помню еще бои под станцией Шипово, которая переходила из рук в руки три раза.

Во время этих боев у нас вышли все снаряды. Командир послал меня к Чапаеву с донесением. Когда я прискакал к нему, он в этот момент входил в одну из халуп поселка, где был его штаб. Вслед за Чапаевым вошел и я.

— Василий Иванович, донесение из батареи.

Чапаев быстро повернулся ко мне и крикнул:

— Что вы там не стреляете?

— В донесении написано, почему.

Чапаев прочел донесение и вскипел еще пуще. Отругав командира, меня и других, он написал ответ.

— Отдай сейчас же, немедленно. Чтобы снаряды к утру были. Понял?

Всю ночь мы не спали, достали снаряды, а утром батарея снова открыла огонь по казакам.

Чапаев не любил неряшливых бойцов, не выносил недисциплинированности. Однажды, проезжая по всем колоннам, Василий Иванович заметил, что на зарядных ящиках везли овес, а у одного ездового лошадь схватила мешок зубами и разорвала. Зерно посыпалось на землю. Чапаев подъехал ближе.

— Ты что же это, спишь, что ли? — закричал он на ездового. — Мы тут каждое зерно берем на счет, крестьяне отдают нам последний свой фураж, а ты пускаешь его на ветер. Хочешь заморить наших коней?

Непосредственное внушение Чапаева так повлияло на красноармейца, что он стал самым аккуратным бойцом.

Не было ни одного случая нарушения дисциплины, чтобы Чапаев не знал о нем и не поговорил с нарушителем. Особенно Василий Иванович наказывал тех, которые подрывали авторитет Красной армии тем, что обижали местное население. Первые его слова были: «Ты защищаешь рабочих и крестьян, а сам же обижаешь их».

Помнится мне, когда бойцы узнали, что Чапаев переведен в 22-ю дивизию, все загрустили, затревожились. Никому не хотелось расставаться с Василием Ивановичем.

А сколько было радости, когда Чапаев снова явился к нам в 25-ю дивизию! Было это весной 1919 года, в момент, когда части перебрасывали с Уральского фронта на Колчака.

Я увидел Чапаева в Бузулуке на собрании начсостава. Одет был Чапаев в новенькое обмундирование — защитного цвета гимнастерка, португя, синие брюки, на голове черная каракулевая шапка. После такие шапки были почти у всего начсостава Чапаевской дивизии: всем командирам и бойцам хотелось хоть немножко походить на Чапаева. Были такие случаи, когда красноармейцы, не имея черных шапок, приспособливали дамские муфты, а вместо красного околыша прицепляли к муфте красную материю, и получалась шапка-чапаевка.

На собрании начсостава Василий Иванович говорил мало, но деловито. Касаясь непосредственно задач, стоявших перед 25-й дивизией, Чапаев заявил:

— Перед нами, товарищи, враг сильный, вооруженный лучше, чем мы. Это надо, конечно, понимать. Но все это нам не страшно. Царского отребья не боимся, устоим перед любым напором. Правильно? Правильно!

Когда аплодисменты утихли, Василий Иванович продолжал:

— Эти сволочи нам не страшны. Уральск взяли? Взяли. Разгромили казару и золотопогонников? Разгромили. И тут наша возьмет.

После собрания кто-то спросил Чапаева о том, как он учился в академии, почему не окончил учения. Этот вопрос, видимо, раздражал Василия Ивановича, ибо на него он отвечал нехотя и сухо:

— Не захотел отсиживаться в тылу, ну вот и не закончил...

— Расскажи, Василий Иванович: как там, трудно, что ли?

Чапаев посмотрел на спрашивающего, улыбнулся в усы и рассказал о том, как он проходил испытание и как поспорил с одним преподавателем.

— ... Там в академии есть и такие, которые за столами воюют, по картам, а сами пороху и не нюхали, — продолжал Чапаев и, помолчав, улыбнулся, как бы вспомнив что-то смешное.

Мы тоже молчали. Ждали, что дальше скажет Чапаев.

— Вот начали один раз вертеть да крутить меня по карт, — заговорил снова Василий Иванович. — Ну, на картах у них лучше выходит. Начали мы воевать. Один полковник

заявляет мне: «Вы, товарищ Чапаев, обойдены со всех сторон, ваши части разбиты». Ну, взяла меня обида — какой-то полковник разбивает меня! Не выдержал я, стукнул по столу и говорю ему: «Ну-ка, давай на самом деле. Ты vedi своих белых, а я поведу своих красных, и я тебя на практике все равно разобью».

Чапаеву не дали закончить, зааплодировали, закричали: «Правильно, верно!» Долго все смеялись. Смеялся и сам Чапаев.

— Ну, начал письма писать нашим руководителям, что уйду сам, коль не отпустите. Отпустили.

— А ты, Василь Иванович, все-таки штаны-то генеральские надел, — сказал кто-то шутливо.

Чапаев посмотрел на новые брюки, словно до этого он их не видел.

— Чорт с ними, все равно на седле изорву!

118

Пленные удивлялись обращению Чапаева с ними. Однажды под Уфой к нам явилось много перебежчиков. Выборный от них попросил допустить его к Чапаеву.

Между Чапаевым и перебежчиком-татарином произошел разговор.

— Мы были у белых и много слыхали, что Чапаев хороший человек. Ой, какой хороший! Наши люди бедные, наши к вам в плен пришли.

— Хороший, говоришь, человек? — засмеялся Василий Иванович. — Может, боишься, что расстреляю, вот и хвалишь?

— Нет, нет, товарищ командир. Наши знают, что Чапаев бедняков не расстреляет, беднякам помогает свою землю иметь.

— Ну, ладно. Говоришь ты хорошо, а у белых служил. Скажи своим, что приду, поговорю, тогда решим, что делать.

Вскоре Василий Иванович подошел к пленным, которых было человек двести. Он поздоровался с ними, посмотрел на всех. Заметил, что все были грязные, оборванные, усталые.

— Значит, у белых служили?

Никто не ответил. Выборный, тот, который уже разговаривал с Чапаевым, улыбался. Он знал, что красный командир совсем не «зверь», как о нем говорили белые офицеры, а хороший человек.

— А свои земли будете защищать?

Выборный кивнул головой и за всех ответил:

— Будем. Чего мы знаем? Мы мобилизованы и стрелять не стреляли. Зачем своих стрелять? Вы все наши...

— Правильно. У меня добровольцами будете служить?

— На то и пришли, — в один голос заговорило несколько человек.

— Ну так вот, будем друзьями. А если кто недоброе надумает — расстреляю...

Пленные стояли молча, но они понимали, что Чапаев не расстреляет, так же как и они никогда не изменят ему.

Василий Иванович распорядился вымыть, одеть, накормить и распределить их по частям первой бригады.

119. Рассказ краснознаменца

Был со мной такой случай. Наступали мы на Колчака. Вдруг среди наших началась паника. Я был пулеметчиком в 10-й роте, начальником пулемета был Родион Ушкин. Когда несколько человек побежало, Ушкин и говорит мне:

— Давай сматываться!

— Не могу, не отступлю, — отвечаю я.

— Ну, как хочешь, а пулемет работать не будет.

— Я тебе пулемета не дам, а ты можешь идти, — и оттолкнул его.

Ушкин ушел. Я начал стрелять — цепи каппелевцев наступали уже близко. У моего пулемета осталось около пятидесяти тысяч готовых патронов.

Я пропустил несколько тысяч патронов, пока не закипела в пулемете вода. Думаю себе: «Если я буду еще стрелять, не сумею отстрелиться, заест пулемет». Прекратил стрельбу для охлаждения пулемета. Стою, жду, а каппелевцы идут в три цепи. Близко уже. Начал я снова их щипать с простого прицела 32, наводка в ноги, попадал в живот. Тысяч семь выпустил — каппелевцы как снопы валятся. Смотрю — эскадрон кавалерии кольцом идет. Сейчас же меняю прицел, делаю с рассеиванием, вожу кругом. Поразил несколько всадников, остальные отступили назад в панике.

После боя вызвал меня Чапаев.

— Молодец, Клоктунов, — сказал Чапаев, — первого награжу! — поцеловал меня Василий Иванович и так ласково погладил по голове, словно я малое дитё.

И действительно, Василий Иванович точно выполнил свое слово. В июне или в июле, точно не помню, Василий Иванович вызвал меня в штаб: «Немедленно явиться». Что такое, кумекаю себе, случилось? А о том, что награда мне обещана была, я и забыл.

— Здравствуйте, Василий Иванович!

— Здорово, герой! Ты вот что — поди, чистое белье надень. Да быстро. Орден будешь получать.

Ну, значит, переоделся я, возвращаюсь, а Василий Иванович уже на площади отдает команду:

— Смирна-а! Равняйся!

А парад этот был по случаю прибытия членов ВЦИК для награждения дивизии красным знаменем. Член ВЦИК произнес речь и передал знамя Чапаеву. Взял знамя Василий Иванович и сказал:

— Спасибо. Это знамя не отдадим никому, и с ним мы всегда будем впереди.

После этого снова поднялся на трибуну член ВЦИК.

— Награждается славный командир Василий Иванович Чапаев орденом Красного знамени.

Все мы горячо приветствовали нашего любимого командира. А Чапаев речь сказал:

— Принимая эту дорогую награду от нашего рабоче-крестьянского правительства, я даю клятву вести свою дивизию вперед до полной победы. Не я один, но сотни моих бойцов будут с орденами.

Вслед за Василием Ивановичем и я орден Красного знамени получил.

120

Первый раз увидел я Чапаева в боевой обстановке под нашим селом Николаевкой. Три раза переходило село из рук в руки. Никак не могли победить ни мы, ни чехи. Но мы не отступали. Наконец Чапаев повел наступление с двух сторон, выслал вперед эскадрон кавалерии. Чехов окружили в кольцо. Их polegло тогда самую малость триста пятьдесят человек. Окончательно выжили чехов на Воздвижение и погнали их почти до самой Самары. В селе Воскресенке нам сообщили, что в Иващенкове (теперь Чапаевск) рабочие отряды окружены чехами. Чапаев всегда держал связь с рабочими, а тут весть такая! На лошадей — и помчались. Чехов мы и там разбили, хотя малость уже опоздали: много рабочих было расстреляно чехами.

121

Чапаев скажет, бывало:

— Нас никто не может взять. Ребята все хорошие, а я тоже не дам маху.

И любил он идти вперед и никогда не отступать.

Однажды наша разведка наскочила на белоказачий автомобиль. Приехали, доложили Чапаеву. Обиделся он:

— Эх вы, какие вы чапаевцы!? Гнали бы сюда-а!

Сейчас же сел верхом, взял ординарца, двух кавалеристов и ускакал. Смотрим — гонит машину и пленных, офицера и шофера, ведет.

— Машины нам нужны.

Да, смелый был наш Чапаев.

122. Освобождение Уральска

Сам я уральский рабочий. Узнал я Чапаева, когда он первый раз взял Уральск и освободил нас из белоказачьего плена. По освобождении я тут же вступил в Красную армию. В короткое время я изучил пулемет, и меня зачислили вторым номером.

Весной 1919 года я был в числе осажденных в Уральске. Около двух месяцев томились мы там, выбивались из последних сил, но города не сдавали.

Кажется, в июне мы дежурили в поселке Новеньком, в тринадцати верстах от Уральска. На рассвете показалась конная разведка. Навстречу мы выслали свою разведку. Мы были приятно удивлены, узнав, что это была разведка Чапаевской дивизии. Через несколько минут на автомашине подъехал Василий Иванович Чапаев. Машина остановилась возле наших окопов. Воодушевлению и восторгу бойцов не было границ. В одну минуту они сбежались из всех окопов, и стихийно начался митинг. Оглушительные крики «ура» долгое время не давали говорить Чапаеву.

— Здравствуйте, орлы боевые! — начал Чапаев свою речь — Здравствуйте, доблестные сыны народа! Большое вам, товарищи командиры, политработники и бойцы, спасибо за то, что не отдали Уральск врагу. Много пришлось бы положить сил, чтобы вернуть его обратно, а вы его сберегли. Два месяца смотрела вам смерть в глаза, но вы, достойные сыны народа, не испугались смерти, вы мужественно отстаивали завоевание революции. Вы еще раз доказали, на что способны наши славные бойцы. Вперед, до полной победы, товарищи! Ура!

И опять громовое «ура» раскатилось по окопам.

Чапаев нас благодарил. А как же мы-то его должны были благодарить! Меня и многих моих товарищей он уже второй раз спасал от неизбежной смерти.

Никогда не забуду, как Чапаев и Фрунзе организовали переправу через реку Белую в боях за овладение Уфой. Сверху обстреливали нас колчаковские аэропланы. Чапаев на это сердился, но не велел нам терять попусту патронов. Хищники летали очень высоко. В это время Чапаев был ранен в голову и с завязанной головой руководил переправой. Одет он был просто, как простой рядовой.

Как только переправились наши пехотинцы на ту сторону, их наступление немедленно возглавили Фрунзе и Чапаев. Они приехали верхами, спешились и пошли в цепь передовыми. Мы все, как один, бросились за ними вперед. Колчаковцы дрогнули и начали отступать.

В Уфе нас встретили с восторгом уфимские рабочие. Здесь мы стояли трое-четверо суток. Чапаев собрал митинг. Он говорил не много:

— Вот, красные герои, нам было распоряжение забрать Уфу — мы забрали. Есть слух, что Уральск осажден белыми казаками, — пойдем туда каймаку отведать.

И мы двинулись снова на Уральск. Без боя шли мы от Борского до Соболева. Здесь начались жестокие стычки с казаками. Чапаев лично водил нас в атаки. Верхом на горячем коне он промчится, бывало, по фронту, крикнет: «Ура!..» — и мы все идем за ним напролом.

Когда мы забрали Уральск, Чапаев с Фурмановым ехали впереди. Нас встречали с флагами и плакатами с надписями: «Да здравствует 25-я Чапаевская дивизия!» «Да здравствуют освободители Уральска!» Собрался митинг. Чапаев выступил с речью:

— Вот, товарищи, нам было распоряжение забрать Уфу, это мы сделали. Было задание освободить Уральск — и это мы выполнили. Чапаевцы всегда верно служили революции и будут бороться до полной победы. Я на вас надеюсь, товарищи бойцы, что через три недели мы будем в Гурьеве.

Мы продолжали гнать белоказачков с боями от Уральска. Забираясь в самую глушь степей, мы не отрывались от жизни всей страны: получали газеты, политработники проводили беседы в каждую минуту передышки.

Помню, в Янайкине на улице Фурманов делал доклад. Он рассказывал, какие у нас достижения и где какие еще надо ликвидировать фронты. Он говорил сначала тихо, а потом отчетливо и громко, говорил долго. С этого митинга расходились с песнями.

В Лбищенске мы освободили из рук белых палачей много

пленных красноармейцев, которые не могли ходить, раны их были полны червей. По предложению Фурманова были собраны пожертвования в пользу больных и раненых товарищей. Мы выделили им из своего скромного пайка сахар, хлеб. На площади был устроен смотр войскам. Чапаев награждал Домашкинский полк знаменем и подарками, играла духовая музыка. Чапаев плясал, и всем было весело и радостно, что с нами такой хороший, простой командир, родной и близкий всем как в боях, так и на отдыхе.

124. Строго карал за нарушение дисциплины

Запомнились два случая, которые говорят о том, что и недостойное поведение своих бойцов и происки врагов Чапаев пресекал на месте, в зародыше.

Вечером мы, несколько бойцов, собрались в одной хате. Сперва пели песни, а потом начали играть в карты.

В это время Чапаев обходил все квартиры. Незаметным образом входит он в нашу хату, подходит к нашему кружку, забирает деньги и карты и говорит:

— Кто вам разрешил заниматься картами?

Все молчат.

— Разве мы сюда пришли в карты играть? Когда кругом казаки рыщут, а вам карты? Нужно винтовку изучать да лошадей кормить! Если вы мне еще попадетесь, я буду принимать строгие меры.

Деньги он перед уходом нам, конечно, отдал, но больше мы уж за карты не брались.

125

В Балашевском полку завелись один раз белогвардейские агенты. Они подбили группу мобилизованных не выполнять приказ о наступлении. Узнал об этом Василий Иванович, приказал выстроить все полки на площади. Когда было все готово, он приезжает на автомашине и открывает митинг. Сразу, в упор спрашивает балашевцев, почему они не пошли в бой. Те молчат... Тогда он заявил им:

— Что же вы заставляете меня поступать с вами, как с изменниками социалистической родины...

По команде Василия Ивановича полки Пензенский и имени Гарибальди взяли винтовки наизготовку. Тогда бойцы Балашевского полка закричали:

— Василий Иванович, мы сейчас скажем, кто подбивал не выступать!

Они указали на двенадцать человек. Чапаев отправил их в ревтрибунал. После уничтожения этой сволочи балашевы больше никогда не позорили имя чапаевцев.

126. Похвала Чапаева

Я воевал вместе с Чапаевым. Отважный он был человек. Вот однажды зажали нас в Харитоновке, мы уж чуть было бежать не пустились, тогда он взял пулемет, перебежал с ним вал и давай жарить по белым. Ну, мы видим, что Чапай впереди, и тоже вперед подались. Разбили белых и отдыхаем. Вот Чапаев и говорит нам:

— А давно бы вам воевать так надо, а то привыкли там за баб-то прятаться!.. Ну, — говорит, — идемте, отдохнем хорошенько, броневиков подождем наших, а там и в атаку пойдем.

Маленько погодя, приходит один броневик. Ну, и пошли мы атаковать село или форпост Таловое. Нас опять там зажали, и мы опять чуть назад не побежали, только он нас остановил:

— Стой, ребята, мы сейчас им покажем!

Сел сам в броневик и давай шпарить оттуда, — мы за ним. И взяли эту самую Таловую. Вылез он тогда, черный, закопченный, как уголь, из броневика и кричит:

— Ништо, ребята, молодцы!

С Таловой мы пошли на Уральск, и вот тогда он издал приказ нам, чтобы занять Уральск, не дебоширить там и вести себя по-культурному, — в общем, чтобы культура у нас была стопроцентная.

И правда, зашли мы в Уральск тихо и спокойно и вели себя там по-культурному. И он нас опять похвалил.

127. Два случая с пленными

Однажды, перед Гремучим хутором, я пошел в разведку. Всего нас поехало пять человек. И вот там мы встретились с казачьей разведкой. Порубили одного, одного в плен взяли, а остальные удрали. Привели пленного к Чапаеву, он его допросил и потом говорит нам:

— Ну, вот что, ребята: я отдаю его в ваше распоряжение. Делайте с ним, что хотите, хотите — расстреляйте, хотите — отпустите.

Взяли мы пленного, посоветовались и решили расстрелять.

Чапаев тогда сказал нам:

— Правильно, ребята! Разбираетесь вы теперь во врагах. Этот гад, белый офицер, наших много зарубил.

А однажды был и такой случай.

Забрали мы в плен трех молодых казаков. Чапаев допросил их и потом говорит нам:

— Вот, ребята, борьба-то борьбой, а надо знать, как и с кем бороться. Если мы их отпустим, тогда они поймут, что мы не живодеры и что мы не каждого встречного и поперечного расстреливаем, а только лишь офицеров да помещиков. Эти казаки молодые, мобилизованы насильно, и если мы их отпустим, они там расскажут про это, и, пожалуй, тогда больше пользы нам будет.

Видим — решил Чапаев их отпустить.

Вывели этих пленных, он вышел к ним и сказал:

— Вот что, казаки: вы сейчас враги нам, и мы должны вас расстрелять, но мы не расстреливаем простых бедных казаков, отпускаем вас, идите. Но только уж больше с оружием против нас не попадайтесь. Уйдете домой, скажите там, что Чапаев расстреливает только помещиков, офицеров да кулаков, которые вредны рабоче-крестьянскому классу...

Пленные обрадовались и домой пошли. Часто Чапаев так делал, и многие из пленных переходили к нам.

128. Мы отомстили за него

Ни один командир, политработник и боец никогда не забудут Василия Ивановича Чапаева. Он был не только командиром, отдававшим приказы о наступлении, а был и командиром, и учителем, и товарищем, которого нельзя не любить.

Впервые я увидел Чапаева под Бугурусланом весной 1919 года, когда прибыл вместе с пополнением из Сызрани. На первый взгляд Чапаев мне показался строгим. Одет он был в полушубок, на голове черная каракулевая шапка с красным дном и перегибом назад. Лицо было черное и казалось очень сердитым. В связи с прибытием пополнения было устроено собрание. Василий Иванович обратился к нам с речью:

— Знаете ли, куда вы влились? Знаете ли вы, какая важная задача стоит перед вами? Вы влились в 25-ю дивизию...

Чапаев вкратце познакомил нас с теми подвигами, которые совершила дивизия в борьбе с уральским белоказачеством, призывал нас учиться у чапаевцев, быть такими же преданными и такими же бесстрашными.

Василий Иванович на месте не стоял — все время ходил

взад и вперед. К концу собрания у меня изменилось мнение о Чапаеве. Я был уверен, что перед нами замечательный командир, учитель и человек.

На протяжении всей совместной работы с Василием Ивановичем я вслушивался в каждое его слово, старался заслужить доверие и оправдать то, к чему он нас призывал.

Трудно теперь рассказывать о всех встречах с Чапаевым, о всех его указаниях, советах, но некоторые помнятся хорошо. Вспоминается, как однажды приехал к нам Чапаев, когда мы были в дороге к Уфе. Чапаев говорил с нами, дал указания о связи с Домашкинским полком и о порядке наступления на Уфу. В его беседе чувствовалась уверенность в том, что Уфа будет нашей, и он призывал нас не останавливаться ни перед чем. Тут же Василий Иванович предупредил о том, чтобы никто не смел обижать население. Чапаев узнал, что многие бойцы и командиры самостоятельно производили обмен лошадей, оставляя крестьянам своих плохих и больных и беря у них моложе и крепче. Василий Иванович категорически запретил это делать. Вместе с этим он указал нам, как обращаться с пленными, строго запретил самосуды, избиения и разведения пленных.

Помнится один случай. Наш красноармеец снял с пленного хорошее обмундирование и нарядился. Чапаев подошел к красноармейцу, похлопал по плечу, сказал:

— Видишь, на кого ты теперь похож? Выглядишь теперь ты чистым каппелевцем.

Этим словами Василий Иванович дал понять красноармейцу, что своим поступком он оказался похожим на белогвардейца-каппелевца.

Будучи сам хорошим пулеметчиком, Василий Иванович подходил к пулеметам и просматривал, как они работали в боевой обстановке. Подойдя как-то к одному из пулеметчиков моей команды, Василий Иванович приказал прекратить огонь. Он заметил, что пулемет слишком нагрелся и неправильно собран. В боевой обстановке нашел Чапаев время разъяснить, какие последствия могут быть от неправильной сборки пулемета. Он крепко поругал и начальника пулемета и меня. Его строгие замечания всегда помогали командирам и бойцам.

Однажды во время боя, подойдя к начальнику пулемета моего взвода, Василий Иванович крикнул:

— Эй, шляпа! Пули-то ложатся перед носом у тебя! Какой прицел поставил? — И Чапаев лег рядом у пулемета, показал, как надо отыскивать прицел.

— Ну, видал, какой прицел? Ну, как, хорошо? Вот так и давай!

И мне тут попало как следует. Василий Иванович дал такую проборку, что я ночи не спал. Мне было стыдно за то, что я своих бойцов не мог во-время подготовить.

— Плохо, плохо у тебя, Лукьянов, — сказал Василий Иванович.

А я только и мог ответить ему:

— Василий Иванович, будет сделано.

После взятия Уфы было решено 25-ю дивизию снова бросить на Уральский фронт. Василий Иванович собрал всех командиров и разъяснял разницу борьбы между колчаковскими войсками и уральскими казаками.

— Белые казаки — это сложный враг, он впереди, сзади и по бокам у нас.

Чапаев учил, как надо обращаться с местными жителями казачьих станиц, какую иметь осторожность.

— Уральск и Гурьев мы должны взять в две недели, — заявил Василий Иванович в конце собрания.

И действительно, мы вскоре взяли Уральск, освободив осажденные казаками части Красной армии.

Здесь уже Чапаева знали как своего спасителя. Жители Уральска встречали чапаевцев с цветами, все кричали: «Ура Василию Ивановичу!», «Слава герою Чапаеву!», «Да здравствует Красная армия!»

...Не хотелось верить, что Чапаев убит. Но эта трагическая весть, к сожалению, была правдой. «Чапаев убит. Скорей на казаков, скорей отомстить за своего любимого командира и учителя!» — так думал каждый чапаевец.

Ошеломляющее известие о гибели Чапаева мы получили в станице Сахарной. Не найдешь таких слов, чтобы передать то горе, которое переживал в те часы каждый боец, командир и политработник. Мы не чувствовали никакой усталости, идя на Лбищенск. Хотелось бегом добежать, хотелось поскорее показать белоказакам, чего им будет стоить смерть нашего любимого командира.

В Лбищенске оставались свежие следы неравного боя чапаевцев с белогвардейцами. Лбищенск дымился от пожара. На улицах — трупы людей, лошадей, брошенные повозки, у штаба дивизии — разбросанные бумаги.

Мы остановились в Лбищенске, чтобы сказать Чапаеву и его бойцам последнее «прости». Мы поклялись выполнить задачу, поставленную Василием Ивановичем, — разгромить врага, и мы его разгромили.

Дни стояли ясные. Шел сентябрь, но еще не было ни дождей, ни слякоти.

Я был начальником по организации снабжения дивизии мукой.

— Вас просит Василий Иванович, — сказал, войдя в дом, в котором находилась наша контора, нарочный Чапаева.

Я и заместитель заведующего дивизионной хлебопекарней, фамилию которого я сейчас не помню, пошли в штаб дивизии. Василий Иванович стоял на улице, у штаба.

— Ну, как у вас идут дела? Какой запас муки, сколько хлеба в день выпекаете? — начал расспрашивать нас Чапаев.

Я доложил обо всем подробно. Василий Иванович одобрил проводимые нами мероприятия и сказал:

— Положение создается такое, что сейчас нужно подналечь. Нужно во что бы то ни стало увеличить выпечку и улучшить снабжение передовых частей хлебом.

Василий Иванович распорядился быстрее организовать работу походных печей. Подошел комендант. Разговор наш был прерван.

— Наши натолкнулись на казачью разведку. Что прикажете делать? — сказал комендант.

— Всем в окопы и быть готовыми отразить наступление, — отдал приказ Василий Иванович, а сам пошел в штаб.

До поздней ночи мы, подняв на ноги всех бойцов-пекарей, налаживали установку походных печей. Когда нельзя было уже продолжать работу, мы разошлись по квартирам.

Было тихо. На улицах кроме военных почти никого не было. Бойцы сновали взад и вперед. Каждый из них шел по своим делам. Одни возвращались со сторожевых постов, другие уходили на смену. Всюду чувствовалась напряженность, озабоченность.

Не успели мы уснуть, началась стрельба. Я выбежал на улицу. Кто стрелял, в кого стрелял, понять было трудно. Было еще темно. В трех—пяти шагах нельзя было различить ни одного человека. Вынув из кобуры наган, я побежал по направлению к Уралу. Случайно я попал к землянке, где около двухсот бойцов вели усиленную перестрелку с белоказаками. Стрельба велась наугад, в ту сторону, откуда летели густым дождем разрывные пули «дум-дум».

Стало светать. Перед нами открылась песчаная степь и небольшой лесок, из которого временами выезжали казаки и, помахивая обнаженными клинками, бросались в атаку.

Все попытки напасть на нас и начать рубку казакам не удались. Стреляя метко, расчетливо, мы отражали атаку за атакой.

— Держись, товарищи! Наступила жара! — крикнул один из бойцов, подбежавших к нам на подкрепление. — Василий Иванович послал за кавалеристами, — добавил этот боец.

Кавалерийский полк стоял примерно в семидесяти километрах от Лбищенска к Гурьеву. Мы с новой силой, с еще большей энергией начали отбивать казацкие атаки. Но у нас патроны подходили к концу, а пополнять запас было неоткуда, так как склады с боеприпасами были взяты белоказаками.

К нам прибежал товарищ Чапаев. Чтобы укрепить позицию, Василий Иванович предложил рыть окопы поперек улиц. Рыть было нечем, не было у нас в это время ни лопат и ни одной кирки.

— Василий Иванович, патроны на исходе, — в один голос заявило несколько бойцов.

— Сорок человек за мной! — скомандовал Чапаев и побежал в центр Лбищенска, к складам за боеприпасами.

Прошла минута, не больше, к нам подбежал комбриг, которого все за его старость звали «дедушкой». Дедушка комбриг спросил у нас о Чапаеве и убежал также в центр, к штабу дивизии.

Белоказаки не прекращали свое наступление. С нашей стороны стрельбы почти не было. С противоположной стороны, с тыла, по нас казаки открыли оружейный огонь. После упорного и неравного боя мы бросились к Уралу. Кавалерийские части запоздали, патронов мы ниоткуда не получали. Пользуясь прекращением стрельбы и заметив убегающих бойцов, казаки сначала очень осторожно, а потом смелей кинулись в погоню за нами.

Со всех сторон Лбищенска, к крутому берегу реки, на ходу готовясь к плаванию, бежали наши бойцы. Мутные, бурливые волны Урала мгновенно приняли в себя сотни людей. Подковообразный берег ничем не прикрывал нас. Все мы были как на ладони.

Казаки, густой цепью расположившись на крутом берегу, из винтовок и пулеметов открыли перекрестный огонь по воде. Часть верховых бородачей-казаков, догоняя бойцов, безжалостно рубила безоружных. Зверству не было предела. Даже раненых, не способных передвигаться, казаки уничтожали, делая это равнодушно, с ловкостью мясников.

Переплывшие Урал бойцы убегали в лес, находившийся на территории красных, и группами уходили к Бударино.

Здесь опасность нам не угрожала. Мы шли, разговаривая о понесенном поражении. Только теперь нам стало ясно, что мы были преданы белоказакам. Кем — неизвестно, но без этого казаки не смогли бы захватить оружейные склады, не могли бы нанести нам столь громадного ущерба.

— А где теперь Василий Иванович? Жив ли он? — задавали мы друг другу вопросы.

— Конечно, жив! Такого командира взять не так-то легко.

— Нет, белоказакам живым он не дастся...

«Где он, наш любимый командир? Наш друг! Наш товарищ! Нет, его ни одна пуля не возьмет», — с этими мыслями мы снова подходили к Уралу, внимательно приглядываясь к местности, прислушиваясь к каждому шороху.

Не помню, кто из шедших с нами рассказал о том, что Василий Иванович Чапаев, после того как повел от землянки сорок бойцов, пытался отбить у казаков взятые ими склады и наладить снабжение бойцов боеприпасами.

Этого сделать ему, видимо, не удалось. Что с ним стало дальше, никто из нас не видел. Только уж когда мы пришли в Бударино, присоединившись к маршевым ротам, предназначенным для пополнения боевых частей дивизии, мы узнали о том, что Василий Иванович был ранен и погиб, утонул в уральских водах.

Мы рвались к Лбищенску. Чапаева среди нас не было, но мы действовали по-чапаевски, нанося врагу меткий удар за ударом.

Вскоре Лбищенск снова был взят нами, мы отомстили врагам за смерть нашего любимого комдива.

130. Как погиб Чапаев

Весь военный гарнизон города Лбищенска спал крепким сном, исключая только нескольких патрулей, бродивших по улицам города. Враг незаметно для часовых подкрадывался, подходя все ближе и ближе. Прозвучал один выстрел, за ним другой... Так начался тот памятный черный день — 5 сентября 1919 года.

Окружив город, казаки открыли огонь из ружей и пулеметов; стреляла одна траншейка, которая почему-то все время делала перелет.

При первых же выстрелах была поднята военная тревога, однако уже невозможно было принять какой-либо боевой порядок. Часть красноармейцев охватила паника, многие без толку метались в разные стороны, натываясь в конце

концов на верную смерть, которая встречала людей в каждом переулке города, занятого белыми.

Только у штаба дивизии собралось нас около двухсот человек вокруг товарища Чапаева. Он отдал распоряжение рассыпаться в цепь по окраине города. Нашей группе предстояло двигаться по направлению к кладбищу, куда мы и побежали под командой товарища Чапаева. К сожалению, кладбище уже было занято неприятелем, который встретил нас сильным оружейным и пулеметным огнем. Василий Иванович командует:

— В атаку!

Сбиваем противника, оттесняем его на двадцать, тридцать, сто метров. В этот момент подбегает к товарищу Чапаеву красноармеец, докладывает ему, что казаки заходят нам в тыл. Василий Иванович подает команду:

— Отходить в боевом порядке к реке!

При отступлении Чапаев был ранен в руку, однако и виду не показывал. До берега оставалось не больше тридцати метров. Рассвирепевшие казаки, чувствуя нашу слабость, еще сильнее сдавливали всех к берегу Урала. Положение было, действительно, безвыходное. Нужно бросаться в воду — не даваться живыми в руки врага.

Стали спускаться с десятисаженной крутизны в воду, где уже барахталось много красноармейцев. Совершенно не умеющие плавать, изнемогая, хватались друг за друга, шли ко дну. Державшихся на воде непрерывно обстреливали казаки.

Берег, усеянный ранеными красноармейцами, представлял ужасное зрелище. Казаки штыками и прикладами сталкивали с крутого берега в воду изнемогающих красноармейцев.

Василий Иванович с группой товарищей из штаба пядь за пядью сдерживал напор врага. Он последним погрузился в воду.

Озлобленные казаки пытались схватить живьем Василия Ивановича, но встретили жестокое сопротивление со стороны оставшейся на берегу небольшой группы красноармейцев. Казацкие цепи открыли тогда страшный огонь по нашему любимому комдиву. Василий Иванович доплыл в это время примерно до середины реки.

Он плыл, работая одной здоровой рукой, громко проклиная бесившихся на берегу белогвардейцев. И вдруг смолк. Его тонкого голоса уже больше не было слышно.

Пули поднимали вокруг нас брызги воды, смешанной с кровью убитых товарищей. Сильным огнем казаки добивали оставшихся в живых на берегу, обстреливали доплывающих

до противоположного берега. Из трех-четырёх сот пливших нас вышло на берег всего пятнадцать-двадцать человек. Но среди нас не было Василия Ивановича. Горе наше было неизмеримо. Мы отползали от берега и снова возвращались к нему, в надежде, что вот-вот покажется наш дорогой товарищ Чапаев. Но волны Урала так и не отдали нам его.

131. «А может, это легенда»

Из похода на Уральск особенно запомнился мне митинг, на котором выступал Чапаев. Говорил о том, что наши товарищи в осажденном Уральске сидят без табаку. Собрали мы махорки, и сам Василий Иванович возил ее на аэроплане осажденным. А когда прогнали мы белую казару из Уральска, пошли до самой Сахарной.

Я был в Сахарной, когда погиб Чапаев, и о его гибели я знаю только по рассказам.

Прискакали к нам в Сахарную из Лбищенска, говорят: — Штаб дивизии разбит. Наверное, убит Чапаев.

Тяжелая это была для нас весть! Зажглись наши сердца страшной ненавистью, и решили мы заплатить за гибель любимого нашего командира полным разгромом белых банд.

Рассказывали мне потом казаки:

— Наутро, когда все закончилось и мы заняли Лбищенск, въезжает машина. В ней — заместитель генерала Толстова.

Подходит к машине человек.

— Ты кто? — спрашивает его полковник.

— Я? — Выстрелил из нагана и бежать.

Тут его ранили, а он кинулся в Урал, и больше его не видели.

Все считали, будто это был Чапаев. А может, это легенда, одна из тех, которые ходят теперь по уральским степям о славном комдиве Чапаеве.

132. «Не мог Чапаев погибнуть»

Героическая смерть Василия Ивановича Чапаева была близко принята к сердцу всеми трудящимися Советской страны. Врагу мы жестоко отомстили. Как переживала эту смерть семья героя — жена и дети, рассказал нам сын героя — Александр.

— В сентябре 1919 года, — говорит он, — как сейчас помню, вечером приехала мать. Безутешно плачет, но нам ничего не говорит. Затем она собрала нас всех к столу и, рыдая, проговорила:

— Вашего папу убили казаки!

Все дети громко заплакали, только я не проронил слезы: в горле комок застрял, а не плачу.

В этот же вечер приходили боевые товарищи отца — нас утешать. Люди не переставали к нам ходить, а на людях как-то лучше переносишь горе. Дней этак через десять стали приходить к нам раненые красноармейцы из-под самого Лбищенска. Помню одного из них, который прожил у нас очень долго. Пришел он, назвал себя — оказывается, был лучшим боевым товарищем отца. Сидит на лавке, рука у него на бинте висит. Качает головой.

— Нет, — говорит, — этого не может быть!

— Чего не может быть? — спрашивает мать.

— Не может быть, чтобы Василий Иванович погиб: его пуля не брала.

— Думаешь, заговор от пули знал?

— Не заговор, не наговор, а так — грудь у него, должно быть, стальная...

Мать насторожилась, да и мы затаили дыхание.

— Ты, может, слух какой о нем имеешь? — робко спросила мать.

Красноармеец помолчал, как будто что-то обдумывая, затем сделал рукой знак, чтобы мы подошли к столу.

— Есть слух, — сказал он, — говорил мне красноармеец один, что Василий Иванович Урал переплыл, а теперь у бедного киргиза в кибитке скрывается, ждет, когда казаков разгромят. Ведь иначе ему показываться нельзя.

Мы, затаив дыхание, слушали, и как-то даже верилось, что отец, действительно, жив.

— Непременно жив! — настаивал раненый. — Ведь киргиз-то, что спрятал его, — бедный, а бедняки всех наций кругом любят Василия Ивановича.

Красноармеец прожил у нас долго и каждый день принимался повторять свой рассказ. Мне теперь кажется, что он сам выдумал и сам своей выдумке поверил.

Но отец не пришел: холодные волны Урала поглотили его навсегда.

133. Через шестнадцать лет

И вот, спустя шестнадцать лет, мне удалось снова пройти с молодыми командирами Красной армии, не участвовавшими в гражданской войне, и комсомольцами лучших заводов города Куйбышева по боевому пути Чапаевской дивизии. Многое вспомнилось из гражданской войны, вспомнились

геройские подвиги легендарного комдива Василия Ивановича Чапаева. Горько было, что Чапаев не дожил до наших светлых дней, за которые боролся, вел нас от боя к бою, от победы к победе.

Сбылись слова Василия Ивановича, что хозяевами страны будут рабочие и крестьяне, и жизнь будет такая, что умирать не захочется. Там, где мы проходили с боями, где была голая степь с редко встречавшимися захудалыми, нищенскими землянками, теперь стоят гиганты-заводы, растут колхозы, цветет зажиточная колхозная жизнь.

У станицы Бударино, где в 1919 году была голая земля, изрытая окопами, красуются здания местной тракторной станции, тракторные мастерские, столовая и т. п. А на берегу реки Урала любовно оберегается братская могила, в которой похоронено двести красных бойцов, расстрелянных белоказаками при отступлении.

Тогда нас встречала станица сурово и холодно, казаки прятали и увозили продукты, мы подчас шли в бой голодные; теперь нас встречали радостные, счастливые колхозники, благодарили нас за освобождение от кулаков и помещиков.

Бывший форпост Кожухарово совершенно неузнаваем. Там белыми казаками была придумана сложная тактическая ловушка. Хотели нас подпустить к самой станице и уничтожить. Офицеры приказали казакам подвязать у своих коней хвосты, чтобы не иметь отличия от наших лошадей, у которых хвосты были острижены, влиться в нашу цепь и изрубить наших кавалеристов. Василий Иванович разгадал эту ловушку; приказал нашему полку отступить, а затем другим маневром ударить по Кожухарову, где была сосредоточена громадная сила белоказаков. Казаки оставили форпост. Тогда мы вступили в станицу Кожухарово — пустую, безлюдную. Казаки при отступлении не только увозили с собой все, но и жителей угоняли.

Теперь там расцветает лучший животноводческий совхоз. Там выращивают хороших коней для нашей Красной армии.

Много силы воли потребовалось нашим чапаевцам, участникам похода по боевому пути Чапаева, чтобы удержать слезы при посещении Лбищенска. Никогда не сгладятся в памяти тяжелые дни упорных боев и утрата Василия Ивановича Чапаева.

С каким трудом нам приходилось занимать этот центр уральского казачества! Как старались белоказаки нас не подпускать и близко к Лбищенску! Сколько нам пришлось

оставить в этой степи своих товарищей, в том числе и самого любимого, дорогого Василия Ивановича...

И с каким торжеством, энтузиазмом и любовью нас встречали в Лбищенске теперь! Не доходя пятнадцати километров до Лбищенска, нас встретил эскадрон. Это были не те казаки, которые с нами воевали, хотя среди встречавших и были участники боев против нас. Это были наши, советские казаки, готовые в любой момент в бой за социалистическую родину. Казаки ехали на хороших лошадях, с хорошей амуницией, седла были украшены красными ленточками, впереди развевалось алое, как кровь, знамя.

Весь город вышел встречать нас. Улицы были запружены народом. Не было ни одной хаты, где бы не стояли люди и не приветствовали нас. На улицах были расставлены столы, на которых были разложены всевозможные кушанья для угощения соратников Чапаева и молодых участников похода по боевому пути легендарного начдива.

В Лбищенске мы прожили несколько дней. Мы осмотрели все места боев, расположение штаба Чапаева, место гибели Василия Ивановича. Вместе с нами ходили сотни казаков, женщин, стариков, детей. На том месте, где погиб славной смертью Василий Иванович, и на братской могиле, где лежит прах двухсот лучших бойцов-чапаевцев, казаки рассказывали, как их обманывали офицеры, кулаки и попы, заставляли идти против своих братьев — рабочих и крестьян. Как они счастливы теперь, живя новой, радостной жизнью. Казаки клялись смыть то пятно борьбы против советской власти, которое лежит камнем на сердце, смыть его своим упорным трудом за укрепление социалистической родины, своей преданностью партии и советской власти в предстоящих боях за коммунизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

Песни

1. Чапаевская. Записана в д. Каликино, Грачевского района, Оренбургской области, во время хорового исполнения. Поется на мотив «По долинам и по взгорьям».

2. Песня про Чапая. Записана от быв. чапаевца Чугурова, с. Каменный Брод, Чапаевского района, Куйбышевской области.

3. Нас ведет родной Чапаев. Записана в д. Аряво, Городищенского района, Тамбовской области. Поется на мотив «Взвейтесь, соколы, орлами».

4. Скачут славные чапаевцы. Записана от Филатова, с. Клиновка, Саратовской области.

5. Песня о комдиве. Записана от ученицы Ястребовой Лили, с. Домашка, Утевского района, Куйбышевской области.

6. Смерть чапаевца. Записана в д. Каликино, Грачевского района, Оренбургской области, во время хорового исполнения.

7. Могила героя. Записана от Свечникова С., г. Уральск.

Былины

8. Буданский командир. Записана в с. Байкаиме, Новосибирской области. Первоначальный текст сочинил слепец Ахаров. Как передают жители с. Байкаима, былину Ахаров исполнял под гармонь в Кемерове в 1932—1933 годах.

9. Былина о Чапаеве. Записана от потомственного сказителя Рябинина Петра Ивановича. Рябинин до последнего времени работал смотрителем маяка «Завойлуцкие створные знаки» на Онежском озере. Былина впервые напечатана в газете «Северо-западный водник» 3 марта 1937 года. В публикуемый нами текст автором-сказителем внесены незначительные изменения.

10. Чапай. Записана от известной на севере сказительницы былин Крюковой Марфы Семеновны, в г. Архангельске, во время олимпиады народного творчества. Крюкова М. С. живет в деревне Золотица, Приморского района, Северной области. Впервые былина напечатана в 5-й книге журнала «Новый мир» за 1937 год.

Сказки

11—12. Записаны от Гришкова В. и Будаева П., с. Копыловка, Майнского района, Куйбышевской области.

13. Чапаев и генерал. Записана от Шлыкова А., с. Семеновка, Клиновского района, Саратовской области.

14. Сказка про Чапая. Записана от Бузаева Ф., колхоз имени Кирова, Пугачевского района, Саратовской области.

Устные сказы

15. Как я в разведку ходил. Записан от Мунина П., с. Криволучье-Ивановка, Колокольниковского района, Куйбышевской области.

16. «Чорт - Чапай». Записан от Кондрашева П., с. Андросовка, Куйбышевской области.

17. Как Чапаев беляков перехитрил. Записан от колхозников с. Озинки, Саратовской области.

18. Любимый герой. Записан от Сорокина И., с. Красная Речка, Пугачевского района, Саратовской области.

19. Догадка Чапаева. Записан от колхозника Турунова И., с. Каменный Брод, Чапаевского района, Куйбышевской области. (Один из вариантов сказа о кулацком покушении на Чапаева.)

20—23. Справедливый, храбрый, веселый. Записаны от Чурина М., Семеновка, Клиновского района, Саратовской области.

24—26. Записаны от Камешкирцева, колхоз имени Ворошилова, Саратовской области.

27. Враги боялись Чапаева. Записан от Агаркова Ф., г. Чапаевск, Куйбышевской области.

28. «Бог послал». Записан от Камешкирцева, колхоз имени Ворошилова, Саратовской области.

29. Учитель и командир. Записан от быв. чапаевца Жихарко В., г. Чапаевск, Куйбышевской области.

30. Достойный человек. Записан от рабочего Купцова А., г. Чапаевск, Куйбышевской области.

31. Слово Чапая. Записан от быв. взводного командира Чапаевской дивизии Кашникова Ф.

32—33. Как Чапаев наказывал. Записаны от быв. чапаевца Мизенцова И., с. Порубежка, Пугачевского района, Саратовской области.

34—49. Записаны фольклорной экспедицией куйбышевского отделения союза советских писателей в июле 1936 года от Кульгуськина А. (с. Семениха, Клиновского района, Саратовской области), Королева М. (с. Андросовка, Колокольниковского района, Куйбышевской области), Губарева С. (с. Борское, Куйбышевской области), Акифьева С. с. Клиновка, Саратовской области).

Воспоминания

Записано со слов:

50—51. Живаева Г., быв. красногвардейца, г. Пугачев.

52. Климова, быв. красного партизана.

53. Артемова А., быв. чапаевца, г. Куйбышев.

54. Симотина Ф., быв. чапаевца.

55. Кожухова П., быв. чапаевца, с. Озинки, Саратовской области.

56. Плугарева И., быв. чапаевца, г. Куйбышев.

57. Овчинникова.

58. Найденкова С., колхозника, быв. чапаевца, с. Ивантеевка, Саратовской области.

59. Адрин И., колхозника, с. Каменный Брод, Чапаевского района, Куйбышевской области.

60. Чекунова З., колхозника, с. Ивантеевка, Саратовской области.

61. Новикова А., бывшего красноармейца 22-й дивизии, с. Николаевка, Ивантеевского района, Саратовской области.

62. Радаева Р., колхозника, быв. чапаевца, с. Малое-Перекопное, Чапаевского района, Саратовской области.

Записано со слов:

63. Перова Г., быв. чапаевца, г. Куйбышев.
64. Важина И.
65. Векрелова Н., сторожа при сельсовете, с. Таволжанка, Пугачевского района, Саратовской области.
66. Карпова В., колхозника, быв. чапаевца, с. Ивановка, Ивантеевского района, Саратовской области.
67. Гулина М., быв. чапаевца, с. Семеновка, Клинцовского района, Саратовской области.
- 68—69. Михайлова А., быв. чапаевца.
70. Калинина И., колхозника, с. Николаевка, Ивантеевского района, Саратовской области.
71. Власова И., колхозника, быв. чапаевца, с. Таволжанка, Пугачевского района, Саратовской области.
72. Табашникова А., колхозника, с. Гусиха, Ивантеевского района, Саратовской области.
73. Турунова И., колхозника, быв. красного партизана, с. Каменный Брод, Чапаевского района, Куйбышевской области.
74. Банникова Г., колхозника, с. Гусиха, Ивантеевского района, Саратовской области.
75. Калинина А., колхозника, быв. чапаевца, с. Николаевка, Ивантеевского района, Саратовской области.
- 76—78. Шпанова Я., колхозника, с. Таволжанка, Пугачевского района, Саратовской области.
79. Хобиной А., колхозницы, с. Андросовка, Колокольцовского района, Куйбышевской области.
80. Ермолаева Н., колхозника, быв. чапаевца, с. Преображенка, Пугачевского района, Саратовской области.
81. Вельмисева М., машиниста Каменно-Бродской МТС, Чапаевского района, Куйбышевской области.
82. Никулина М., рабочего Марьевской МТС, Пестравского района, Куйбышевской области.
83. Исаевой А., жены ординарца Чапаева — Петра Исаева, с. Клинцовка, Саратовской области.
84. Суетина Е., колхозника, с. Марьевка, Пестравского района, Куйбышевской области.
85. Орлова Т., колхозника, с. Подшибалово, Саратовской области.
- 86—87. Гулина М., быв. чапаевца, с. Семеновка, Клинцовского района, Саратовской области.
88. Кулагина Н., колхозника, с. Марьевка, Пестравского района, Куйбышевской области.
89. Балмосовой К., колхозницы, с. Николаевка, Саратовской области.
90. Зубковой Т., колхозницы Дмитровского сельсовета, Саратовской области.
91. Руцкова В., с. Вязовка, Пугачевского района, Саратовской области.
92. Нагорнова П., рабочего, быв. чапаевца, с. Ивантеевка, Саратовской области.
93. Баканова П., рабочего, быв. чапаевца, г. Чапаевск, Куйбышевской области.
- 94—95. Шаямова М., рабочего зерносовхоза имени Куйбышева, с. Марьевка, Пестравского района, Куйбышевской области.
96. Безгубова П., быв. чапаевца.
97. Трифонова К., быв. чапаевца, с. Преображенка, Пугачевского района, Саратовской области.
98. Михайлова Д., быв. чапаевца, с. Курманаево, Бузулукского района, Оренбургской области.

Записано со слов:

99. Живаева Г., быв. красногвардейца г. Пугачев.
100. Фомина И., колхозника, быв. чапаевца, с. Гусиха, Ивантеевского района, Саратовской области.
101—102. Плугарева И., быв. чапаевца, г. Куйбышев.
103. Патрикеева М., быв. чапаевца, г. Пугачев, Саратовской области.
104. Харламова В., колхозника, быв. чапаевца, с. Каменный Брод, Чапаевского района, Куйбышевской области.
105. Лоскутова Е., колхозника, быв. чапаевца, с. Порубежка, Пугачевского района, Саратовской области.
106. Рыжкова, Г., быв. красногвардейца, с. Каменный Брод, Чапаевского района, Куйбышевской области.
107. Михайлова А.
108. Чушева П., быв. чапаевца, г. Куйбышев.
109—110. Кожухова П., быв. чапаевца, с. Озинки, Саратовской области.
111. Челнокова С., быв. красноармейца 22-й дивизии, с. Марьевка, Пестравского района, Куйбышевской области.
112. Бабкова П., быв. чапаевца, г. Чапаевск.
113. Перова Г., быв. чапаевца, г. Куйбышев.
114. Пономарева Н., быв. чапаевца.
115. Головкина Л.
116—118. Ильина К., бывшего чапаевца.
119—121. Клоктунова И., орденосца, тракториста Бартеньевской МТС, с. Николаевка, Ивантеевского района, Саратовской области.
122. Белоусова Я., рабочего, г. Пугачев, Саратовской области.
123. Чугурова Н., колхозника, быв. чапаевца, с. Каменный Брод, Чапаевского района, Куйбышевской области.
124—125. Толчева В., колхозника, быв. чапаевца, с. Ивановка, Ивантеевского района, Саратовской области.
126. Лисицына Л., быв. чапаевца, с. Ивантеевка, Саратовской области.
127. Гулина М., быв. чапаевца, с. Семеновка, Клинцовского района, Саратовской области.
128. Лукьянова, быв. чапаевца, Ставрополь на Волге.
129. Кадникова Г., быв. чапаевца, г. Куйбышев.
130. Максимова С., быв. чапаевца, с. Салаван, Н.-Малыклинского района, Куйбышевской области.
131. Березина А., колхозника, с. Озинки, Саратовской области.
132. Михайлова А.
133. Артемова А., быв. чапаевца, г. Куйбышев.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
---------------------------	---

Песни

1. Чапаевская	7
2. Песня про Чапая	—
3. Нас ведет родной Чапаев	8
4. Скачут славные чапаевцы	9
5. Песня о комдиве	10
6. Смерть чапаевца	—
7. Могила героя	11

Былины

8. Буданский командир	12
9. Былина о Чапаеве	13
10. Чапай	19

Сказки

11. Как Чапаев храбрым стал	33
12. Лихой командир	35
13. Чапаев и генерал	36
14. Сказка про Чапая	—

Устные сказы

15. Как я в разведку ходил	39
16. «Чорт-Чапай»	41
17. Как Чапаев беляков перехитрил	—
18. Любимый герой	42
19. Догадка Чапаева	44
20—26. Справедливый, храбрый, веселый	—
27. Враги боялись Чапаева	48

28. «Бог послал»	48
29. Учитель и командир	49
30. Достойный человек	—
31. Слово Чапая	50
32—33. Как Чапаев наказывал	—
34—49.	52

Воспоминания

50. Родной партии человек	58
51. Большевистская закалка	—
52. Для революции себя не пожалею	59
53. Он привил нам любовь к родине	60
54. «Запишите меня в Красную гвардию»	63
55. Примыкали к Чапаеву те, кому не было радости в старой жизни	—
56. В защиту бедноты, против кулачества.	64
57. К Чапаеву в отряд	65
58. Дело было в 1918 году	66
59. Митинг в Каменном Броде	68
60. «Боец не должен робеть»	69
61. Под командой Чапаева	—
62. Против кулаков и белоказаков	70
63. Встреча с Чапаявым	72
64. Бил врага без промаха	73
65. Для Чапаева ничего не жалко	75
66. Тогда не будет войны	76
67. «Обратитесь к Чапаеву»	77
68. Город Пугачев	78
69. «Обе раны зарубцевались»	—
70. Меткие ответы	79
71. Защитник бедноты	—
72. За советскую власть	80
73. Чапай никогда не отступал	81
74. Подарок товарищу Чапаеву	82
75. Крестьяне помогали чапаевцам	84
76—78. И он нам помогал	—
79. Уважали мы героя нашего	85
80. Кулацкая месть	86
81. Слово Василия Ивановича	—
82. Справедливый был человек	87
83. Помогал беднякам	88
84. Наказ председателю волисполкома	89
85. С чапаевским документом	90
86—87. «Я за партию большевиков»	91

88. На партийном собрании	91
89. Чапаев нас ободрял	93
90. Трудовому народу — свой брат	—
91. Чапаев и Фурманов	96
92. Суд	99
93. «Будем жить, как в сказке»	—
94—95. В окопах Галиции	100
96. Бой под хутором Коровиным	102
97. С ним было не страшно	104
98. Отважный начдив	105
99. Вперед, на Гурьев!	—
100. Учеба под огнем	106
101—102. Его приказы выполнялись беспрекословно	107
103. Решительный, находчивый, смелый	110
104. Боевые поручения	111
105. В бою и на отдыхе.	113
106. Чапаевцы — бойцы за правое дело	115
107. Всегда был впереди	—
108. Воспитывал храбрых и непобедимых	116
109—110. Полки шли на Уральск	118
111. Чапаевцы нас выручили	121
112. Памятные дни и дела	122
113. Чапаев с нами — победим	123
114. Незабываемые встречи	125
115. Соратник товарища Фрунзе	126
116—118. Самый любимый командир	130
119—121. Рассказ краснознаменца	134
122. Освобождение Уральского	136
123. Простой и близкий	137
124—125. Строго карал за нарушение дисциплины	138
126. Похвала Чапаева	139
127. Два случая с пленными	—
128. Мы отомстили за него	140
129. Сентябрь 1919 года...	143
130. Как погиб Чапаев	145
131. «А может, это легенда»	147
132. «Не мог Чапаев погибнуть»	—
133. Через шестнадцать лет	148
Примечания	151

ОПЕЧАТКИ
(в части тиража)

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>	<i>По чьей вине</i>
81	16 снизу	защищать	защищать	Типографии
84	8 »	никог а	никогда	»
85	3 »	товариш	товарищ	»
97	7 »	Теша	Теща	»

Чашай

Иероглиф и титул художника С. Зорина.

Редакторы Р. Гурвич и В. Селиверстов.

Техн. редактор М. Колесникова.

Корректоры А. Ярошевская и Е. Николаева.

Сдано в набор 11.VIII.38. Подписано к печати 9.XI.38. Формат 84×108/32. Печ. л. 10,0. У-а. л. 8,85. Тираж 10 000. Упол. облита К-3868. Индекс VI-X-46. Облгиз № 2818. Цена 2 р. 65 коп. Переплет 1 руб. Типография им. Яги треста «Полиграфнига», г. Куйбышев.

Заказ № 1915.

3 р. 65 к.

1387